

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
КАФЕДРА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

На правах рукописи



ЖУРАЕВА РАМЗИЯ САИДКУЛОВНА

**КОНЦЕПТ «ХУШБАХТӢ/HAAPPINESS (СЧАСТЬЕ)» В ТАДЖИКСКОЙ
И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

Специальность 10.02.19 - Теория языка

**ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Джаматов С.С.

Душанбе – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТА «ХУШБАХТӢ/НАРРИНЕСС (СЧАСТЬЕ)» В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	13
1.1. Лингвокультурология как новое научное направление в лингвистике	13
1.2. Лингвокультурология как продукт взаимосвязи языка и культуры	17
1.3. Концепт как основная единица культурологии	24
1.4. Концепт как основная описательная единица языковой картины мира	32
1.5. Соотношение «концепта», «понятия» и «значения».....	37
1.6. Концепт «хушбахтӢ/happiness (счастья)» в этической парадигме	43
<i>Выводы по первой главе</i>	51
ГЛАВА II. СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОТНОСЯЩИХСЯ К КОНЦЕПТУ «ХУШБАХТӢ/НАРРИНЕСС (СЧАСТЬЕ)» В СОПСТАВЛЯЕМЫХ ЯЗЫКАХ	54
2.1. Этимологический анализ концепта «хушбахтӢ/happiness (счастье)» в исследуемых языках.....	54
2.2. Структурный анализ монокомпонентных лексических единиц, относящихся к концепту «хушбахтӢ/happiness (счастье)»	63
2.3. Структурный анализ поликомпонентных лексических единиц, относящихся к концепту «хушбахтӢ/ happiness (счастье)».....	83
2.4. Фразеологическая репрезентация концепта «хушбахтӢ/ happiness (счастье)» в сравниваемых языках	90
2.4.1. Таджикские и английские идиомы, относящиеся к концепту «хушбахтӢ/ happiness (счастье)».....	99
<i>Выводы по второй главе</i>	113
ГЛАВА III. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСВЕЩЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОТНОСЯЩИХСЯ К КОНЦЕПТУ «ХУШБАХТӢ/НАРРИНЕСС (СЧАСТЬЕ)» В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	115
3.1. Семантические особенности концепта «хушбахтӢ/happiness (счастье)» в таджикском и английском языках.....	115
3.2. Лингвокультурологическое освещение концепта «хушбахтӢ/happiness (счастье)» в таджикской поэзии разных исторических эпох.....	120

3.3. Явление полисемия в концепте «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в исследуемых языках.....	135
3.4. Явление синонимия в концепте «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в таджикском и английском языках	140
3.5. Явление антонимия концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в таджикском и английском языках	146
<i>Выводы по 3 главе</i>	152
Заключение	155
Библиографический список	161

Введение

В последнее время одной из важнейших проблем когнитивной лингвистики стала проблема отображения в сознании человека целостной картины мира, фиксируемой языком. Особенно актуально исследование ментальных образов и их языковых воплощений в разных языках, поскольку контрастный материал позволяет обратить внимание на общее, специфическое и уникальное в этнокультурах, приближая нас к пониманию ментального образа мира. Приобретая опыт, человек трансформирует его в определенные концепты, которые логически связываясь между собой, образуют концептуальную систему; она конструируется, модифицируется и уточняется человеком непрерывно. Это объясняется таким свойством концепта, как способность к изменчивости в сознании.

Совокупность концептов, как семантические единицы, отражающие культурную специфику мировосприятия носителей языка, образуют концептуальную область, соотносимую с понятием ментальности как способа видения мира. Понятие картины мира, в том числе и языковой, строится на изучении представлений человека о мире. Решая проблему соотношения концептуальной и языковой картин мира, лингвисты пытаются установить, как происходит формирование тех или иных концептов

В современном языкознании все больше проявляется интерес к проблемам взаимосвязи языка и культуры. На сегодняшний день изучение лингвокультурологических концептов является наиболее актуальной, поскольку исследование ментальных образов и их языковых воплощений в разнотипных языках позволяет выявлять общее, специфическое и уникальное в этнокультурах, тем самым приближая нас к пониманию ментальной картины мира. Одна из стратегий изучения концептов заключается в том, что базируется на конкретно избранном языковом материале. В данном случае концепт

«хушбахтӣ/happiness (счастье)» исследуется в таджикской и английской лингвокультурах.

Исследование концепта счастье, как качественность бытия человека, является одной из актуальных гносеологических проблем гуманитарной науки. Попытки его исследования привели к созданию бесчисленных философских, социологических, религиозных, психологических подходов к его объяснению.

Анализируя данный концепт, мы опираемся не просто на слово, а на рассмотрении понятия и значения в целом, поскольку концепт – это многомерная ментальная единица коллективного и индивидуального сознания, представленная в плане выражения целым рядом языковых реализаций, в которой выделяются понятийная, образная и ценностная составляющие. Проблема концепта – это проблема того, как люди мыслят. В свою очередь, анализ мышления имеет традицию в классической философии.

Считается, что культурные концепты как мировоззренческие универсалии принадлежат языку философии и в зависимости от уровня абстракции могут реализоваться в семантической материи одного или нескольких языков. Если философские понятия-термины (или в данном случае концепты), как и научные понятия определены и наполнены конкретным семантическим содержанием, то культурные концепты-мировоззренческие универсалии, семантически наполняясь соответствующей культурной парадигме значений и смыслов могут выходить за рамки какой-либо одной конкретной теории или концепции, т.е. могут стать объектом изучения лингвистики.

В многочисленных трудах учёных и в отдельных наблюдениях, главным образом, рассматривались аксиологические, психологические и социологические аспекты концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)», описывались сущность и способы его достижения, однако последовательного анализа семантической структуры данного концепта, в частности в таджикском языке, не проводилось.

Актуальность исследования определяется тем, что счастье – являясь самым предпочтительным, самым большим и самым совершенным из благ, также важен в изучении гносеологических проблем гуманитарной науки,

поиском которого занимается человечество на протяжении всей истории своего существования.

Актуальность исследования также обусловлена недостаточной степенью изученности семантического поля концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в сопоставительном плане в таджикском и английском языках, существенностью описания основных, культурных концептов концептосферы с целью выявления национальной специфики данного концепта в таджикской и английской лингвокультурах.

Степень разработанности проблемы. Теоретические и практические аспекты исследования концептов уже становились объектом пристального внимания мирового научного и профессионального сообществ.

Однако, попытки представителей отечественного языкознания в этой сфере не отличаются частотностью и целостностью. Так, например, данная проблема до сих пор не стала предметом специального исследования со стороны таджикских ученых–филологов. Безусловно, вопросы концептологии выступали в качестве тематик целого ряда статей, обзоров, представляемых на научных семинарах и конференциях различного уровня, однако затронуты они были, как правило, фрагментарно и не получили в этих трудах должного изучения. Сопоставительный семантико-лингвокультурологический анализ концепт «хушбахтӣ/happiness (счастье)» неоднократно становился эпицентром исследований российских и зарубежных ученых, таких как А. Вежбицкая; С.Г. Воркачев, Д.С. Лихачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, М.В. Пименова, П.В. Токарев, В.А. Маслова, Т.В. Гоннова, А.Я. Гуревич, В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф и других. На этой же базе, российскими учеными были проведены обширные исследования по различным аспектам заявленной нами тематики, которые легли в основу целого ряда научных трудов и серии учебных, методических курсов.

По изучению концепта «happiness/хушбахтӣ (счастье)» в сопоставлении с английским языком проведены ряд исследовательских работ, в русском (С.Г. Воркачев), калмыцком (Д. Лагаева), татарском (Г.А. Бакирова) и узбекском (Н.

А.Тухтахуджаева) языках, но в современной таджикской лингвистике этот концепт недостаточно изучен. Попытки таджикских исследователей в этом направлении достаточно ограничены, хотя последнее десятилетие характеризуется активными научными изысканиями в области когнитивной лингвистики. Были защищены ряд диссертационных работ, в частности А. Пак «Сопоставительное исследование концепта «красота» в китайском и русском языках» (2009); З. Гуловой «Концепт «Еда» в русском и польском языках» (2015); М.Дж. Мамедовой «Концепт «ум» в таджикской и русской языковых картинах мира» (2015); М.М. Имомзода «Национальная специфика языковой объективации концепта «семья» в лексико-фразеологической и паремиологической системах таджикского и китайского языков» (2017); Д. М. Азиззода «Концепты «Муҳаббат/Love» дар тасвири забонии ҷаҳон» (2019); Н. Б. Рахмоновой «Отражение концепта «Свадьба» в таджикском и памирском языках» (2019); Ш. К. Фазыловой «Концепт «Богатство» в русском, таджикском и английском линвокультурах» (2019); М. К. Давлатовой «Отражение концепта «жизнь/life» в лексико-фразеологической системе таджикского и английского языков(2019) и другими молодыми учеными. Некоторые вопросы таджикской концептуальной картины мира рассматриваются в сопоставительно-типологическом и семантическом аспектах в исследованиях Х. Х Мирзоева (2014), Махдии Мухаммадбегии Косвои (2016), У.А. Гадайбаевой (2007) и др.

Изучение культурологических концептов в разносистемных языках важно для дальнейшего развития сопоставительного языкознания, так как при изучении определяется разница в их восприятии со стороны разных народов. Таджикский и английский языки являются социокультурологически разными языками, которые связаны с европейской и восточной культурами. Это во многом определяет разницу восприятия концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» со стороны носителей исследуемых языков.

Идея счастья – одна из самых старых и плодотворных в истории этики, служившая предметом философских изысканий со времен античности, изучением которой занимались не одно поколение западных и восточных

ученных. Счастье отражает базовую ценность, особенность мировосприятия народа. Она связана с самим человеком и его развитием, поскольку речь идёт об определённых потребностях и их удовлетворении. «Счастье является началом и концом человеческих стремлений, счастье есть цель, к которой стремятся все», считает К. Нешев [91, 31]. Эту точку зрения разделяет Аль-Фараби, который говорит: «Счастье – это цель, к которой стремится каждый человек, ибо он является неким совершенством. Всякое совершенство есть цель, к которой стремится человек потому, что оно является неким благом. Счастье является самым полезным из предпочтительных благ...» [8, 3]. Являясь ключевым компонентом национальной культуры, концепт счастье отражает важнейшие категории и установки жизненной философии таджикского и английского народов, и имеет особую значимость для понимания их национального характера другими народами.

Объектом исследования являются сравнительный анализ концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в таджикском и английском лингвокультурах.

Предмет исследования – сопоставительный анализ концепт «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в таджикском и английском лингвокультурах.

Цель и задачи исследования. Цель исследования – выявить универсальные и специфические характеристики концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в культурном сознании таджикского и английского народов и тем самым определить отличия в понимании счастья в разных типах языковых реалий.

Для достижения цели данного исследования перед нами были поставлены следующие **задачи**:

- определить теоретическую базу исследования;
- изучить семантическое пространство концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в таджикском и английском языках, используя данные по философии, социологии, психологии, культурологии и лингвистике;
- определить базовые понятия языковой картины мира и ее основные характеристики, а также специфики национального концепта как единицы языкового сознания;

- обнаружение когнитивных моделей концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» как компоненты менталитета носителей таджикского и английского языков;
- очерчивание связей между концептом «хушбахтӣ/happiness (счастье)» и другими концептами;
- определение ценностных доминант концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» и способов их языковой реализации в английской и таджикской лингвокультурах.

Научная новизна настоящей диссертационной работы заключается в том, что в ней впервые комплексно изучается лингвокультурный концепт «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в концептосфере таджикского языка в сопоставлении с английским языком. При этом в исследовании учитывается широкий контекст мировоззренческих (философских, социологических, психологических) и национально-культурных традиций. Определены ценностные, понятийные и образные составляющие концепта счастье в таджикском и английском языках, выявлены национально-специфические и универсальные компоненты семантики исследуемого концепта в разнотипных языках и лингвокультурах.

Теоретическую базу исследования представляют труды русских, зарубежных, а также отечественных лингвистов в области когнитивной лингвистики, лингвоконцептологии [Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, С. А. Аскольдов-Алексеева, А. П. Бабушкина, С.Г. Воркачева, А. Вежбицкой, В.З. Демьянкова, В.В. Красных, Е.С. Кубряковой, В.И. Карасика, О.А. Корнилова, Д.С. Лихачёва, Г.Г. Слышкина, Ю.М. Лотмана, В.А. Масловой, З.Д. Поповой, М.В. Пименовой, Е.В. Рахилиной, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, Дж. Лакоффа, Ч. Филлмора, Э. Роша, В.Н. Телия, Д.М. Искандаровой, Н. И. Каримовой, З.А. Гуловой и др.].

Теоретическая значимость работы заключается в том, что материалы данной исследовательской работы могут представлять интерес для дальнейших научных работ в области культурологии и социологии, а также могут

использоваться в разработке некоторых аспектов теории межкультурной коммуникации, который введен в ряд общетеоретических дисциплин, преподаваемых в таджикских вузах.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты данного исследования могут быть использованы при написании учебников и учебных пособий по курсу: «Когнитивная лингвистика», «Теория и практика перевода», «Стилистика текста», при составлении словарей, а также в лекционных курсах по лингвистике данных языков, сравнительной типологии таджикского, английского и русского языков, при написании дипломных работ и магистерских диссертаций.

Методы исследования. Настоящее исследование представляет собой историко-сопоставительное описание исследуемого материала, основывающееся на изучении и обобщении достижений современной лингвистики. Основными методами являются сопоставительный и описательный методы, метод компонентного анализа, метод контекстуального анализа.

Материалом для исследования послужили данные, полученные методом сплошной выборки из словарей исследуемых языков «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» [ФТЗТ: 2010]; «Мудрость трех народов» Я.И. Калонтарова [Калонтаров: 1989], «Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикию форсӣ» - томов I, II, III М. Фозилова [Фозилов: 2014], «Фарҳанги забони тоҷикӣ» [ФЗТ: 2010], ряд научных и художественных литератур, периодические издания, газеты, журналы, энциклопедии, а также электронные интернет-ресурсы. При выборе авторов художественной литературы особое внимание уделялось временному критерию, т.е. использованы как классическая, так и современная художественная литературы, главной причиной которой было определение восприятия данного понятия в прошлом и в настоящем времени.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Изучаемый концепт как ментальный комплекс обладает сложной структурой и семантикой и охватывает в себе определённое содержание. Выявление основных единиц номинативной периферии, поля и ядра концепта

«хушбахтӣ/happiness (счастье)» в сравниваемых языках способствует обнаружению содержания и особенности его языкового выражения.

2. В разных языковых картинах мира важен выбор языковых средств и их анализ для вербализации концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» и его характеристики, так как они варьируются в разных лингвокультурах в соответствии с мироощущением и мировосприятием носителей языков.

3. Концепт «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в таджикском и английском языках представляет различия языковой и концептуальной картин мира, определяя специфические особенности в оценке одних и тех же понятий, и явлений в различных лингвокультурах.

4. Исследования фразеологических единиц и паремиологического фонда языка, включающих устойчивые когнитивные компоненты со значением «хушбахтӣ/happiness (счастье)» предоставляет возможность, определить особенности национального менталитета, этнокультурные стереотипы, а также национальную специфику изучаемых лингвокультур.

5. На современном этапе развития языка лингвокультурный подход изучения концепта является важным аспектом когнитивной лингвистики, в связи с этим, анализ и очерчивание концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» на материале таджикского и английского языков способствует выявлению культурных доминантов указанного концепта.

Личный вклад соискателя. Основные результаты получены автором самостоятельно. Личный вклад автора состоит в сборе, обработке, анализе исследуемого материала и обобщении полученных результатов. Диссертантом представлен аналитический обзор трудов зарубежных и отечественных учёных по проблемам концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в таджикском и английском языках.

Апробация работы. Основные результаты научных изысканий, теоретические положения, результаты и выводы проведённого исследования обсуждались на заседаниях лингвистических и теоретических семинаров кафедры иностранных языков НАНТ (2019-2022); были представлены в докладах

на конференциях разного уровня: на ежегодных заседаниях круглого стола, организованных кафедрой иностранных языков НАНТ, а также международных конференций. Основные положения диссертации изложены в 8 статьях, 4 из которых изданы в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Объем и структура работы. Диссертационная работа состоит из трех глав, заключения и библиографии.

ГЛАВА 1.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «ХУШБАХТӢ – HAPPINESS (СЧАСТЬЕ)» В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

1.1. Лингвокультурология как новое научное направление в лингвистике

Наряду с другими лингвистическими наукам, лингвокультурология – это самостоятельная отрасль языкознания, которая изучает и исследует взаимоотношения между культурными концептами и языком в целом. При всем том, культурная лингвистика расширяет аналитический и теоретический прогресс когнитивистики (охватывая исследование сложных систем и процессов разделения познавательной способности) и антропологии. Разные языки и их особенности исследуются в рамках лингвокультурологии, которая в свою очередь, отображает культурные модели, культурные категории, культурные метафоры и культурные концепты.

Определение лингвокультурологического изучения как тесное исследование языка культуры является общепринятым правилом в сфере лингвистики. Следовательно, лингвокультурологию можно обусловить как дисциплину, представляющую собой целостное теоретическое и описательное исследование различных объектов функционирующих в системы культурных ценностей разных языков, отражённых в их языке, или как отрасль лингвистики, при помощи которой проводится контрастивный анализ лингвокультурологических областей, основанной на теории лингвистической относительности.

Относительно данной проблемы В. В. Воробьев отмечает: «Лингвокультурология – комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при

помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [35, 37]. Поддерживая его мнение, мы считаем, что объектом данного предмета могут послужить культурно-национальные формы существования социума, отражаемые в их языковой системе.

Вместе с тем, лингвист В. В. Красных высказывает свою точку зрения относительно дефиниции лингвокультурология следующим образом: «... дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, непосредственно связанной с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [66, 12].

Важнейшей особенностью сопоставительной лингвокультурологии возможно, является изучение того или иного явления в контексте культуры и в контексте языка в одинаковой мере. Сопоставительная лингвокультурология рассматривает и сравнивает языки сквозь призму родного языка. Контрастивный метод описания, являющийся доминирующим в данной дисциплине, способствует выявлению не только структурных и функциональных особенностей сравниваемых языков, а также национально-культурное своеобразие народов, носителей языков.

Наряду с этим, Е. И. Зиновьева и Е. Е. Юрков утверждают, что можно признать лингвокультурологию «филологической наукой, которая исследует различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка, через изучение языковых единиц разных уровней речевой деятельности, речевого поведения, дискурса, что должно позволить дать такое описание этих объектов, которое во всей полноте раскрывало бы значение анализируемых единиц, его оттенки, коннотации, и ассоциации, отражающие сознание носителей языка» [52, 13].

Однако следует также принимать во внимание тот факт, что информация, получаемая с энциклопедий и их соотнесение с языковым значением, является одним из вопросов лингвокультурологии.

Из данных положений можно сделать вывод, что цель лингвокультурологии, в частности сопоставительной лингвокультурологии – проследить взаимосвязь языка и культуры общества разных народов, понять их взаимопроникновение и отражение культурных ценностей в языке. Понимание языка как инструмента познания культуры, можно считать основой методологии сопоставительной лингвокультурологии в котором находит отражение культура народа-носителя данного языка.

По мнению некоторых ученых, таких как Е. И. Зиновьева, Е. Е. Юрков, В. В. Красных, В. В. Воробьев и др. «сопоставительная лингвокультурология направлена на исследование иностранных (неродных) языков через родной язык респондента и ставит своей целью сопоставление (сравнение) языков в целом, включая все их структурные уровни: фонологический, морфологический, синтаксический, семантический» [52, 66, 35]. Тем не менее, относительно принципов сравнения языков в теоретическом аспекте, существуют несколько точек зрения, определяющих основу данной методологии. К ним относятся следующие принципы: а) принцип сравнимости, который предполагает рациональное сочетание различных подходов для сравнения языков и нахождение функционально близких языковых явлений в сопоставляемых языках; б) принцип системности, который предполагает рассмотрение и сравнение отдельных элементов языка в рамках парадигматических группировок, т.е. как части неких парадигматических группировок; в) принцип терминологического соответствия, т.е. прежде чем приступить к сопоставительному исследованию каких-либо языковых явлений, следует классифицировать термины таким образом, чтобы они могли адекватно обозначать явления в сравниваемых языках и др. Понятие «языковая картина мира» является одной из понятий данной лингвистической науки. С этой точки зрения роль языка в сохранении знаний человека об окружающей его действительности несомненно велика, так как в нем фиксируются результаты познания человеком мира, совокупность которых можно представить, как языковую картину мира.

Под понятием языковой картиной мира осмысливается характерное для определенного языкового коллектива восприятие объективной действительности, фиксированное и отражаемое в языке. Это особое мировидение народа через призму языка.

Главное назначение, основные функции сопоставительной лингвокультуры это её коммуникативная функция, которая позволяет устанавливать связи, контакты в обществе, проводить диалоги культур и языков, а также межкультурные коммуникации.

«Лингвокультурология – на сегодняшний день, пожалуй, самое молодое ответвление этнолингвистики или же, воспользоваться *химической* метафорой, это новейшее молекулярное соединение в границах последней, отличное от всех прочих своим *атомарным составом* и валентностными связями: соотношением *долей* лингвистики и культурологии и их иерархией» [41, 46].

Задача лингвокультурологии как научной дисциплины, состоит в изучении взаимосвязи языка и культуры, менталитета конкретного народа и как утверждает С. Воркачѐв: «она создана по прогнозу Бенвениста на основе триады – язык, культура, человеческая личность, и представляет лингвокультуру как линзу, через которую исследователь может увидеть материальную и духовную самобытность этноса» [32, 32].

Главный вопрос в современном языкознании – это соотношение языка и культуры, но несмотря на значительные разногласия в подходах к отношениям между языком и культурой, утверждение о том, что язык является неотделимой частью культуры народа, никем не оспаривается.

По словам В.В. Воробьѐва «Сегодня уже можно утверждать, что лингвокультурология – это новая филологическая дисциплина, которая изучает определённым образом отобранную и организованную совокупность культурных ценностей, исследует живые коммуникативные процессы порождения и восприятия речи, опыт языковой личности и национальный менталитет, даёт системное описание языковой картины мира» [36, 18].

Вместе с тем, В.Н. Телия определяет лингвокультурологию «как часть этнолингвистики, посвящённую изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в их синхронном взаимодействии» [122, 23]. Следовательно, можно говорить о том, что объект лингвокультурологии изучается в контекстах лингвистики и культурологии.

Таким образом, мы можем сделать выводы относительно проблем изучаемых в лингвокультурологии, и как нам кажется, к ним можно отнести пословицы, поговорки, афоризмы, фразеологизмы, составляющие культурное наследие социума, а также всякие обычаи, традиции, обряды, ритуалы, мифы и поверья, которые сохранились в языке народа. Как и любая научная дисциплина, лингвокультурология имеет свою систему основных терминов, к числу которых относится и концепт.

1.2. Лингвокультурология как продукт взаимосвязи языка и культуры

Язык – это самый главный символ, определяющий народ, орудие и хранитель его культуры. Язык – это источник народной культуры, который хранит в себе историю народа и его дух, и передаёт его из поколения в поколение, и тем самым предотвращает исчезновение культуры этносов в целом. Язык понимается как духовная реальность, живая деятельность человеческого духа, отражающая каждую стадию развития человечества.

Язык фиксирует и отражает все знания человека об окружающем мире и историческую память о важных событиях его жизни. Создание языка обусловлено внутренней потребностью человечества. Относительно взаимосвязи языка с культурой С.Г. Воркачев отмечает, что: «Язык, культура и этнос взаимосвязаны и образуют средостение личности – место сопряжения её физического, духовного и социального» [34, 64].

Язык – это не только средство общения людей и поддержания социальных связей, он также необходим для формирования личности, его миропонимания и развития духовных сил, он заложен в самой природе человека, и в нём отражается знания человек о мире, природные особенности народа, коллективный уклад, исторические судьбы и жизненная практика. Язык и культура тесно связаны друг с другом, они как бы переплетаются между собой, тем самым дополняют друг друга. Существует суждение о том, что язык – это общественное явление, вырабатывающее убеждения человека и ценности национальной культуры. Поэтому, язык справедливо относится к одной из самых значимых категорий культуры, поскольку именно в языке создаётся и отражается суждения и мировоззрение человека.

Простое отражение мировоззрения людей не является главной задачей языка. Её важнейшая функция заключается в хранении культуры и передачи её последующим поколениям, в результате которого формируется личность и национальный характер народа в целом.

Вместе с тем, лингвист Г.В. Колшанский даёт следующее определение языку: «Язык, являющийся формой существования мыслительной деятельности человека, охватывает собой все сферы индивидуальной и общественной жизни человека и является составной частью человеческой природы, практической и теоретической деятельности, как индивидуума, так и социума» [63, 8]. Автор также утверждает, что язык не может познать мир самостоятельно, и потому не может создать какую-либо картину мира, однако, учёный не отрицает тот факт, что в языке могут находить своё отражение результаты творческой и познавательной деятельности человека, которые закрепляются именно в языке.

Следовательно, в системе и структуре языка сохраняются и отражаются все особенности человеческого мышления, его мировидение, и результат его практической деятельности.

Язык не только сокровищница и копилка культуры, он отражает не только реальный мир, который окружает человека, его значимость и роль намного шире, потому как в нем отражается целая система ценностей, которая объединяет общественное самосознание народа, его менталитет и образ жизни, национальный характер, бытующие обычаи и традиции, мироощущение и национальную картину мира. Все эти ценности сохраняются в формах письменной и устной речи, в художественной и научной литературе. Язык способствует приспособлению человека в обществе, помогает правильно оценивать, классифицировать и упорядочить сведения об объектах и явлениях окружающего его мира. Поэтому, язык может передать не только богатство, но и ограниченность познания человека, его ошибки, заблуждения, выдумки и т.д.

Проблема соотношения и взаимосвязи языка, культуры, этноса нельзя считать проблемой одной области науки, это междисциплинарная проблема, которую можно решить усилиями нескольких наук, таких как философия, социология, этнолингвистика и культурология.

Отношение языка и культуры следует рассматривать как отношение целого и его части, так как они переплетены между собой. Выражая культуру, язык

развивается в ней, и как «зеркало человеческого духа» и «зеркало культуры», отражает личность, точнее его способ мышления и миропонимания.

При изучении литературного языка или языка фольклора язык выступает в роли основного компонента культуры, либо как его орудие. Однако язык можно рассматривать вне культуры или в сравнении с ним как равноправное явление.

Новая научная дисциплина – лингвокультурология, которую можно полагать самостоятельным направлением и разделом языковедения, возникла на основе данной идеи.

Таким образом, если исследуемым объектом лингвокультурологии можно считать самосознание человека по отношению ко всем сферам его жизнедеятельности, а объектом лингвистики его миропонимание, отражаемое в виде языковой картины мира, объединив их вместе (т.е. объекты) мы получим предмет лингвокультурологии.

Однако Стернин И. А. считает, что: «далеко не вся национальная специфика семантики слова и языка в целом обусловлена отражением в семантике культуры народа» [115, 69]. Следовательно, функционально-структурные различия языковых единиц никак не обусловлены факторами культуры и большинство семантические компоненты значений слов отражают не явления культуры, которые специфичны для каждого народа, а общечеловеческие, универсальные явления материальной и духовной культуры.

Представители одной лингвокультурной общности, входя в контакт с членами другой лингвокультурной общности и даже говоря на языке последней, действует по своим моделям поведения, употребляют свои культурные знания. Поэтому, при речевом контакте представителей разных культур, так или иначе, проходит этап более или менее успешного слияния. Национально-культурная специфика речевого общения складывается из системы факторов, обуславливающих отличия в организации, процессов общения, в быту и традициях, характерных для определённой культурно-национальной общности или языкового коллектива.

Лингвокультурология представляет собой отрасль языкознания, изучающий взаимоотношения между языком и культурными концептами, а также проводящий целостное теоретико-описательное изучение объектов системы культурных ценностей, которая отражается в языке, а также сравнительно-сопоставительный анализ лингвокультурологических областей разных народов.

Основным объектом лингвокультурологии ряд авторов [Е. И. Зиновьева, В. В. Красных, В. А. Маслова, М. А. Фёдоров и др.] называют «взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования и изучение интерпретации этого взаимодействия в единые системы целостности, а предметом данной дисциплины национальные формы бытия общества, воспроизводимые в системе языковой коммуникации и основанные на его культурных ценностях» [52, 66, 83, 127].

Лингвист В. В. Красных описывает лингвокультурологию следующим образом: «дисциплина, изучающую проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, непосредственно связанную с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [66, 12].

Вместе с тем, Е. И. Зиновьева и В. В. Юрков считают возможным признать лингвокультурологию «филологической наукой, которая исследует различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса, что должно позволить дать такое описание этих объектов, которое во всей полноте раскрывало бы значение анализируемых единиц, его оттенки, коннотации и ассоциации, отражающие сознание носителей языка» [52, 10].

Данная дисциплина анализирует мыслительные и культурные особенности представителей разных народов, и тем самым способствует выявлению особенностей их культурных ценностей, характер и оттенки концептов материального и духовного мира представителей этих народов в тесной связи с

другими научными дисциплинами, таких как этнолингвистика, лингвострановедение и психоллингвистика.

В. А. Маслова утверждает, что: «цель лингвокультурологии это изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру, а задача, выявить, как культура участвует в образовании языковых концептов, или существует ли в реальности культурно-языковая компетенция носителей языка» [83, 36]. С этой позиции лингвокультурологию можно рассматривать как теоретическую базу лингвострановедения и как научная дисциплина, которая изучает язык и культуру во взаимодействии.

Понятие национальной картины мира, как общее представление суждений об общественном поведении, жизненном укладе и общечеловеческих ценностей социума, полностью совпадают с лингвокультурой.

Рассматривая перспективность данной научной дисциплины с точки зрения теории и истории культуры, прежде всего, нужно постараться определить ее суть, принимая во внимание разные аспекты изучения явлений языка и культуры.

Исходя из теории некоторых учёных, М. А. Фёдоров предлагает свой тезис относительно взаимоотношения языка и культуры, в котором сообщает, что: «язык в силу своей орудийной природы закрепляет в инвентаре культурозначимые смыслы и способы размышления о них, делает его максимально удобным именно для выражения этих смыслов» [127, 84].

Как нам кажется, язык не может быть орудием культуры, так как она объединяет все средства понимания объектов окружающей действительности, и потому было бы правильнее определить его как область культуры в силу его возможностей. К примеру, С. Г. Тер-Минасова отмечает, что: «язык и культура представляют собой неделимый уникальный тандем; язык является важнейшим компонентом культуры, культура считается неотъемлемой составляющей языка, и данный факт обязывает исследователей рассматривать их во взаимодействии» [123, 99]. Следственно, структурный аспект языка позволяет нам определить

понятие «лингвокультура» как совокупность объёма информации культуры, которое находит свое отражение в языке.

Все особенности культуры народа находят своё отражение в его языке, который, безусловно, специфичен и уникален, так как в нём, совершенно разнообразно фиксируется миропонимание и мироощущение человека. Исходя из этого в самом конце XX в. прибавилось ещё одно определение языку, как «продукт культуры», которое показывает её как важная составная часть существования и фактор формирования культурных понятий.

Невозможно вообразить человечество и его умственные способности к порождению и восприятию речи вне языка, ибо язык способен создавать новые ментальные пространства, вторгаясь во все мыслительные процессы, именно благодаря языку человек может выйти за рамки непосредственно наблюдаемого.

При помощи языковых средств человек создаёт текст, который отражает ход его мыслей, и в котором запечатлены способы её представления мира. Следовательно, принятие информации и его обработка человеческим разумом, приобретение знания и их представление в человеческом сознании, а также их представление в языковых формах является продуктом лингвокультурологии, которая активно развивается в последние десятилетия. Ключевыми понятиями лингвокультурологии можно считать язык и культуру человека в целом. Как было отмечено выше, в лингвокультурологии большое внимание уделяется взаимосвязи культуры и языка, а также роли человека в данном процессе. Вопрос о том, каким видит человек этот мир, как он отображает этот мир в языке, какими средствами языковых форм он пользуется для выражения своих мыслей и понятий, требуют тщательного, внимательного изучения и осмысленного ответа. Возникают много вопросов, требующих ответа относительно значимости роли фразеологизмов, афоризмов и пословиц в вековом сохранении культуры и её репрезентации последующим поколениям.

Язык в научной дисциплине лингвокультурология изучается как феномен культуры, выражающий определённое понимание мира через призму национального языка и особенности национального менталитета. Он теснейшим

образом связан с культурой, формируется в ней, и выражает ее. Именно эта идея послужила поводом для возникновения нового, самостоятельного научного направления в лингвистике в 90-е годы XX в.

Понятие линвокультурологии появилось в связи с работами фразеологической школы, которую возглавлял учёный лингвист В. Н. Телия, а также работами Ю. С. Степанова, А. Д. Арутюновой, В. В. Воробьева, В. А. Масловой и других исследователей русской лингвистической школы.

Изучением отношения человека к природе, обществу, искусству и других сфер социокультурной жизни человека занимается отдельная научная дисциплина культурология, а анализом ментальных образов языковой картины мира, отражаемой в языке, языкознание. Линвокультурология в свою очередь, изучает эти два явления во взаимодействии. Она исследует проявление культуры народов и этносов, отражающихся и сохранившихся в их языке. Взаимодействие научных дисциплин, таких как языкознание, этнография, фольклористика, археология, культурологии могут способствовать возрождению любой культуры в её наиболее древнем виде, и её передачи новому поколению. Линвокультурология рассматривает и изучает все исторические, и современные языковые факты через духовную культуру народа, так как она представляет собой совокупность многообразных этнических культур. У представителей каждого этноса, народа есть свои способы действия, направленные на удовлетворение каких-либо потребностей, и они в корне могут отличаться от других. К примеру, то что считается нормой для представителей одного народа, может быть совершенно неприемлемой для другого, поэтому оказавшись в непривычной среде, знакомившись с представителями другого этноса, человек будет воспринимать их поведение с позиции своей культуры и своего менталитета, что и приводит к непониманию или недоразумению и различию во взглядах. Всякие обычаи, традиции, ритуалы, особенности общения, способы видения и понимания мира, входят в культуру. Поэтому культуру можно считать способом жизнедеятельности, свойственного конкретному обществу, народу, а также их отношения и мировоззрение. Е. М. Верещагин считает, что: «Культура

– это совокупность всех форм деятельности субъекта в мире, основанная на системе установок и предписаний, ценностей и норм, образцов и идеалов, это наследственная память коллектива, которая живет лишь в диалоге с другими культурами» [30, 28].

В основе развития национальной культуры лежат общечеловеческие принципы, определяемые биологической и психологической природой человека, но способы их восприятия и трактовка обладают своей национальной особенностью.

Таким образом, простого понятия культуры «вообще» не бывает, так как каждая культура олицетворяет характерный набор способов социальной практики определённого сообщества или нации. В процессе диалога культур с различными национальными культурами, проявляются и приобретают ценность некие особенности, на которых обычно в родной культуре внимания не обращалось, или воспринималось, как что-то обыденное или должное. Культура, представляет больший интерес для лингвокультурологии, чем цивилизация, потому что цивилизация материальна, а культура символична. Лингвокультурология рассматривает, прежде всего, обычаи, привычки, обряды, ритуалы, мифы и разные символы культуры. Это понятия и концепты, которые принадлежат культуре, и закрепляются в языке, в формах бытового и ритуального поведения.

1.3. Концепт как основная единица лингвокультурологии

Слово «концепт» происходит от латинского «Conceptus», которое означает понятие – содержание понятия, его смысловая наполненность в отвлечении от конкретно-языковой формы его выражения. Концепт помещён между языковыми высказываниями и соответствующими им денотатами. В научном знании концепт означает «определённым образом упорядоченный и иерархизированный минимум». Концепт образует концептуальную схему, а суть концептуализации образует определение нужных концептов и установление их связи между собой. В некоторых словарях упоминается о функционировании концептов внутри организованной концептуальной схемы в режиме понимания-объяснения, и что каждый концепт занимает своё чётко установленное и обоснованное место на том или ином уровне концептуальной схемы. Как полагает Ю. Е. Прохоров: «... все высказываемые точки зрения по поводу определения термина концепт в основном могут быть сведены к двум: 1) концепт – содержание понятия, которое, постепенно развиваясь, актуализируя в речи отдельные семантические признаки, обрастает объёмом (узкое понимание) и, 2) концепт выражает со-значение национального колорита функции языка как средства мышления и общения» [101, 17]. В языковой репрезентации, как утверждает вышеупомянутый автор, концепт можно выразить при помощи лексем, фразосочетаний, свободных словосочетаний, синтаксических конструкций и даже текстами [там же].

Концепт – это ментальная единица, элемент сознания человека. Наше сознание является неким посредником, проводником между реальным миром и языком. Любая культурная информация, которая поступает в наше сознание, перерабатывается, фильтруется, и систематизируется в ней. Н. Д. Арутюнова определяет концепт следующим образом: «культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [17, 32]. Считается, что концепт, как явление культуры в сознании человека, способствует более глубокому пониманию и

восприятию человеком культуры. Культурные концепты сохраняются в сознании человека в виде знаний, ассоциаций и эмоций, и потому они не только осмысливаются, но и переживаются.

Цитируя Г. Г. Слышкина, Ю. Е. Прохоров даёт следующее толкование: «Концепт – это орудие научного исследования, единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, так как он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и применяется в языке, при этом сам концепт не относится, непосредственно ни к языковой, ни к культурным сферам» [101, 19].

С точки зрения когнитивной лингвистики концепт воспринимается как явление ментальных или психических ресурсов человеческого сознания, которое воспроизводит в речи весь опыт и знания человека. Совокупность концептов могут образовать концептосферу определённого народа и соответственно его языка, которое имеет прямое отношение к их языковой картине мира.

С лингвокультурной точки зрения концепт изучается как базовая единица культуры. Этот подход позволяет принимать концепт как единицу культуры, в которой зафиксирован коллективный опыт, и которая считается достоянием индивида или народа в целом. Следовательно, лингвокультурный концепт можно считать связующей нитью от культуры к индивидуальному сознанию.

После долгих перечислений и цитирования многочисленных лингвистов Ю. Е. Прохоров делает следующий вывод относительно значению концепта: «Концепт – сложившаяся совокупность правил и оценок организации элементов хаоса картины бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закреплённая в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении» [101, 159].

В виду широкого использования концепта в разных научных дисциплинах, данный термин определяется по-разному. Часто, этот термин используют в качестве синонима понятия, хотя понятие больше относится к философии и логике, а концепт изначально входил в терминологию математической логики,

но со временем концепт стал объектом изучения ряда других научных дисциплин. Российскими учёными проведены большое число работ в изучении концепта, в результате которых выявлены различные его содержания, как в культурологии, так и в языкознании.

Однако в таджикской лингвистической науке изучение концептов начало приобрести актуальность только за последние годы. К числу работ посвящённых изучению концептов в качестве примера, можно привести работы З. Гуловой «Концепт «Еда» в русском и польском языках» (2015), М. Дж. Мамедовой «Концепт «ум» в таджикской и русской языковых картинах мира» (2015), М.М. Имомзода «Национальная специфика языковой объективации концепта «семья» в лексико-фразеологической и паремиологической системах таджикского и китайского языков» (2017), Д. М. Азиззода «Концепты «Муҳаббат/Love» дар тасвири забонии ҷаҳон» (2019), Н. Б. Рахмоновой «Отражение концепта «Свадьба» в таджикском и памирском языках» (2019); Ш. К. Фазыловой «Концепт «Богатство» в русском, таджикском и английском лингвокультурах» (2019), М. К. Давлатовой «Отражение концепта «жизнь/life» в лексико-фразеологической системе таджикского и английского языков»(2019) и многих других. Некоторые вопросы таджикской концептуальной картины мира рассматриваются в сопоставительно-типологическом и семантическом аспектах в исследованиях Мирзоева Х. Х. (2014), Махдии Мухаммадбегии Косвои (2016), Гадайбаевой У.А. (2007) и пр.

В основном, концепт входит в область тех научных отраслей, объектом и предметом изучения которых является восприятие человеческого сознания, постижение и фиксирование информации о его жизненной деятельности в обществе, к числу которых главным образом, входят такие научные дисциплины как когнитивная лингвистика, когнитивная психология, а также лингвокультурология. Тем не менее, объекты и образы, имеющие национальный характер и ментальные особенности, которые изучаются в рамках этих дисциплин могут различаться своими специфическими особенностями, и местами могут соприкасаться.

В работах З. Д. Поповой и И. А. Стернина «концепт» характеризуется следующим образом: «Это – глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания, идеальная сущность, которая формируется в сознании человека из его непосредственных операций с предметами, из его предметной деятельности, из мыслительных операций человека с другими, уже существующими в его сознании концептами, такие операции могут привести к возникновению новых концептов» [100, 22]. С этой позиции язык представляется как один из способов формирования концепта в нашем сознании.

Однако, для придания полноты смыслов и оттенков концепта, помимо языка, необходимым считается привлечение чувств и эмоций, а также наглядную предметную деятельность, потому как, только в сочетании различных видов чувства и восприятия в сознании человека может образоваться полноценный концепт, который выражает всю глубину, характер, свойства и качества воспроизводимого им понятия.

Наряду с этим, Н. Н. Болдырев отмечает, что: «концепты – это идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления. Они отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определённых единиц, квантов знания. Человек мыслит концептами. Анализируя, сравнивая и соединяя разные концепты в процессе мыслительной деятельности, он формирует новые концепты как результаты мышления. Передача какой-либо информации и процесс общения в целом также представляют собой передачу или обмен концептами в вербальной или невербальной форме» [26, 28]. Исходя из вышеперечисленного толкования, считается возможным охарактеризовать концепт как оперативную содежательную единицу человеческого сознания.

Велика роль русского учёного С.А. Аскольдова (1870-1945) во внесении концепта в область современного гуманитарного знания. Наряду с другими учёными он разделяет мнение относительно того, что индивидуальное

мышление — это неразделимая часть общего объёма, но, в отличие от них, он не объединяет концепт с индивидуальным представлением и рассматривает в нём «общность». Автор считает, что: «концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [21, 270]. Главным признаком концепта, по мнению ученого, является его функция заместительства, которую он определяет следующим образом: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [21, 275]. Для подтверждения своей точки зрения, помимо теоретических обоснований, автор также приводит ряд примеров из жизненной сферы, которые как нельзя лучше подтверждают его убеждения.

Следовательно, мы можем предположить, что рассматриваемый нами концепт «хушбахтӣ/happiness (счастье)» может являться заместителем огромного числа разнообразных индивидуальных восприятий счастья, конкретность которых можно понять лишь вследствие подробного анализа и синтеза данного понятия и её частей в рамках нескольких научных дисциплин. В культурологии концепт воспринимается как основная ячейка культуры в сознании человека, поэтому восприятие того или иного концепта в человеческом сознании основываются не только на словарных значениях слов, но также и на личном опыте, на культурно-исторический опыт народа в целом и, чем этот опыт богаче, тем больше возможностей он предоставляет в полноценном отражении концепта. Как элемент психического состояния, концепт может не только мыслиться, но и переживаться. Следовательно, концепт также является предметом или причиной переживаемых нами эмоций, таких как радость, горе и пр.

Опираясь на предоставленную теоретическую базу, мы полагаем, что структура концепта может иметь несколько отличающихся признаков, таких как: а) исторический-пассивный; б) основной-актуальный; и возможно в) дополнительный-неосознаваемый. Однако, каждый из вышеуказанных

признаков может нести сугубо индивидуальный характер, который основывается на знании, личных ощущениях и переживаниях каждого человека.

Бытует мнение о том, что из значения отдельных слов создать картину мира не получится, так как это результат когнитивного познания и может сопоставляться только с глобальной семантической системой языка. Считается, что значения отдельных слов не создают картины мира – картина мира есть прежде всего, познавательный, когнитивный феномен, и он может быть сопоставим только в масштабе глобальной семантической системы языка.

Полученные человеком знания о мире, культурные и социальные особенности народа, его общественный уклад, история, традиции, быт, обычаи, весь жизненный опыт, полученный в разных условиях, находят своё отражение в языке. Именно поэтому лингвокультурные исследования концептов так важны и актуальны в наши дни.

Среди имён абстрактных значений особый интерес предоставляют в этом отношении названия элементов психической жизни человека – эмоциональных состояний и переживаний, настроений, ощущений, желаний и пр., сочетаемость которых в большой степени основывается на различных, образных представлениях, метафоре. Специфика слов этой группы состоит в том, что, будучи именами абстрактного значения, они в то же время далеки от пропозитивной семантики, тесно связанной с временными и видовыми параметрами, характеризующими событие. Они как бы обозначают «предметы» психического мира. По мнению Н. Д. Арутюновой: «описание внутренней жизни, в частности ситуаций внутреннего разлада и борьбы элементов человеческой психики, их отношений с глобальной личностью, требует определённый набор атрибутов – прилагательных и глаголов. Для этой цели не всегда пригодны слова в их прямом номинативном значении, поскольку речь идёт о воссоздаваемом, а не наблюдаемом мире. Предикаты, применяемые для сообщений об этом мире, и описывают, и в то же время непосредственно создают его» [17, 96]. Слова, содержащие в себе значения элементов человеческой психики и эмоциональной жизни весьма разнообразны.

Разнообразие чувства зависит от изменений психического состояния, контролирующего эмоции человека.

Эмоции весьма часто оборачиваются существом, наделённым даром речи, незаурядной силой и способным уходить, зарождаться, приходить, убить и т.д. Некоторые глаголы передают душевные ощущения как ощущение физической боли, хотя ощущения физической боли обычно описываются глаголами, обозначающими чьё-либо внешнее воздействие, например, *любовь убивает, исцеляет* и т.п. Г. В. Колшанский говорит о том, что: «человек как часть мира остаётся всегда привязанным к нему и духом и телом, и мыслью и чувствами» [63, 17].

Словесные значения, выработанные обществом на основе опыта, попадая в наш мозг анализируются и приобретают как бы новую жизнь в индивидуальной психике, каким-то особым образом соединяясь с чувствами, получают некую эмоциональную окраску, которая понятна и ясна только нам самим, и только с нашей, собственной точки зрения считается правильной. Поэтому, у каждого счастье своё, т.е. понимание, ощущение счастья носит сугубо индивидуальный характер.

Естественно, чем богаче образная структура чувства, тем шире и набор обслуживающих его название предикатов, ибо, как отмечает Н. Д. Арутюнова: «Любое чувство, настроение, состояние психики имеет тенденцию разрастаться до такой степени, чтобы заполнить собой все нутро человека, весь сосуд его души или сердца» [20, 98]. Это описание очень точно характеризует свойства концепта, так как в концепте выражается все чувства и эмоции человека.

Принимая во внимание мнение о том, что лингвокультурный концепт семантически является неким абстрактным понятием, имеющим обобщённое значение своих языковых выражений, то «... конкретная форма этого концепта будет задаваться объёмом лексико-семантической парадигмы, формируемой единицами, передающими этот концепт в языке» [31, 33].

В число важнейших лингвокультурных концептов, в основном входят те понятия, которые наполняют содержание национального языкового сознания

конкретного народа – носителя языка, и отражают их картину мира. Как отмечает В. Колшанский: «Объем значений слов в различных языках, относящийся к аналогичным референтам, может быть разным, и в соответствии с этим каждое соответствующее слово имеет свой особый круг употребления – от широкой многозначности до омонимии» [63, 61].

Таким образом, мы полагаем, что концепт как единица лингвокультурологии, является универсальным феноменом и его использование может помочь устанавливать особенности национального характера, мышления и миропонимания народов стран мира. Вместе с тем, изучение концепта и его возможностей в выявлении национально-культурных особенностей разных народов мира, определяет его значимость в межкультурном пространстве социума.

1.4. Концепт как основная описательная единица языковой картины мира

Утверждение о том, что концепт очень популярен в последнее время, не будет преувеличением, и огромное количество научных изысканий в этой области тому подтверждение. В ходе своих исследований, большинство учёных стали вкладывать свои субъективные взгляды и теоретические положения в изначально существовавшее понятие данного термина, и тем самым вызвали большое разногласие среди учёных, которые выражали свою точку зрения в огромном количестве своих публикаций. Однако, нельзя отрицать очевидный факт, о том, что изучение концептов открыло новые возможности, осветило новую ступень и помогло выявить новые особенности, закономерности, новую грань и способы взаимодействия языка, мышления и культуры. В ходе научных исследований, открылись новые аспекты в разных научных областях, как лингвистика, философия, культурология и прочее. Проведённые семантические исследования также способствовали приобретению нового понятия, эффективности, глубины и многогранности. Как уже было отмечено выше, термин концепт происходит от латынского (является калькой) и буквально означает «зачинать, зачатие». Следовательно, изучение концептов может способствовать определению причин и способов появления, т.е. «зачатия» исходного значения. На сегодняшнее время концепт является универсальным термином, который используется во многих сферах науки и жизненной деятельности людей, и среди этих многих сфер и бесчисленного множества объектов его использования выделяются именуемые «культурными концептами». С этим видом концептов больше всего связаны научные исследования в области лингвокультурологии и лингвистики. У концепта не может быть всего одно составляющее, так как он многозначен. Содержание нескольких составляющих в первичном концепте, заложенной у основ философии, тому яркий пример. Тем не менее, существование концепта в одной

сфере исключает использование всех составляющих одновременно в рамках одной научной дисциплины, так как это может привести к хаосу. Бытует мнение о том, что именно в сечении или разделении заключается суть концепта.

Обозначение концепта как «вероятный акта к допустимым действиям над определённые лингвистические явления» принадлежит русскому учёному С. А. Аскольдову, который также считает возможным разделить их на познавательные и художественные. Автор утверждает, что: «Познавательные концепты (или логические) обозначают развёрнутое описание какого-либо синтетического или аналитического суждения, сущности заменяемого объекта или гипотезы о природе» [21, 271]. Следовательно, под словом «познавательный» понимается мыслительный процесс, посредством которого проводится замена конкретных представлений о концепте, изначально имеющего чёткую динамическую структуру.

Наряду с познавательными концептами, представляющим объективным в рамках конкретной познавательной модели, учёный также выделяет «художественные концепты», концепт постижения общности, концепты культуры, которым также приписывает такое качество как индивидуальность. Полагается, что субъективность художественных концептов помогает более широкому освещению возможных направлений в развитии системы смысла в виду того, что элементы строения художественного концепта основывается на сравнении чуждой логики и своей, реальной действительности. Выявление структуры концепта базируется на ассоциативные механизмы и подчиняется субъективной логике в рамках определённой смысловой системы, и в случае отсутствия возможности в объяснении мотивации каких-либо суждений, можно предположить, что культурологические или психологические факторы отсутствуют.

Соотношение слова, как знаковая единица, с обозначаемым им предметом, считается условной, и зачастую немотивированной, в то время как концепты представляют собой некий развёрнутый, структурированный процесс в системе смысла, имеющий различные пути развития в структуре текста. Так, например,

комплексное исследование тематического, эмоционального, сюжетно-композиционного и др. уровней текста даёт нам возможность оценивать культурные концепты как прототипы модели поведения, определяющие последовательность ощущений, мыслей, желаний и чувств.

Учёный лингвист И. А. Стернин рассматривает концепт как: «глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания, идеальную сущность, которая формируется в сознании человека из его непосредственных действий с предметами, из его предметной деятельности, из мыслительных операций человека с другими, уже существующими в его сознании концептами, и такие операции могут привести к возникновению новых концептов в человеческом сознании» [116, 71].

На этом основывается утверждение о том, что концепт, как основная описательная единица языка, имеет возможность описать ментальные образования гораздо шире, богаче и глубже, чем понятие. Концепт имеет специфический характер, так как приближен к ментальному миру человека, его духовной культуры, истории и культуры народа. Он пропитан культурой духовной жизни народа, его богатым жизненным опытом и потому может считаться коллективным наследием. Именно коллективное сознание способствует долгому существованию и хранению концептов, в особенности концептов культуры.

Вследствии взаимодействия человека с окружающим миром создаётся *языковая картина мира*, являющейся одним из главных понятий, обозначающих определённое видение и понимание мира и его описания посредством языка. Языковая картина мира создается на основе знаний человека об окружающей действительности и его суждениях о нем. Если взаимодействие человека с окружающей средой создаёт мир, то результат информации полученной вследствие этого взаимодействия создаёт картину мира, так как любой предмет или любое явление мира имеет свою форму и внутреннее содержание.

Если отражение мира в сознании людей – это картина мира, то сохранение этой картины в языковых средствах создаёт языковую картину мира, которую

можно выразить при помощи этических, пространственных, временных и пр. особенностей, на образование которых влияют разные социокультурные факторы. Языковая картина мира способствует образованию данной картины в сознании человека именно так, как он понимает мир посредством языка, потому как в нем сохранен огромный опыт носителей языка. Отношение человека к миру формируется при помощи языковой картины мира, которая определяет нормы поведения человека в обществе. Выражаемые в языке понятия и значения впитаны коллективной философией народа, являющейся обязательной для всех его носителей, поэтому, можно смело утверждать, что роль языка не заканчивается на передачи сообщения, его главной задачей является упорядочение той информации, которая подлежит трансляции.

Пространство значений, выражаемых в языке, основываются на национально-культурный опыт конкретного народа, и тем самым создаёт мир говорящих на определённом языке, а совокупность этих знаний о мире, которые сохранены в лексике, фразеологии и грамматике языка, создают ту самую национальную языковую картину мира.

Безусловно, каждый язык имеет свою национальную систему, определяющую миропонимание его носителей и создающую их картину мира, но данное понятие считается не более чем метафорой, поскольку в реальности, специфические особенности национального языка, сохраняющий в себе большой культурно-исторический и социальный опыт, не создают особую и неповторимую картину мира для носителей языка. Эти особенности отражают лишь специфическую окраску мира, отождествляемой их значимостью для конкретного языкового общества.

Концептуальные картины мира могут быть совершенно различным у представителей разных эпох, социальных и возрастных групп, разных областей научного знания и т.д. Возможно, что при определённых условиях, люди имеющие разные культурные особенности и говорящие на разных языках, могут иметь схожие концептуальные картины мира, а люди, проживающие в одной стране и говорящие на одном языке, разные. Это объясняется тем, что

концептуальная картина мира находится в тесной взаимосвязи с общечеловеческим, национальным и личностным факторами. Данная связь способствует формированию нового понятия – «*национальная концептосфера*».

На основании приобретённого нами опыта и знания, в нашем сознании создаются определённые индивидуальные концепты, которые постоянно совершенствуются и видоизменяются нами в результате полученных новых опытов, а также на основе этих новопоступивших знаний образуются новые концепты и понятия абстрактного характера. Эти концепты формируются в человеческом сознании вербальным и невербальным способом, имеют такие свойства как изменчивость и логичность, который определяется особенностями процесса построения данной концептуальной системы в сознании, опирающийся также на чувствах и переживаниях, к которым относятся *счастье, радость, горе* и пр.

Таким образом, мировоззрение каждого народа образует особую национальную картину мира; каждая социальная система мира обладает специальным способом видения этого мира, а все особенности выражаются только посредством языка, содержащим в себе локальную и целостную картины мира, которая создаётся в результате всей духовной деятельности человека и его контактов с окужающей действительностью. Национальная культура народа, образ жизни, воспитание, особый уклад и менталитет воспитывают особое отношение к миру и его явлениям, и как отмечает Н.Д. Арутюнова: «человек проживая в языковом обществе, обогащает свою концептуальную систему не только благодаря личному опыту, но и благодаря языку, который определяет его специфику на всех его уровнях» [19, с. 51].

Следовательно, весь богатый опыт культуры народа хранится в его языке, передаётся последующим поколениям, и тем самым формирует личность, национальный характер общества в целом и, чем богаче национальный, классовый, профессиональный и личный опыт человека, тем богаче становится содержание концепта, которым он пользуется.

Стереотипы, по мнению С. Г. Тер-Минасовой, также являются источником знания об особенностях национального характера, так как они ассоциируются с данным народом. Из них, как наиболее популярных автор выделяет следующие: «1) международные анекдоты и шутки разных видов; 2) национальная классическая и художественная литература; 3) фольклор, устное народное творчество; 4) национальный язык» [123, 147].

Взгляды, мнения и суждения ученых относительно формирования национальной концептосферы отличаются, но, как нам кажется, наиболее близким по содержанию является то, что она образуется из совокупности индивидуальных, групповых, классовых и универсальных концептов, имеющих общечеловеческую ценность. Концепты *ватан, озодӣ, модар, оила, муҳаббат, дӯстӣ* и т.д. относятся к числу таких концептов. Несомненно, концепт «хушбахтӣ/happiness (счастье)» также является одним из основных универсальных концептов, на базе которых формируются национальные культурные ценности. Наличие таких общих, универсальных концептов содействуют во взаимопонимании между представителями разных культур.

Вместе с тем, нужно принимать во внимание тот факт, что каждый народ имеет своё понимание, видение мира и свои ценности, через призму которых они определяют значимость концепта. Каждой культуре присуще своя жизненная философия и свои собственные нормы поведения и стереотипы сознания, основывающихся на их личном опыте, опыте народа и, несмотря на универсальность концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)», его внутреннее содержание определяется национально-культурными особенностями каждого конкретного народа, которые в корне могут отличаться от другого народа.

1.5. Соотношение «концепта», «понятия» и «значения»

Для определения схожести и различия между концептом и понятием нам следует определить их значения на основе толкований и примеров, приведённых в толковых словарях, а также рассмотреть описания и определения учёных-лингвистов относительно этих терминов. Таким образом, по мнению Розенталя: «Понятие является объективным отображением окружающей нас действительности» [156, 83].

Следовательно, понятие – это то, посредством чего выражается понятие об окружающей нас действительности, наше мировоззрение. Понятие отображает всеобщую природу или общий тип определённого класса вещей, явлений, т.е. понимание сути дела, его состава, особенностей, закона их существования в составе целого и т.д. Понятие может обрести свою полную и законченную форму в процессе выработки определений, в составе расширенного теоретического описания известного комплекса явлений.

Термин «понятие» введён стоиками. Основоположник стоической школы Зенон понимал под понятием постигнутое представление, т.е. представление, в котором сознается его согласование с объектом. Однако, как утверждает И. В. Арнольд, «будучи категорией мышления, понятие не может иметь эмоциональной окраски» [13, 52].

Считается, что понятие – это объективная цельность разнообразных моментов предмета понятия, построенной на базе определённых правил и систематичности знания. Независимо от общения, оно соотносится со знаковыми и значимыми структурами языка, которые содействуют образованию умозаключения о явлениях и предметах окружающего мира. По словам Ю. Е. Прохорова это «итог, ступени или моменты познания» [101, 31].

Термины «концепт» и «понятие» относятся к разным научным отраслям. «Понятие» в основном встречается в логике и философии, а «концепт» изначально принадлежал терминам математики, но в настоящее время «концепт»

считается одним из главных и частоупотребляемых понятий в современной когнитивной лингвистике. Рассмотренная нами литература дала нам неоднозначный ответ относительно мнения ученых языковедов о свойствах и структурах данных терминов. Взгляды учёных относительно отражения «концептом» и «понятием» жизненных реалий, совпадают, но, тем не менее, следует учитывать способность концепта выражать эмоциональные свойства предметов и явлений мира, наряду с их рациональным объяснением.

Опираясь на вышеуказанных доводов, можно сделать вывод о том, что по своей структуре «концепт» и «понятие» совпадают неполностью, так как в отличие от понятия, имеющего более простую структуру, «концепт» многогранен и в своей структуре имеет больше компонентов, чем понятие. В отличие от понятия, которое отражает более общие и значимые черты предметов и явлений, концепт способен передать все эмоции, ассоциации и переживания, связанные с обозначаемым им понятием. Эта способность концепта, наиболее четко выявляет их различия.

Утверждение Н.Ю. Шведовой относительно концепта, базируется на сопоставлении этих двух терминов. В нем говорится, что: «Концепт – это содержательная сторона словесного знака (значение – одно или некий комплекс связанных значений), за которой стоит понятие (т.е. идея, фиксирующая существенные, умопостигаемые свойства реалий и явлений, а также отношения между ними), принадлежащее умственной, духовной или жизненно важной материальной сфере существования человека, выработанное и закреплённое общественным опытом народа, имеющее в его жизни исторические корни, социально и субъективно осмысляемое и, через ступень такого осмысления – соотносимое с другими понятиями, ближайшее с ним связанными или, во многих случаях, ему противопоставляемыми» [132, 600].

Главные отличие концепта от понятия – это его принадлежность ментальной картине мира, которая наполнена разными эмоциональными и культурно-значимыми компонентами, как отдельного человека, так и всего

народа в целом, а результаты логического мышления, выражаемого языком в независимости от каких-либо национальных особенностей – это понятие.

Если понятие представляет систему знаний, то концепция – это способ семантического представления и принцип организации этой системы. В этом случае, универсальные, культурные концепты наполняются характерным семантическим содержанием при помощи перебора существующих в научной парадигме концепций. Особый интерес семантического анализа концепта счастья представляется по двум причинам: а) разнохарактерность его семантического содержания и б) различность его предметной области.

«Значение» в большей степени понятие философии, логики, общей теории знаков и науки о языке. Философия рассматривает гносеологическое содержание понятия значения выражений естественных и искусственных языков, не принимая во внимание виды значения выражений, не существенные для теории познания. В словаре-справочнике лингвистических терминов О. Ахмановой даётся следующее определение значению слова: «Заключённый в слове смысл, содержание, связанное с понятием как отражением в сознании предметов и явлений объективного мира. Значение входит в структуру слова в качестве его содержания (внутренней стороны), по отношению к которому звучание выступает как материальная оболочка. Значение слова и заключённое в нем понятие взаимосвязаны, но это не одно и то же. Понятие в слове всегда одно, а значений у слова может быть несколько» [142, 83].

Вопрос соотношения значения слова и концепта на сегодняшний день считается одной из самых актуальных. Содержание этих явлений многогранное, и для выявления и определения всех свойств и качеств этих понятий следует рассматривать большое количество косвенных знаний. Данные вопросы могут рассматриваться несколькими научными дисциплинами, каждый из которых имеет свой научный аппарат, свою научную терминологию и методологию изучения объектов. Судя по тому, что и концепт, и значение обладают характером концептивного содержания и отражают субъективную реальность, можем предположить, что они имеют одинаковую когнитивную природу, но

разные толкования данных понятий, способствуют возникновения разногласий между учёными.

Как нами уже отмечалось выше, концепт является основной единицей описания ментального мира человека; формируется при помощи семантики; и наконец, концепт – это результат знания и личного опыта носителя языка, содержащий в себе большое число ассоциативных понятий. Собственно значением у Потебни является то, что данное слово (знак) означает и обозначает.

Таким образом, *значение – это мысль о предмете, организованная как внутренней формой (конкретнее представлением), так и формирующимся или сформированным понятием, указанием на которое служит слово.*

Вопрос о дифференциации концепта и значения считается особенно важным. Представляя более узкое содержание, значение может быть частью концепта. Тем не менее, значение – это продукт отражения объектов, предметов и явлений нашего сознания, который отождествляется внутренним смыслом структуры слова.

Относительно значения слова И. В. Арнольд отмечает: «Значение слов обуславливается всей лексико-семантической системой языка в целом и является результатом отражения общественно осознанной объективной действительности. Лексические значения формируются в условиях конкретных связей и взаимоотношений слов данного языка. В отличие от понятий, которых являются общими для разных языков, лексическое значение слова всегда национально-специфично, как и вся лексико-семантическая система, каждого языка в целом» [14, 57].

В значении слова также содержатся такие компоненты как эмоциональная окраска, стилистическая характеристика и взаимосвязь с другими словами используемого языка. «Следует подчеркнуть, что взаимодействие прагматических и семантических факторов не сводится к простому наращиванию смыслов – результатом взаимодействия может оказаться значение, существенно отличающейся от буквального смысла предложения» [97, 70]. Важнейшей характеристикой значения является его способность отражать

действительность независимо от субъективного, личностного отношения к ней. Значение слова, как утверждает А. Н. Леонтьев: «это то, что открывается в предмете или явлении объективно – в системе объективных связей, отношений, взаимодействий. Значение отражается, фиксируется в языке и приобретает благодаря этому устойчивость. В этой форме, в форме языкового значения оно составляет содержание общественного сознания» [94, 42].

Многоаспектность проблемы взаимодействия языка и культуры заставляет вычленять и описывать некоторые существенные стороны этого взаимодействия, таких как системный, комплексный, коннотативный и узуально-поведенческий комментарии.

Трактовка языковых значений предполагает трёхступенчатое толкование: а) буквальное или дословное, т.е. «прямое»; б) эстетическое; в) идеологическое или переносное толкование. То, что данное слово (знак) означает и обозначает, является значением. И даже располагая чувственным восприятием, оно (значение слова) не равно ни ему, ни чувственному образу. Значение — это мысль о предмете, организованная как внутренней формой (конкретнее — представлением), так и формирующимся или сформированным понятием, указанием на которое служит слово. Считается, что значение – это продукт мышления, результат отражения деятельности человека, или продукт языкового сознания. Вместе с тем, концепт также именуется продуктом когнитивного мышления. С этой точки зрения можно предположить, что значение также может формировать концепт, но только смысловую часть его содержания, потому как объектом являются предметы окружающего мира.

В эпоху Ренессанса намечается совершенно новое отношение к определению сущности языкового значения, которому присвоили название герменевтика. Учёные доказали, что языковая семантика может быть вместилищем всех личностных знаний. Этой языковой концепции дали определение как «искусство понимания». В данной теории языкового значения акцент делается, в первую очередь, на понимании значения сначала для себя, а затем, толкование значения для другого человека. Данный метод осмысления

языкового значения, по нашему мнению, является приемлемым и по отношению к концепту, так как здесь, прежде всего, обращается внимание на трудности усвоения чужой мысли.

Таким образом, для того, чтобы слово или концепт стал понятен человеку говорящему на другом языке, простого перевода или истолкования будет мало. Здесь необходимо применить менталитет, т.е. способ мышления носителей языка, их привычки, обычаи традиции, в целом миропонимание, для для которого, как нельзя лучше подходит концепт. Понятие, как нам кажется, не может полностью передать смысл культурного концепта.

1.6. Концепт «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в этической парадигме

Счастье – одна из вечных тем гуманитарного знания со времён античности, служившая предметом философских изысканий. Счастье входит в число наиболее важных и значимых ценностей, определяющих духовную сущность людей, наряду с другими понятиями, такими как *смысл жизни, любовь, благо, богатство, здоровье* и др. Эти понятия составляют ядро аксиологической области индивидуального сознания, представления о котором образуют наше мировоззрение. Вопросы, которые касаются судьбы человека, во все времена были актуальными. Люди всегда пытались определить, в чём заключается смысл счастья, и найти пути его достижения.

Являясь главным компонентом национальной культуры, ключевой компонент «хушбахтӣ/happiness (счастье)» определяет основные категории и установки жизненной философии таджикского народа и является значимым для понимания национального характера, менталитета и миропонимания данного этноса.

Изучением проблемы счастья занимались многие учёные. В большинство научных трудах, специальных трактатах прежде всего, рассматривались психологические аспекты данного концепта, пытались определить, объяснить сущность счастья и описывались способы его достижения. Однако, последовательного анализа семантической организации и семантической структуры концепта не проводилось.

Сущность высших благ, то есть содержательное наполнение категории счастья по-разному толковалось в различных философских течениях; как наслаждение (гедонизм), благополучие и польза для максимального числа людей («моральная арифметика» утилитаризма), как достижение религиозного идеала и т.д. Как отмечает В.Татаркевич: «Согласно философской традиции античного эвдемонизма счастье есть обладание благами» [122, 13].

Проблемами счастья занимались многие учёные, такие как Аристотель, Фома Аквинский, Сенека, Августин Блаженный и многие другие, а также великие восточные мыслители: Аль Фараби, Сино, Джами, Саади и др. Даже по сей день, в современном мире, попытки определения понятия счастья современными учёными не прекращаются. Каждый из этих учёных предьявляет своё видение, понимание счастья и даёт советы, как приобрести, где и в чём найти счастье.

В XX веке этика психологизируется, в нем больше учитываются переживания человека, его внутренний мир. В качестве идеала счастья в современном понимании выступает постоянное, полное и обоснованное удовлетворение человека своей жизнью, её условиями, наполненностью и достижением всех целей. Индивидуально-психологическое счастье предстаёт как переживание удовлетворённости жизнью, полноты бытия. В природе концепта счастья присуще двойственность, субъективный и объективный. Объективная обусловленность счастья зависит от внешних факторов, обстоятельств жизнедеятельности человека, а субъективная, соединена с внутренним миром человека и зависит от его переживаний, которые определяют отношение к жизни, её восприятие и смысловое понятие.

Обладание благами в средние века считалось счастьем, но позднее понятие счастья изменилось, и к нему добавили чувство удовлетворения, которое означало, что человек может быть счастливым независимо от обладания благами, достаточно было того, что он удовлетворён своей жизнью. По мнению восточного учёного Аль Фараби: «Счастье в числе благ является наибольшим благом и в числе предпочтительных вещей является самой совершенной целью, к которой стремится человек. Это то благо, которое предпочитается ради него самого, а не ради чего-то другого» [8, 3], т.е. счастье – это наивысшее благо или самое совершеннейшее. Даже в таком понимании счастья возникают много вопросов, а самый главный вопрос «что такое счастье?». В сознании человека понятие счастья существенно изменилось, что породило такое свойство как многозначность. Поэтому считается, что счастье

мнится каждым человеком именно таким, каковым оно является в его представлении и, то, что может сделать счастливым одного человека, для другого может иметь совершенно другое значение и вызывать другие чувства и ощущения. Для одних счастье – это власть, богатство, для других здоровье, радость, успех, везение, удача, а для третьих – это семья, любовь, дружба, труд и каждый убеждён, что его представление об абсолютном счастье и есть наиболее совершенное.

Этнические предпочтения носителей конкретного языка и лингвокультуры определяют сущность данного ментального образования, в нашем случае концепта, которую можно раскрыть в ходе лингвокультурологического исследования в разных языках.

Актуальность социолингвистических исследований реализации концепта счастье в сознании современных носителей языка и в их картине мира обусловлена изменениями, происходящими в содержании данного концепта в зависимости от социально-экономических, общественно-политических и культурных условий жизни народа в определённый период времени.

В образных средствах отражается жизненная философия этноса, его понимание смысла жизни, приоритеты и важнейшие ценности, а также мировоззрение народа. Поэтому изучение наиболее значимых культурных концептов могут проявить особенности национального характера и его культуру.

Как отмечает С. Г. Воркачев в своей работе: «Культурные концепты как мировоззренческие и аксиологические универсалии принадлежат языку философии и, в зависимости от интервала абстракции и уровня инвариантности, могут находить свою реализацию в семантической материи одного или нескольких естественных языков» [32, 56].

В языке философии объективируются большей степени абстрактные понятия, свойства и отношения. Философские термины, концепты и понятия имеют широкое семантическое содержание, которое, в некоторых случаях, выступают за рамки их смысла. Таким же свойством обладают и культурные

концепты, которые будучи наполненными разными значениями и смыслами, точно также выступают за грани определенной концепции.

В семантическом содержании концепта счастья, наряду с другими, присутствуют, как полагается, два основных, неразложимых признака: «желание» и «благо». Тем не менее, оно изменчивое, и зачастую зависит от состояния дел, духа, психического состояния человека, соединения его «внутреннего» и «внешнего» миров, и поэтому оно обречено на семантическую неточность, и как отмечает В. Татаркевич: «счастье – понятие трудное, для многих, неопределённое и туманное» [120, 282].

Существуют несколько определений счастья: счастьем называется ценность, к которой стремиться человек; это положительная оценка человеком своей жизни; счастье – это радостные эмоции, переживания, которые человек испытывает; счастье – это *любовь, блаженство, достаток, удовольствие* и т.д. Есть суждение о том, что счастье имеет способность принимать форму своего субъекта, из которых происходят такие понятия, как «*хушбахтии зан*» (женское счастье) (понятие, довольно распространённое среди таджикского народа), «*хушбахтии инсон*» (человеческое счастье), «*хушбахтии фарзанд*» (счастье детей) и др.

В старые времена счастливым считался тот человек, которому покровительствовали боги. Но и в наши дни, в XXI веке такое понимание счастья среди религиозных людей не утратила свою значимость. Считается, что счастье человека всецело зависит от воли бога, который дарует ему благую судьбу («*бахти нек*», «*тақдири нек*» (*good fate, good fortune*)), так как это то, что суждено, то чем наделён человек богами или волей божьим («*тақдири илоҳӣ*» (божья судьба)), которая словами Д. Арутюновой называется «предначертанный сценарий жизни» [19, 303]. Здесь автор-сценарист – это бог, а человек – исполнитель роли. Следовательно, человек одновременно является исполнителем и наблюдателем или критиком в одном лице, который проживает жизнь и выносит оценку своей судьбе. Если человек доволен своей жизни «*аз тақдири худ ризо будан*», то он счастлив, значит, у него хорошая, благая судьба,

а если нет, соответственно несчастлив (*«тақдири бад»*, *«бахти шум»*). Высказывание о том, что «счастье – это тоже отчасти врождённое свойство», принадлежавшее М. Аргайлу, подтверждает вышеупомянутые доводы [15, 32].

В свете проявившихся разногласий, относительно понятия счастья вполне уместным считается высказывание В. Татаркевича о том, что: *«Рассуждения о счастье нужно, поэтому, начать с указания на многозначность этого слова и выделения разных значений понятия счастья»*. Разные понятия счастья имеют то общее, что обозначают что-то положительное, ценное. Тем не менее, они различаются между собой. После этого останется, по меньшей мере ещё четыре разных понятия счастья, и все они занимают важное место в понятийном инвентари человечества» [120, 3]. Лингвокультурный анализ, по нашему мнению, может пролить свет в выявлении и определении содержания данного концепта.

Счастье как объект эмоции является мыслительным образом, ментальным созерцанием, в котором отражается всё, что происходит в жизни человека на протяжении всей жизни, или в определённый отрезок времени. Считается, что само понятие счастья весьма расплывчато и невразумительно и, как утверждает М.Аргайл: «под счастьем люди подразумевают либо состояние, когда человек испытывает радость или другие позитивные эмоции, либо удовлетворённость жизнью» [12, 3].

Счастье зависит и от объективных условий, например семейного положения и социального статуса, связано оно также и с нашим образом мыслей — с тем, как мы смотрим на вещи. В «Психологии счастья» М. Аргайла «досуг» назван важнейшим источником счастья, так как он в наибольшей мере поддаётся индивидуальному контролю. Вместе с тем, автор отмечает, что: «счастье — это не только личное дело, оно также является достоянием социума» [12, 24]. Особенно это касается коллективных обществ, благополучие которых частично зависит от условий совместной деятельности.

Первоначальным значением слова счастья были *хорошая доля, благая судьба, благоприятная участь, удача*, а в дальнейшем она приобрела

способность к переживанию и стала означать чувство: *худо хушбахт ё бадбахт эҳсос намудан – to feel someone happy or unhappy* (чувствовать себя счастливым или несчастным).

Таким образом, концепт «счастье» стал одним из основных принципов античного мировоззрения, а также огромного числа учений нового времени. «В латыни объективно понимаемое счастье называли фортуной (*fortuna*), во французском языке — шансом (*chance*), в английском — удачей (*luck*), а такие слова, как *beatitudo*, *bonheur*, *happiness*, употребляли для иначе понимаемого счастья» [120, 24].

Однако, большинство людей связывают субъективное счастье с объективным и даже утверждают, что оно всецело зависит от объективного, то есть радость обуславливают удачей и везением — поэтому не удивительного, что в некоторых языках для них существует общее название.

Действительно, социальные отношения очень сильно влияют на ощущение счастья и другие аспекты благополучия человека. Не исключено, что в стремительно развивающемся современном мире, социальные отношения являются важнейшим источником счастья. В культуре таджикского народа, сильнее всего на ощущении счастья сказываются брак и семейная жизнь, затем следует отношение с родными и друзьями. Ведь счастье приобретается и живёт только благодаря обмену и передачи от одного к другому. Счастьем нельзя владеть как предметом, отдалившись от всех. Утрата способности к счастью — показатель потерянности личности, душевного беспокойства, бессилия найти смысл жизни. Существующее в общении счастье и есть само общение, отдача от себя, т.е. любовь, поэтому предмет, с которым связано счастье, никогда не вещь, но всегда лицо.

В идеальном понимании, счастье является главной целью человека, которая способна активизировать все его жизненные силы, заставляет раскрывать его духовный и физический потенциал. Счастье также является социокультурным феноменом, который объединяет большую часть социальной реальности, имеющего важное значение, как для отдельного человека, так и для всего

общества в целом. В обществе существуют устоявшие представления о счастье, которые широко используются в художественной и научной литературах, повседневных коммуникациях и пр. Использование теории социальных представлений позволяет раскрыть, каким образом индивидуальное понимание счастья каждым человеком может повлиять на существующую социальную действительность. Освоение и применение этих критериев отдельным человеком создаёт основу формирования личности, а также способствует поддержанию порядка в обществе. В основе представлений человека о счастье лежат ценности, присущие конкретному промежутку времени в истории культуры конкретного народа, в соответствии с которым, представители этноса выстраивали свою жизненную стратегию. Для каждого отдельного человека содержание счастья определяется тем, в чём заключается смысл его существования, в чем он видит своё предназначение. Однако стремление человека к достижению исключительно личного счастья приводит к развитию его эгоизма. Эгоизм, как известно, морально искалечивает человека.

Впервые в западноевропейской философии Аристотель (основоположник этики как наука) рассматривал и систематизировал понятие счастья в своём научном труде «Никомаховой этике» и др. работах по этике. Как отмечает В. Татаркевич в своей работе: «Аристотелевское понятие счастья, получившее название эвдемонии, означало наличие у человека наибольших из доступных ему благ» [120, 63]. Этими благами считали полноту жизни, гармоническое развитие и теологическое, понятия, которые до сих пор актуальны. Основу счастья, по мнению большинства учёных, составляло обладание различными благ, таких как материальные, духовные и внешние блага.

Семантический признак концепта позволяет субъекту оценивать свои ощущения и делить их на счастливые, несчастливые и даже безразличные моменты или события. «Обоснование оценки – те доводы, аргументы и факты, которые приводятся субъектом в пользу вынесения того или иного оценочного суждения, – не является обязательным компонентом стандартной семантической «формулы счастья» – оно появляется лишь в ситуации либо рефлексии

(«Думаю/должно быть, я счастлив, потому что...»), либо временной «отстраненности» субъекта («Я был/буду счастлив, потому что...»), либо полифонии, т. е. оценки внутреннего психического состояния протагониста («Думаю, X счастлив, потому что...») и, как правило, опосредуется модусом мнения» [32, 76].

Логическое действие, раскрывающее содержание концепта и устанавливающее иерархию его семантических признаков является истинным определением. Одной из таких истин является определение счастья как положительное эмоциональное состояние человека, вызванное положительной оценкой своей жизни или судьбы. Цитируя Аристотеля лингвист С. Воркачев приводит пример тому, как люди часто представляют и выражают ощущения счастья, которые они испытывают: «Философские представления о счастье отличаются от житейских, в принципе, тем же самым, чем научное знание отличается от обыденного: большей степенью объективности, универсальности и систематизированности – вот, видимо, почему в вопросе о том, что есть счастье, возникает расхождение, и большинство дают ему иное определение, чем мудрецы» [34, 84].

Считается, что источником счастья являются те факторы, которые вызывают у человека положительную оценку моментов его жизни. В нашем сознании понимание счастья укоренилось как чувство большой радости, и часто, человек переживая эту самую радость, считает себя счастливым. Тогда, общее удовлетворение жизнью – это счастье, отличающееся от первого своим психологическим значением. «Все многообразие этических систем в истории философии, в принципе, может быть сведено к двум основным типам: этике счастья – эвдемонизму и этике долга – деонтологизму, ригоризму» [91, 9]. Счастье в эвдемонизме признают «высшим благом», и стремление к нему основой морали, а деонтологизм признает счастье «производным от добродетели» сравнивая его с моральным удовлетворением. С. Воркачев считает, что: «Необходимым и достаточным для отделения понятия счастья от радости, довольства, удовлетворения, с одной стороны, и удачи, везения,

благоприятной судьбы – с другой, является единство разнородных предметных областей, которые покрывает его объем: эмоциональных состояний и положений дел, соединённых в одно целое, отличное от своих составляющих частей» [31, 34].

В работе учёного Нешева приводится пример утверждения Эпикура в его этическом учении о том, что «наслаждение есть начало и конец счастливой жизни». Однако, «счастьеобразующими факторами» он считал не только телесные наслаждения, но и духовные, которым он отдавал больше предпочтения. Отделять полезные удовольствия от вредных человек способен при помощи своего разума, считал учёный. Как вытекает из вышеуказанных примеров, мнения относительно концепта счастья в философии тоже различаются. Так как одни считают счастьем удовольствие, другие блага, третьи наслаждение, а четвертые благополучие и пр. Для счастья даже определяют меру, как «длительность и интенсивность», причину «всё, что возбуждает врождённое чувство благополучия» и т.д. Некоторые даже справедливо полагали, что человек может быть счастливым в любых условиях, если способен принимать и полюбить неизбежное, т.е. то, что ему предначертано. Принимая свою судьбу, т.е. сделав правильный моральный выбор, человек может получить моральное удовлетворение, стать счастливым.

По определению Татаркевича, Аристотелевское понятие счастья, которое означало «наличие у человека наибольших из доступных ему благ» сохранило свое значение и в наши дни. Определяющими факторами обладания счастьем считалось совместная полнота трёх благ: духовных, телесных (здоровье, красота, сила и т.д.) и внешних (богатство, знатность, слава, свобода). Тем не менее, в учениях Аристотеля счастье толковалось, как «удовлетворенность жизнью в целом». Толкование счастья как совокупность исполненных желаний в наибольшей степени, совпадает с житейскими представлениями о нем.

Выводы по первой главе

Исследование показало, что проблема соотношения и взаимосвязи языка, культуры, этноса нельзя считать проблемой одной области науки, это

междисциплинарная проблема, которую можно решить усилиями нескольких наук, таких как философия, социология, этнолингвистика и культурология. Отношение языка и культуры следует рассматривать как отношение целого и его части, так как они переплетены между собой. Выражая культуру, язык развивается в ней, и как «зеркало человеческого духа» и зеркало культуры, отражает личность, точнее, его способ мышления и миропонимания.

Определение лингвокультурологического изучения как тесное исследование языка культуры является общепринятым правилом в сфере лингвистики. Следовательно, лингвокультурологию можно обусловить как дисциплину, представляющую собой целостное теоретическое и описательное исследование различных объектов, функционирующих в системы культурных ценностей разных языков, отражённых в их языке. Также можно описать как отрасль лингвистики, при помощи которой проводится контрастный анализ лингвокультурологических областей, основанной на теории лингвистической относительности, а важнейшей особенностью сопоставительной лингвокультурологии возможно, является изучение того или иного явления в контексте культуры и в контексте языка в одинаковой мере.

Из данных положений выходит, что цель лингвокультурологии, в частности сопоставительной лингвокультурологии – проследить взаимосвязь языка и культуры общества разных народов, понять их взаимопроникновение и отражение культурных ценностей в языке.

Концепт – это ментальная единица, элемент сознания человека. С точки зрения когнитивной лингвистики концепт воспринимается как явление ментальных или психических ресурсов человеческого сознания, которое, воспроизводит в речи весь опыт и знания человека. Совокупность концептов могут образовать концептосферу определённого народа и соответственно его языка, которое имеет прямое отношение к их языковой картине мира.

В культурологии концепт воспринимается как основная ячейка культуры в сознании человека, поэтому, восприятие того или иного концепта в человеческом сознании основываются не только на словарных значениях слов,

но также и на личном опыте, на культурно-исторический опыт народа в целом, и чем этот опыт богаче, тем больше возможностей он предоставляет в полноценном отражении концепта.

С лингвокультурной точки зрения, концепт изучается как базовая единица культуры. Этот подход позволяет принимать концепт как единицу культуры, в которой зафиксирован коллективный опыт, и которая считается достоянием индивида или народа в целом. Следовательно, лингвокультурный концепт можно считать связующей нитью от культуры к индивидуальному сознанию.

Мы полагаем, что концепт как единица лингвокультурологии является универсальным феноменом, и его использование может помочь устанавливать особенности национального характера, мышления и миропонимания народов стран мира, а также изучение концепта, и его возможности в выявлении национально-культурных особенностей разных народов мира, определяет его значимость в межкультурном пространстве социума.

Таким образом, простого понятия культуры «вообще» не бывает, так как каждая культура олицетворяет характерный набор способов социальной практики определённого сообщества или нации. В процессе диалога культур с различными национальными культурами, проявляются и приобретают ценность некие особенности, на которых обычно, в родной культуре внимание не обращалось, или воспринималось, как что-то обыденное или должное.

Следовательно, мы можем предположить, что рассматриваемый нами концепт «хушбахтӣ/happiness (счастье)» может являться заместителем огромного числа разнообразных индивидуальных восприятий счастья, конкретность которых можно понять лишь в результате подробного анализа и синтеза данного понятия и её частей в рамках нескольких научных дисциплин.

ГЛАВА II

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОТНОСЯЩИХСЯ К КОНЦЕПТУ «ХУШБАХТӢ/HAPPINESS (СЧАСТЬЕ)» В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

2.1. Этимологический анализ концепта «хушбахтӢ / happiness (счастье)» в исследуемых языках

Для проведения анализа языкового концепта «хушбахтӢ/happiness (счастье)», рассмотрим его этимологию. Прежде всего, следует решить одну общую проблему: как в принципе соотносятся между собой внутренняя форма слова, обозначающая концепт, т.е. этимология, и содержание обозначаемого понятия. Этимологические словари позволяют выявить наиболее древние, архаичные признаки концепта, на котором со временем накладывались новые семантические составляющие.

Этимоло́гия (др.-греч. *ἐτυμολογία* от *ἔτυμον* — истина, основное значение слова и *λόγος* — слово, учение, суждение) — раздел лингвистики (сравнительно-исторического языкознания), изучающий происхождение слов (устойчивых оборотов и реже морфем). А также — методика исследований, используемых при выявлении истории происхождения слова (или морфемы) и сам результат такого выявления. Под этимологией также может пониматься любая гипотеза о происхождении слова или морфемы.

Согласно О. С. Ахмановой «Этимология – это 1) раздел языкознания, изучающий происхождение и историю отдельных слов и морфем; 2) учение о строении единиц языка» [142, 528].

Естественно, что с развитием языка происходят некие изменения внутренней формы слова, постепенно связь ее со смыслом утрачивается, но эти изменения не могут отрицать изначально существовавшую связь. Взаимообусловленность внутреннего содержания концепта и его внешнего бытия должна ощущаться в языках, в которых неразделимы языковой узус и языковое творчество, а слово в сознании человека наделено высокой ценностью. Недаром учёные проявляют большой интерес к этимологии.

Следовательно, мы считаем необходимым, интерпретировать генезис или этимологию лексических единиц, относящихся к концепту «хушбахтӣ – happiness (счастье)» в сравниваемых языках. Рассмотрим этимологию данного понятия в таджикском языке:

badra- 1) *хушбахт, хурсанд*; 2) *тақдир, насиба* – 1) *happy, glad*; 2) *fate, destiny* (счастливый, радостный) или ‘учсть, доля, судьба) происходило из арийского языка в форме **bhadra-** со значением «хушбахт, хурсанд (счастливый, радостный); в древне-индийском имел такую же форму и значение: **bhadra-** *хушбахт, хурсанд* - *happy, glad* (счастливый, радостный), а в форме глагола (от др.-инд. гл. *bhand*) означает *хушбахт будан, шод, хурсанд будан* или *шодӣ кардан, хурсандӣ кардан* – *to be happy, to be glad* (быть счастливым, радоваться).

В трудах В. С. Расторгуевой отмечается, что в древне авестийско-пехлевийском зафиксировано слово **hu-badra** – *хушбахт, муваффақ, комёб* – *happy, prosperous, lucky* (счастливый, благополучный), которое в свою очередь образуется при помощи прилагательного **hu-** «хуб, хуш, нек» (добрый, хороший) [102, 45].

Также в более поздних языках засвидетельствованы формы **badra-** и **badra-ka** со значением *бахти нек, иқболи нек* – *good fate, fortune* (добрая доля, участь) при контаминации с рефлексами **baxtra-** от корня **bag-**. Считается, что это относительно поздние заимствования с персидского языка. Так, например, в средне-персидском языке лексема **bahr** – *қисмат, тақдир, баҳра* - *fate, destiny* интерпретируется как: часть, доля; жребий, участь (судьба); в классическом персидском, дари, таджикском **bahr** – 1) *баҳра, насиб, ҳисса, қисмат, тақдир* – *part, share* (доля, часть, пай):

«Набошад маро **баҳра** чуз ранчу дард,

Шавад рӯзи равшан чунин ложвард» (Фирдавсӣ) [160, 165];

2) *суд, фоида* – *benefit* (польза, выгода):

«Бирав, зи таҷрибаи рӯзгор **баҳра** бигир,

Ки баҳри дафъи ҳаводис туро ба кор ояд» (Рӯдакӣ) [160, 165].

Следует отметить, что в среднеперсидском языке прослеживаются некоторые лексические единицы, относящиеся к концепту «хушбахтӣ», которые образовались при помощи суффикса *-ak*. К ним можно отнести следующие единицы: среднеперсидский ранний *bahrak*, поздний *bahrag* – *бахра, насиб, ҳисса, қисмат, тақдир* - *part, share; fate, destiny* (часть, доля; участь судьба); классический персидский, дари *bahra* современный персидский *bahre* - 1) *бахра, ҳисса, қисмат* – *part, share* (доля, часть; пай); 2) *суд, фоида* - *benefit* (польза, выгода); таджикский *bahra* 1) *ҳисса, бахи; саҳм, қисме аз чизе* - *part, share* (часть, доля); 2) *насиба, қисмат, сарнавишт, толеъ* – *fate, destiny* (участь, доля, судьба); 3) *суд, фоида* – *benefit* (польза, выгода, прибыль). Исходя из вышеупомянутого, мы можем сделать вывод, что данному слову присуще явление полисемии.

Также в этимологии данного слова встречается слово *bag* (от *baj*), который является вторичным корнем слова *baxs-* со значением *бахшидан, ато кардан* – *to give as a share, endow* (наделять, распределять; выделять в качестве доли; дарить) и происходит из арийского языка в форме *bhag-: bhaj-* (в активной парадигме – *бахшидан, ато кардан* - *to give as a share, endow* (наделять, делить), в медиальной – *ҳамчун қисмат қабул кардан* (получать в качестве доли)), восходит к индоевропейскому *bhag-*.

Тем не менее, в авестийском языке отмечено употребление глаголов от обоих вариантов корней:

1) *bag-* *бахшидан, ато кардан* – *to give as a share, endow* (предоставлять в качестве доли; назначать, определять; быть предоставленным в качестве доли, пая);

2) *baxsha-, baxshaya-* *ҳисса бардоштан* – *to get as a share* (получать в качестве доли).

Среднеперсидский *baxs-* ({*bhs*} ман. {*bxs*}): *baxt* (манехийский {*bxt*}, инфинитив *baxtan* {*b(′)xtn*}, причастие прошедшего времени *baxtag* < **bag-ta-ka*) со значением «наделять, распределять, раздавать»; классический персидский, дари *baxs-: baxsid-*, инфинитив *baxsidan*; таджикский *baxs-: baxsid-*, инфинитив

baxsidan (бахшидан) – 1) to give; 2) to forgive (1 дарить, жаловать, одарять, давать; 2) прощать, извинять, миловать) широко применялись в повседневном жизни того времени.

Производные имена от корня в форме **bag- : baj-** являются следующие: **baga-** *насиба, қисмат, сарвнавишт, толеъ – fate, destiny* (участь, доля, судьба) и персонифицированное «Бог». Арийское **bhaga-**, средне-др.-индийское **bhaga-**, авестийское **baga-** и средне-персидское **bag-** имеют схожие значения: 1) *бахт, давлат – happiness, welfare, property* (счастье, благосостояние, имущество; 2) *Худо – God* (божество, Господь); 3) *қисмат, тақдир - fate, destiny* (доля, участь, судьба).

Первоначально счастливым человеком считался тот, которому покровительствуют боги. Доказательством тому, могут послужить вторичные образования от **baga-** в других ветвях иранских языков, которые встречаются в следующих формах: **baga-bag-ta->** западно-иранский **baga baxta-**; восточно-иранский **vaga-vayda-** и авестийско-пехлевийский **bayo baxta-** *аз ҷониби Худованд атошуда, тақдирӣ илоҳӣ – destined by God, divine destiny* (дарованное Богом); в средне-персидском принимает форму **bago-baxt / bayobaxt**, которое имеет аналогичное значение.

Вполне естественно, что такое обозначение понятию *хушбахтӣ – happiness* (счастье) имеет место быть, так как истина ассоциируется, скорее не с открытостью или явленностью, а наоборот, с загадочностью, а постижение истины, как полагают некоторые ученые, «это не простое обнаружение очевидного, но и долгий поиск тайного, скрытого от нас» [19, 39].

Таким образом, необходимо указать, что вышеупомянутые значения во многом определяют современное понимание данного концепта носителями таджикского языка и других народов, проживающих на территории Средней Азии. Принято считать, что счастье – это божий дар, которым человек обладает при рождении.

Следующее производное слово **hu-baga-** т.е. «хушбахт» - *happy* (с хорошей участью, с хорошей долей) в авестийско-пахлевейском языке встречается в

форме *hu-baya* (имя прилагательное), которое также означало «хорошую судьбу или долю».

Лингвист В. С. Расторгуева в своей работе отмечает *hu-* как префикс, указывающий на какое-либо положительное, хорошее качество и образующий прилагательные от существительных [102, 36].

Следовательно, мы можем предположить, что прилагательное *хуш-* (хуб, нек, шод, хурсанд) (хороший, приятный, весёлый, радостный) в составе слов *хушбахт, хуштолеъ, хушахтар, хушрӯз* – *happy, blessed* (счастливый, благополучный, удачливый) происходит от среднеперсидского *hu-*, так как все перечисленные слова указывают на обладание положительных качеств, т.е. *благой судьбы, хорошей доли*.

Аналогичными качествами и значениями обладают следующие прилагательные среднеперсидского происхождения: «*nek*» (нек), «*weh*» (бех) и «*xub*» (хуб) – *good* (хороший, добрый, славный)), которые применяются для образования синонимов, таких как: *некбахт, некахтар, некрӯз, бехрӯз* и т.д.

Зи ҳар нақше, ки ўро омадӣ неш,

Ба некахтар задӣ фоли дили хеш (Низомӣ) [160, 848].

Прилагательное *бад* от ср.перс. «*wad*» – *bad* (плохой, дурной, нехороший) используется для образования антонимов, и широко применяются в создании составных прилагательных с отрицательным значением. Например, *бадбахт, бадтолеъ, бадрӯз* – *unhappy, unlucky* (несчастный).

Забон дарниҳодаш ба изо чу тег,

Ки бадбахт зар дорад аз худ дарез (Саъдӣ) [183, 127].

По мнению Д. Саймиддинова «эти прилагательные являются эквивалентами среднеперсидских *hu* и *dis*, которые в свою очередь также обозначают положительные или отрицательные качества и могут быть взаимозаменяемыми: *некбахт* – *хушбахт, нектолеъ* – *хуштолеъ, хушиқбол* – *некиқбол* и т.д. [110, 110].

В таджикском этимологическом словаре указывается персидское происхождение слова «*бахт*». По грамматической категории оно относится к

абстрактным существительным. Производные, которые имеют в структуре своего значения общую сему, приобретают эти значения на основе метонимии. Сопоставительную характеристику синонимических рядов исследуемого концепта составляют такие лексемы как: *насиба, бахра, толеъ, қисмат, саодат, давлат, иқбол* – *fate, share, happiness, welfare, fortune, property* (участь, доля, судьба, благосостояние, удача).

В ходе исследования выявлены ряд лексических единиц, являющихся этимологически взаимосвязанным и интерпретируемым схожим значением. Например, западно-иранский *baxta-*; восточно-иранский *vayda-*; (лексикализованное причастие прошедшего времени от *bag-*); авестийско-пехлевийский *baxta-*; древне-персидский *baxta-*; среднеперсидский *baht-* {*b'ht, bht*} и классический персидский, дари, таджикский *baxt-* содержащие в качестве одного из компонентов слово *baxta* эквиваленты.

Несмотря на то, что концепт «хушбахтӣ/happiness (счастье)» имеет характер универсальности, его эмоционально-семантическое содержание в сравниваемых языках может совпадать не полностью.

В этимологическом словаре английского языка «Online Etymology Dictionary» относительно лексемы «*happiness*» – *хушбахтӣ* (счастье) приводится информация, согласно которому, данное слово имеет скандинавское происхождение. Оно восходит к существительному «*hap*», который использовался в значениях «*chance*» - *имконият*, «*a person's luck*» – *омад, барор*, «*fortune*» – *толеъ*, «*fate*» – *тақдир* (шанс, удача, успех, судьба), а также, «*unforeseen occurrence*» – *ҳолати зайричашидошт* (непредвиденный случай). Как глагол лексема *hap* приобретает следующие значения: «*to come to pass, to be the case*» – *ба вуқӯъ омадан* (случаться, присходить).

В вышеупомянутом словаре также указывается на происхождение слова от древнескандинавского *happ* со значением «*chance, good luck*» – *имконият, омад* (шанс, удача), от протогерманского *hap-* (источник древнеанглийского *gehæp*) «*convenient, fit*» – *қулай, мувофиқ* (удобный, подходящий), от норвежского *heppa*

«*lucky, favorable, propitious*» - бобарор, мусоид, хуш (удачный, благоприятный) и др.

Согласно этимологическому словарю, значение *good fortune* – толеби нек (хорошая судьба) существительное *hap* проиобрает с начала 13 в. Из полученных нами информации, мы выяснили, что прилагательное *happy* – хушбахт (счастливый) и имя существительное *happiness* – хушбахтī (счастье) образовались аффиксиальном, т.е. морфологическом способом в среднеанглийском периоде.

С конца XIV в. прилагательное *happy* используется в значении «*lucky*» - («*favoured by fortune, being in advantageous circumstances, prosperous*») – бахтёр, комёб (удачливый, одаренный удачей, находящийся в выгодных обстоятельствах, преуспевающий или удачный результат), а позднее, с 1520 г. за словом закрепляется значение «*very glad*» («*greatly pleased and content*») – қаноатманд (очень довольный). Древнеанглийское *blithe* «*happy*» – хушбахт, (счастливый) чаще употребляется в языке в значении *весёлый*. От греческого до ирландского языков подавляющее большинство европейских слов толковало *happy* как *удачливый*.

Существительное *happiness* – хушбахтī (счастье), образовавшийся от прилагательного *happy* и суффикса *-ness* использовавшийся в значении «*good fortune*» - омад (удача), к 1590-м приобретает новое толкование, означающую «*pleasant and contented mental state*» - ҳолати равонию гуворо ва қаноатманд (приятное и довольное психическое состояние): «*And those, who choose to be happy must help others to find happiness, for the welfare of each is bound up with the welfare of all*» [191, 47]. – Онҳое ки мехоҳанд хушбахт бошанд, бояд барои ба даст овардани хушбахтии дигарон мадад кунанд, чунки некӯаҳволии ҳар як шахс аз некӯаҳволии дигарон вобаста аст. (А те, кто хочет быть счастливым, должны помогать другим, найти счастье, ибо благополучие каждого связано с благополучием другого.)

Следующие дериваты могут также указать на то, что исследуемый нами концепт имеет большое значение для англичан: *happen* – рух додан, ба вуқӯъ

омадан (случаться, происходить): «*As for her father, he knew that he must be overjoyed with what had happened and that he would make most of it to break off the engagement*» [191, 233]. – Дар хусуси надали ӯ бошад, вай медонист, ки ӯ аз *ҳолати рухдода* бояд *бениҳоят шод* шуда бошад ва барои барҳам додани аҳди онҳо тамоми кори аз дасташ меомадаро анҷом медиҳад. (Что касается ее отца, он знал, что он, должно быть, очень обрадовался тому, что произошло, и что он сделает все возможное, чтобы разорвать помолвку);

happy – *хушбахт* (счастливый): «*Life is a mixture of good times and bad times, happy moments and unhappy moments*» [191, 16]. - Ҳаёт ин омезиши даврони *барору нобарор* ва *лаҳзаҳои хушу нохуш* аст. (Жизнь – это смесь хороших, и плохих времен, счастливых, и несчастных моментов);

haply – *хушбахтона* (к счастью), *happily* – *хушбахтона* (счастливо): «*They rode till they reached a faraway land where they lived happily ever after*» [188, 66]. – «...ятим ва духтар аз назарҳо гоиб шуда рафтанд ва ба як вилояти дурдаст рафта ҳар ду бо хурсандӣ зиндагонӣ карда ба муроду мақсадашон расидаанд» [174, 46] (... юноша и девушка скрылись с глаз. В далеком месте они остались жить и достигли исполнения своих желаний).

haphazard – *ногаҳонӣ, тасодуфӣ* (случайный): «*It was as if he had studied at the university himself, instead of being ill-equipped from browsing at haphazard through the books in the library*» [190, 142]. – Ба назар чунин менамуд, ки ӯ дар донишгоҳ таҳсил кардааст, на ин ки ба таври *тасодуфӣ* аз китобҳои китобхона каму беш маълумот гирифтааст. (Как будто он сам учился в университете, а не был кое-как подготовлен случайным просмотром книг в библиотеке).

hapless – *бадбахт, ноком, бечора* (несчастный, злополучный): *The hapless passengers were stranded at the airport for three days.* – Мусофирони *бадбахт* се рӯз дар фурудгоҳ монданд. (Несчастливые пассажиры застряли в аэропорту на три дня);

unhappy – бадбахт (несчастный): «*He saw before him an unhappy girl...*» [191, 233]– Дар муқобили худ ӯ як духтари бадбахтеро дид... (Перед собой он увидел несчастную девушку...)

perhaps – эҳтимол (возможно, вероятно): «*Perhaps he had had somebody like her in mind when he painted that girl in the book there on the table*» [190, 4]. – Эҳтимол, вақте ки ӯ он духтарро дар китоб тасвир мекард, касеро ба монанди вай пеши назар меовард. (Возможно, он имел в виду кого-то вроде нее, когда рисовал ту девушку в книге на столе);

mishap – ноомад, шикаст (неудача): *He had a little mishap recently.* – Ба наздикӣ ӯ ба **шикасте** дучор омада буд. (Недавно с ним произошел небольшой несчастный случай);

happiness – хушбахтӣ (счастье): «*We can never achieve the happiness we are looking for no matter how hard we endeavor in material life*» [190, 180]. – Дар олами моддӣ мо ҳеҷ гоҳ **хушбахтиро** ба даст оварда наметавонем, ҳарчанд бикӯшем. (В материальной жизни мы никогда не сможем достичь счастья, которого ищем, как бы ни старались).

Вследствии метонимии образовались новые производные лексические единицы, имеющие общую сему «случай», «удача», но не все образовавшиеся производные лексемы являются частоупотребляемым, ввиду стилистической и исторической значимости.

Этимологическое толкование, данного лингвокультурного концепта в английском языке, а также социокультурные предпосылки формирования целостного отношения к счастью, представляют человека незаинтересованным по отношению к собственной судьбе. В этимологии номинанта концепта «**happiness**» - хушбахтӣ (счастье), лексемы **hap** – ҳолат (случай) прослеживается некая пассивность и отстраненность, актуализатором является **luck** – омад (удача).

В ходе исследования нами было выявлено концептуальные признаки концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)», такие как системный и функциональный. Фиксируемые в лексикографическом описании признаки,

считаются системными, а качества, проявляющиеся при функционировании данного концепта в повседневной речи, принято считать функциональными.

Также, в результате изучения ряда лексикографических источников, мы обнаружили некоторую схожесть и различие в понимании и осмыслении данного концепта носителями таджикского и английского языков. Тем не менее, в обоих языках счастье определяется как доброе, позитивное чувство, которое приносит человеку положительные эмоции. Поэтому, «хушбахтӣ/happiness (счастье)» это совокупность всех положительных эмоций, лишенных каких-либо негативных свойств и качеств, которых человек испытывает на протяжении всей своей жизни.

В указанных определениях лексемы «хушбахтӣ/happiness (счастье)» выявляются некоторые составляющие, лексического значения которых мы можем, обозначить как синонимы.

Таким образом, при проведении анализа определенного числа лексикографических источников, мы обнаружили некоторые схожие черты в содержании лингвокультурного концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в исследуемых языках, к которым относятся следующие понятия: *тақдир* – *fate* (судьба), *омад* – *luck* (удача), *gladness* – *хурсандӣ* (радость), *қаноатмандӣ* – *contentment* (удовольствие) и пр. Тем не менее, отличительной чертой является то, что для таджиков «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в первую очередь, связано с благой судьбой – *бахти нек, толеъи нек, иқболи нек*, радостью – *хушбахтӣ, хурсандӣ, шодмонӣ* благосостоянием – *давлатмандӣ, саодатмандӣ* и только в последнюю очередь, с довольством – *қаноатмандӣ*; в то время как в английском языке чаще связано с везением и успехом – *chance, a person's luck or fortune*, со случаем – *happening*, случайностью – *unforeseen occurrence* и с благой судьбой – *good fortune*.

2.2. Структурный анализ монокомпонентных лексических единиц, относящихся к концепту «хушбахтӣ – happiness» (счастье) в таджикском и английском языках

Словообразование – это образование новых слов (дериватов) от однокоренных слов и возникшее в результате этого формально-семантическое соотношение между дериватом, и его производящим словом. Очевидно, что данный процесс тесно связан с грамматикой языка, поэтому, при образовании новых слов учитываются особенности грамматического строя того или иного языка.

Относительно дефиниции словообразования лингвист и лексиколог О. С. Ахманова отмечает следующее: «Словообразование (словопроизводство) – образование новых слов путём соединения друг с другом корневых и аффиксальных морфем, а также основ данного языка в разных комбинациях по определённым моделям, включающим правила чередования звуков, определяющий тот или иной характер соединения и т.п.» [142, 424].

Словообразование считается одним из важнейших средств обогащения лексического фонда всякого языка, в том числе и таджикского. Оно способствует появлению новых слов и дополнению лексического состава языка без заимствования слов из других языков. По мнению И. В. Арнольда, «под общим названием словообразование (word-building) объединяются очень различные способы обогащения словарного состава языка» [13, 107].

Для определения форм и способов словообразования в конкретном языке, прежде всего, нужно внимательно изучить процесс словообразования и морфологического состава каждого слова исходя из возможностей данного языка, так как определить эти способы на основании возможностей словообразования другого языка, намного труднее.

Проблема содержательной стороны языка, и особенно семантика производных слов, с каждым годом становится все более актуальной, и

причиной тому, по мнению П. М. Карашука является тот факт, что «язык находится в состоянии непрерывного развития, включающего определённые языковые процессы, в том числе и процесс создания новых лексических единиц» [62, 8].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что суть словообразования – есть создание новых наименований или вторичных единиц обозначения, т.е. образование новых слов. «Словообразование» также является разделом языкознания, который изучает процесс образования новых лексических единиц в составе языка. Область словообразования, с этой точки зрения, предоставляет исследователям широкие возможности, поскольку изучение того, как образуются, строятся номинативные единицы в языке, может вскрыть особенности творческой деятельности человека, вовлечённого в данный процесс, который объясняет деятельность с помощью слова, и тем самым может лучше понять суть принципа и механизма когнитивной составляющей этого процесса. Словообразование имеет связь и с другими разделами лингвистики, такими как морфология, синтаксис и лексикология. Объектом словообразования является изучение производных слов.

Согласно мнению П. М. Карашука: «Основная задача словообразования заключается в изучении формальных, семантических, генетических и других закономерностей и особенностей образования новых лексических единиц, возникающих в процессе развития языка» [62,10].

Производство новых слов в составе любого языка происходит по определённым словообразовательным моделям, исторически сложившимся в данном языке. Соответственно, пути и формы словообразования одного языка может различаться от другого языка. Ключевой проблемой словообразования принято считать проблему производности или деривации, обязательными признаками которых являются: а) производность по форме; б) мотивированность по содержанию. Относительно единства формы слова и его внутреннего содержания Н. Ф. Алефиренко отмечает следующее: «Единство формы и содержания выражается в единстве структурной и семантической сторон этого

соотношения: значение и структура производного формируется на общей основе – на основе данного производящего слова или словосочетания и данного словообразовательного средства и в процессе словообразования происходят формальные семантические преобразования. Они имеют место как между производящими и производными словами (междусловные изменения), так и между производящими основами и словообразовательными элементами (внутрисловные изменения)» [5, 11].

Важнейшим способом словообразования является морфологический, который в свою очередь, подразделяется на несколько различных подтипов: 1) аффиксальное словообразование; 2) словосложение (сложные слова, образующиеся в результате сложения двух и более самостоятельных элементов языка (слов, словосочетаний, основ)); 3) смешанные образования (суффиксально-префиксальные и сложно-производные слова); 4) аббревиатуры или сложносокращенные образования; 5) конверсионные производные и т.д.

Лингвист и терминолог М. Султонов в своей работе выдвигает пять основных принципов и методов словообразования в таджикском фарси:

1. Морфологический способ: а) образование слова с помощью префикса; б) образование слова с помощью префикса;

2. Синтаксисо-морфологический способ: а) образование сложных слов; б) образование смешанных слов;

3. Морфолого-синтаксический способ: переход слова из одной части речи в другую;

4. Лексико-синтаксический способ: превращение в слово изафетных конструкций или предложений.

5. Лексико-семантический способ. Данный способ связан с полисемической природой слова и образования омонимов [118, 181].

Большинство ученых [Ш. Рустамов, М. Рустамов, М. Султонов, С. Джаматов и др.] в своих исследованиях высказывали общее мнение о трёх основных способах словообразования существительных и прилагательных в таджикском языке: - суффиксация, префиксация и сложение основ.

Однако Рубинчик Ю. А. отмечает четыре основных способа образования существительных и прилагательных: «1) словообразование при помощи аффиксов; 2) основосложение – соединение именных и глагольных основ; 3) лексикализация словосочетаний; 4) переход других частей речи в существительные и прилагательные» [106, 181].

В таджикском языке широко применяется способ аффиксация. В «Словаре лингвистических терминов» О. Ахмановой приводится следующее толкование: «Аффиксация – это морфологический процесс, заключающийся в присоединении аффиксов к корням или основам» [142, 61].

Словообразовательными аффиксами называются предшествующие корню префиксы и стоящие после корня суффиксы. Различие между суффиксом и префиксом, как считает И. В. Арнольд, заключается в том, что: «префикс изменяет только значение слова, а суффикс, создаёт новое слово и определяет её как часть речи» [17, 61].

В словообразовании современного таджикского языка наиболее употребительными аффиксами являются: префиксы *ба-, бо-, бе-, ҳам-,* и суффиксы существительных *-ӣ, -гӣ, -чӣ, -гар, -стон, -истон, -она, -гона,* которые также образуют абстрактные существительные.

«Для английского языка характерным является то, что словообразовательные элементы возникали и развивались в процессе словосложения из самостоятельных слов, чем и объясняется тот факт, что они обладают довольно прозрачным значением» [15,17].

Наиболее продуктивным способом словообразования в английском языке, как и в таджикском, является аффиксация.

В современном английском языке существует большое количество аффиксов как исконных, так и заимствованных. Как отмечает И. В. Арнольд: «Аффиксальное словопроизводство, или, как этот способ также называют, аффиксация или деривация, или просто словопроизводство (derivation), т.е. создание новых слов путем присоединения к основе тех или иных словообразовательных элементов – аффиксов» [17, 107].

К примеру, слово *lucky* – *хушбахт, бахтёр* (удачливый), образуется путем присоединения суффикса *-y* к непроизводной основе *luck* – *омад* (удача), а слово *unlucky* – *ноком, бадбахт* (невезучий) при помощи префикса *un-*. Например: «*We're lucky that most of them are here, Brissenden whispered to Martin*» [190, 216]. – «Толеъамон мадад кард, бештари онҳо ин ҷо ҳузур доранд, гуфт Бриссенден ба Мартин». (Нам повезло, что большинство из них здесь, - прошептал Бриссенден Мартину); «*Oh, you will grow tired of them, too, of all the female things, if you are unlucky enough to live*» [190, 200]. – *Эй, ту ҳам ҳоло аз онҳо хаста мешавӣ, аз ҳама таъвишҳои занон, агар ба қадри кофӣ бетолеъ бошиву зиёд умр бубинӣ (зинда бимони)*. (Ой, ты тоже устанешь от них, от всего женского, если тебе *не повезёт* и ты будешь жить).

Путём присоединения наречного суффикса *-ly* к производным основам *lucky* и *unlucky* образуются соответствующие наречия *luckily* – *хушбахтона* (к счастью), *unluckily* – *бадбахтона, мутаасифона* (к несчастью, к сожалению): «*Luckily, Jerry was found quickly and rushed to the hospital*» [190, 213]. – *Хушбахтона Черриро зуд пайдо карда ба беморхона бурданд*. (К счастью, Джерри быстро нашли и доставили в больницу); *We thought, we might never see him again, but luckily - or unluckily we met him in the town some days before*. – *Мо фикр мекардем, ки дигар ҳеҷ гоҳ ёро намебинем, вале хушбахтона ё бадбахтона якчанд рӯз пештар ёро дар шаҳр во хӯрдем*. (Мы думали, что никогда больше не увидим его, но к счастью, или к несчастью, пару дней назад мы встретили его в городе).

Прежде чем приступить к анализу лексем, относящихся к концепту «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в сопоставляемых языках, мы считаем необходимым определить данный концепт как часть речи. Слово (лексема или концепт) «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в таджикском и английском языках является абстрактным существительным. В толковом словаре Ожегова приводится следующее обозначение понятию абстрактное существительное: «Абстрактные имена существительные – это существительные, называющие

отвлечённые понятия, действия, состояния, признаки, качества, свойства» [153, 15].

Таким образом, нам предстоит рассмотрение концепта путем анализа морфемной структуры однословных терминов или лексических единиц, относящихся к имени существительному.

Для проведения структурного анализа лексических единиц, относящихся к концепту «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в сопоставляемых языках, воспользуемся следующими классификационными разрядами, предложенными в трудах С. Джаматова, таких как: 1) *простые производные (корневые) термины* (в нашем случае слова или лексические единицы); 2) *простые производные термины*: а) *префиксальная модель*; б) *суффиксальная модель*; в) *префиксально-суффиксальная модель*; 3) *сложные термины* [46, 172].

Под простыми или корневыми словами понимаются те лексические единицы, которые «состоят из одного корня или корневой морфемы, к которому в дальнейшем могут прибавляться словоизменительные аффиксы» [46,174]. Так, например, к простым (корневым) словам можно отнести следующие лексические единицы: *бахт* (*насиба, қисмат, баҳра саодат, иқбол*) – *happiness* (счастье), *fate* (доля, участь, судьба); *fortune* (удача, успех):

«Шод мегардам зи бахту даврамон

Бахт мегӯяд газалхон ин замон:

Ин манам – бахти накӯи беназир,

Ёфтам шӯҳрат дар ин мулки кабир» [175, 10];

иқбол (*бахт, толеъ, саодат, саодатмандӣ*) - *happiness, fortune* (счастье, удача, успех):

«Андар пайи иқболи ту идбор муҳайёст,

Шоми гами ҳиҷрони ту аз субҳи висол аст» (Туграл) [160, 519];

саодат (*хушбахтӣ, некбахтӣ, масъудӣ, бахтёрӣ*) – *happiness* (счастье) *fortune*(счастье, благополучие; блаженство):

«Касе, ки ёри вафодори меҳрубон дорад,

Саодати абаду умри ҷовидон дорад» (Хисрави Дехлавӣ) [160, 192];

толеъ (бахт, иқбол, такдир)- *fortune*(удача, успех), *fate* (доля, участь, судьба): «Ака Рустам! Ба хонаводаи ту **бахту толеъ** рӯй овардааст, хабарчи ин ҳам ман шуда омадам... » [173, 81]. (Ака Рустам! Счастье постигло вашу семью, и я пришел сообщить об этом);

давлат (маҷ. бахту саодат, иқбол, хушбахтӣ, толеи нек)- *happiness* (счастье), *fate* (рок, доля, участь, судьба); *fortune* (удача, успех):

«**Давлати ҷовид** ёфт, ҳар ки нақӯном зист

К-аз ақибаш зикри хайр зинда кунад номро» (Саъдӣ) [183, 9].

(«Как счастлив тот, кто четь свою соблюл,

Ему не знать посмертной клеветы») [182, 40].

Далее рассмотрим простые производные слова или производные лексические единицы. Как вытекает из наименования самого понятия производных, оно охватило те лексические единицы, которые состоят из корня и словообразующих элементов, т.е. аффиксов, которые, по мнению Ш. Рустамова: «...в отличие от основ сами по себе не имеют особого значения, а их конкретное значение проявляется лишь в составе сложного или производного слова» [108, 21].

Однако, И. В. Арнольд считает, что «Словообразующие аффиксы могут иметь лексическое и лексико-грамматическое значение» [16, 115]. Лексическим значением аффикса принято считать его способность изменять лексическое значение целого слова, которое оформляется при помощи тех самых аффиксов.

В отличие от простых слов, производные слова считаются вторичными знаками, так как они обусловлены другими лексическими единицами. Словообразовательные значения семантики производных слов являются необходимым составляющим, которые выделяются при сопоставлении значений однокоренных производных и производящих слов.

Под префиксом понимается та часть слова, которая ставится перед словообразующей основой и изменяет её значение. Префиксация – присоединение приставок, как к простым, так и к производным словам. При образовании нового слова, префикс, который присоединяется к корневой

морфеме производящей основы, в фонетическом и семантическом отношении является более весомой и чётко ограничивающимся от этих основ. Далее детально рассмотрим все способы аффиксации:

а) префиксация:

Префикс *ба-* (*бо-*) (происходит от ср.-перс. *abag-* // *apak*) присоединяясь к существительным образует качественные прилагательные со значением обладания качества или свойства [118, 86]. Д. Саймиддинов в своей работе отмечает: «В среднеперсидском языке *pad, abag, abar* считались предлогами, которые в составе некоторых слов перешли в категорию префикса, и это течение в словообразовании среднеперсидского языка именуется, как новый способ в старой форме» [110, 143]. Например:

бабахт – *happy* (счастливый): «*Духтарат бабахт будааст. Имрӯз мо меҳмон шуда рафта будим, болои гӯшту равганба роҳ мерафт*». (Твоя дочка счастливая (везучая). Сегодня мы были у нее в гостях, каталась как сыр в масле.) [147, с 61];

бадавлат/ бодавлат – *wealthy, well-off, happy* (1. богатый, зажиточный, имущий; 2. счастливый): *Бобоям одами хеле бадавлат буданд, чун соҳиби зиёда аз панҷоҳ набераву абера буданд*. (Мой дед был очень счастливый (богатый), так как у него было более пятидесяти внуков и правнуков).

«*Бедавлат (бечора) агар кишт кунад, об наёбад,*

Бадавлатро киштаву нокишта баробар» («Несчастный, если посеет, то дождь не пойдёт, а счастливый и без посева пожнет») [160, 30].

Аналогичными значениями обладают слова *батолъ, босаодат, боиқбол* (счастливый, удачливый, везучий, благополучный).

Считается, что префикс *бо-* можно считать эквивалентом суффикса *-манд*, который так же образует прилагательные со значением обладания какого-либо свойства или качества. Например:

босаодат – *саодатманд* (*масъуд, хушбахт, боиқбол, босаодат* (счастливый, благополучный):

«*Насиҳат гӯш кун, чоно, ки аз чон дӯсттар доранд*

Чавонони саодатманд панди пири доноро» (Ҳофиз) [160, 192];

бодавлат/бадавлат – давлатманд (1. соҳибсарват, доро; 2. бахтиёр, хушбахт, саодатманд (1. богатый, имущий, состоятельный; 2. счастливый, везучий, удачливый):

«Чӣ давлатманд бошад остоне,

Ки бӯсад пои он сон дилситоне» (Ҷомӣ) [160, 311].

Префикс **бе-** (ср. -перс. *abe-* // *are-*) являясь продуктивным, образует прилагательные, указывающие на отсутствие свойства или качества: **бебахт** (несчастный, невезучий), **бедавлат** (1. неимущий, бедный. 2. несчастный, злосчастный, обездоленный), **бенасиб** (несчастный, невезучий), **бетолъ** (несчастный, невезучий):

«Бедавлат агар масҷиди одина бисозад,

Ё тоқ фуруд ояд, ё қибла қач ояд» [160, 169].

б) Суффиксация

В морфологическом словообразовании суффиксы также играют немаловажную роль. Так, например суффикс **-она (-гона, -ёна)**, (восходит к ср.-перс.) образует прилагательные и наречия:

хушбахтона - наречие (к счастью); прилагательное (счастливо). В качестве синонима данной лексической единицы, можно использовать слова **бахтиёрона, некбахтона, саодатмандона**. При переводе данной лексемы на английский язык, в зависимости от части речи (или выражаемой сути), которой она является, можно выбрать наиболее близкое по смыслу слово из ряда синонимов: **happily, luckily, fortunately, gaily**, например:

*«Хушбахтона ҳариф ба ин нуқтаи сусти ман пай набурда буд» [174, 169]. - **Fortunately**, my opponent did not realize this. («К счастью, мой противник в этом не разбирался» [172, 131]; «... арӯсу домод **хушбахтона** аз пеши ман гузашта ба асне, ки дар пеши қозихона бастагӣ буд, савор шуда рафтанд» [174, 91]. - «... **bride and groom swept gaily on by me, mounted a horse that stood tethered in the street in front of the courthouse, and rode away**». («Счастливые, они (жених и невеста), прошли мимо меня, затем, сев на лошадь, уехали») [172, 67];*

Дилдодагон *хушбахтона* умр ба сар мебурданд. *Lovers lived happily ever after.* (Влюбленные жили счастливо);

бадбахтона - *unluckily, unfortunately*; наречие (к несчастью): *Бадбахтона* ман он рӯз дар шаҳр набудам ва аз ин воқеа беҳабар будам. *Unfortunately, I was not in the city that day and I did not know about this incident.* (К несчастью, в тот день я не был в городе и не знал об этом происшествии.).

Лексические единицы как *насиба*, *бахра* образованы при помощи суффикса **-а**, который заимствован с арабского языка, в таджикском литературном языке используется в качестве признака женского рода и применяется к существительным и прилагательным. Этот признак больше встречается с именами собственными, особенно этот суффикс указывает на женское имя, поэтому *насиба* – это не только *судьба, доля*, а также и широко употребляемое женское имя.

Наряду с этим Ш. Рустамов отмечает: «Суффикс **-а** в таджикском литературном языке является синоморфемой и оморфемой. Его многозначность наблюдается только в образовании существительных, а оморфемность, не только в составе существительных, но и в словообразовании других частей речи» [115, 40].

Суффиксы *-таp/-таpин*. Эти суффиксы аналогичны английским суффиксам *more/the most*, которые широко употребляются для степени сравнения прилагательных. Суффикс прилагательного *-таp* в таджикском языке используется для образования сравнительной степени прилагательных, суффикс *-таpин* для превосходной степени. Например:

хурсандтаp > «Ман худро аз бачагони дигар ҳам *хурсандтаp* ҳис мекардам, чунки дар он рӯз дар тани ман чунон либосҳое буд, ки ман пеш аз он монанди онҳоро напӯшида буда, ё и ки пӯшида бошам ҳам дар ёд надоштам» [174, 15]. - *I felt doubly happy (was happier) because I was wearing such fine new clothes as I had never worn before...* («Я был счастлив большим, полным счастьем, чувствовал себя счастливее всех ребят, – я был отлично одет, лучше, чем когда-либо раньше») [172, 8];

хушбахттарин> «Шавҳараширо хушбахттарин йигити ин музофот гӯем ҳам кам» [173, 169]. – *The groom could be called **the happiest** young man of the village.* (Жениха можно было назвать *самым счастливым* молодым человеком деревни) (перевод наш);

«**Бадбахттарини** мардум дар ин замин он кас аст, ки ба «ҷадидӣ» ё «большевикӣ» муттаҳам карда шавад» [174, 218]. – *The most unfortunate* people called *jadids or bolsheviks*. (Самые несчастные те, кого называют джадидом или большевиком.) [172, 205].

Суффикс **-ӣ**. Расторгуева В. С. в своих трудах отмечает происхождение суффикса **-ӣ** от среднеперсидского (-ih), который обладает способностью образовать абстрактные существительные от ряда частей речи: а) от прилагательных; б) от существительных с более конкретным значением; в) от некоторых местоимений; г) от глагольной связки в 3-м лице ед. числа в положительной и отрицательной форме; д) в отдельных случаях от глагольной основы настоящего времени, а также от личных форм глагола (3-го лица ед. числа) [102, 31]. Например:

хурсандӣ: «Зудтар тадбиратро гӯй, ки метарсам аз хурсандӣ шодимарг шуда роҳи халосиро нашунда монам» [173, 44]. – *Oh, please tell me quickly what did you think out, or I'll die of happiness.* (Скажи скорей, что ты придумал, а то я боюсь, что умру от *радости*, так и не узнав, как нам спастись!).

Далее будут рассматриваться способы образования слов со значением счастье в английском языке: самыми продуктивными аффиксами в английском языке считаются отрицательные префиксы *im-, in-, il-, dis-, in-, mis-, over-, un-*; суффиксы существительных – *-ist, -er, -or*; прилагательных: *-able, -ible, -less, -y, -ic, -ive*, суффикс наречия *-ly* и др. Например:

un+fortun(e)+ate – **бадбахт** (несчастный, несчастливый, неудачник, горемыка): «*The woman said to herself, «Who is better able to help these poor, **unfortunate** people that I, who have had misfortune of my own?»* – «Зан ба худ гуфт: «Ба ин бечорагони **бадбахт** кӣ кӯмак карда метавонад, ба чуз ман, ки худ чунин **бадбахтиҳоро**(нокомиҳоро)дидаам» [191, 22]. (Женщина сказала себе: «Кто

может лучше помочь этим *бедным, несчастным* людям, чем я, у которой тоже было несчастье?»);

un+hap(p)+y – бадбахт (несчастный): *I didn't realize she was so **unhappy**.* Ман дарк намекардам, ки *ӯ* то чӣ андоза бадбахт аст. (Я не знала, что она настолько несчастна).

un+luck+y – бадбахт (невезучий, неудачный, несчастливый): *Last year was such an **unlucky** year for the people all over the world.*- Соли гузаима барои мардуми тамоми дунё соли бепарор буд. (Прошлый год был таким неудачным для людей во всем мире);

un+happy(i)+ness – бадбахтӣ (несчастье, невезение, неудача): «*Questioning Jane Lloyd learns of her **unhappiness** at Gateshead and when he asks if she would rather go away to school then stay with Mrs. Reed, Jane says yes*» [189, 20]. - Аз ҳоли Чейн пурсон шуда, Ллойд аз бадбахтиҳои *ӯ* дар Гейтсхед огаҳ мешавад ва вақте ки *ӯ* аз Чейн хоҳиши ба мактаб рафтаниро мепурсад, *ӯ* розӣ мешавад. (Опрашивая Джейн Ллойд узнает о ее несчастье в Гейтсхеде, и когда он спрашивает, не хочет ли она пойти в школу, чем остаться с миссис Рид, Джейн соглашается). Префикс **un-** в данных примерах выражает значение «не имеющий, лишенный того признака качества или свойства, на который указывает основа».

Суффиксы же, как компоненты производного слова связаны с его конечной частью, где помимо грамматических морфем есть и другие словообразовательные элементы.

hap+less – бадбахт, бетолъ (несчастный, злополучный, незадачливый): *In this play Dilbar plays the **hapless heroine** who is unlucky in love.* - Дар ин намоиш Дилбар нақши қаҳрамони бадбахтро мебозад, ки дар ишқу муҳаббат ноком аст. (В этом спектакле Дилбар играет несчастную героиню, которой не везет в любви);

luck+less – бадбахт (неудачный, несчастливый): «*He was a poor and **luckless** man, without a single desire or ambition in life*» [188, 139]. - «*ӯ* як одами бечораи

нормуроде буд» [174, 120]. (Он был бедным и несчастным человеком, который ни на что в жизни не мог рассчитывать).

Образуя абстрактные существительные от многочисленных глагольных основ, суффикс придаёт им значение действия, условия действия, процесса, выраженных основами, или значение состояния быть сделанным так, как на то указывает основа, т.е. результата действия.

Суффикс *-ly* по происхождению является общегерманским. Первоначально этот суффикс использовался для производных прилагательных только от исконно английских слов, выражает значение «имеющий сходство, или характеризующийся с тем, что присуще производящей основе. Однако, суффикс наречия *-ly* в некоторой степени отличается от значения суффикса прилагательных, образует наречия образа действия и выражает значение «таким образом, видом или способом, как на то указывает словообразующая основа». Например:

happy(i)+ly – *хушбахтона (счастливо): They lived happily ever after* – *Онҳо тамоми умр хушбахтона зиндагӣ карданд.* (Они жили счастливо всю ставшуюся жизнь).

По мнению И. В. Арнольда этот суффикс по своей неограниченной продуктивности может приблизиться к суффиксам словоизменения, а «производные наречия с данным суффиксом не только являются основным структурным типом наречий образа действия, но могут быть произведены почти от любого качественного прилагательного» [13, 115]:

cheer+ful+ly – *cheerfully* – *хурсандона* (весело);

gay+ly – *gaily* – *шод, хурсанд* (весело);

glad+ly – *gladly* – *хурсандона* (радостно);

merry+ly – *merrily* – *шод, хурсандона, хушбахтона* (весело, оживлённо).

Относительно суффикса *-y* И. В. Арнольд приводит следующее пояснение: «очень продуктивный на всех этапах развития английского языка суффикс *-y* имеет лексическое значение, содержащий то или характеризуемый тем, что выражено в основе. Лексико-грамматическое значение этого суффикса состоит в

том, что он оформляет прилагательное от именной основы» [там же]. Как отмечалось выше, аффиксы могут быть многозначными и суффикс –у может обладать другими значениями.

happy – *хушбахт, хурсанд, қаноатманд* (счастливый, удачный, довольный, весёлый);

happily – *хушбахтона, хурсандона* (счастливо, к счастью, успешно, удачно).

Также в трудах ряда учёных, таких как И. В. Арнольд, Н. Д. Арутюнова, С. А. Аскольдов и др. отмечается большое распространение в английском языке сложнопроизводных прилагательных, которые состоят из основы прилагательного + основа существительного и суффикса –*ed*. Подобную комбинацию можно увидеть при синхроническом анализе следующих синонимов:

ill-fated (having or destined to a hapless fate: unfortunate) [162] – *бадбахт, бадтолеъ* (досл. с плохой судьбой, несчастный): *I entered the cabin where lay the remains of my ill-fated and admirable friend* [English-grammar.biz]. – *Ман дохили утоқи хурде шудам, ки дар он боқимондаҳои дӯсти ашроф ва бадбахтам ҷойгир буданд.* (Я вошел в каюту, где лежали останки моего благородного и несчастного друга);

ill-starred (unlucky) [Merriam webster] – *бадахтар, беиқбол, бадтолеъ* (досл. с несчастливой звездой; несчастный, невезучий); *All have been ill-starred, but all have been faithful and sincere* [dictionary.cambridge.org.]. – *Ҳама бадбахт (бадтолеъ) буданд, вале ҳама самимӣ ва содиқ буданд.* (Все были неудачниками, но все были верны и искренны).

Как отдельное слово прилагательное **ill** встречается почти в предикативной функции и имеет значение *болен*, а в вышеуказанных примерах выполняет роль отрицательного префикса [13, 118].

В английском языке преобразование прилагательного в абстрактное существительное, выражающего свойство, качество, состояние и степень, осуществляется при помощи суффикса **-ness**. Прилагательные с данным суффиксом являются качественными и в большинстве случаев, абстрактные

существительные с суффиксом *-ness* образованы от основы именно качественных прилагательных. Однако в некоторых случаях суффикс *-ness* может образовать существительные и от основ других частей речи и даже от целых словосочетаний.

happy(i)+ness – *хушбахтӣ* (счастье, удача, везение): «*The happiness we give to others comes back to us*» [191, 205]. – *Хушбахтиие, ки мо ба дигарон ҳада мекунем, баргарданда аст.* (Счастье, которое мы даём другим, возвращается к нам);

sad+ness – *бадбахтӣ, заму андӯҳ, нокомӣ* (печаль, несчастье, невезение, неудача): *She tried to hid her sadness behind a smile.* – *Вай мекушид андӯҳи худро паси табассум пинҳон намояд.* (Она старалась скрыть свою печаль за улыбкой);

glad+ness – *хурсандӣ, шодӣ* (радость): «*For in his heart were great gladness and great pity, and he must not show a sign of either*» [english-grammar.biz]. – *Андаруни қалби ӯ шодии азим ва раҳмдили бузург ҷой доштанд, ки ҳарду бояд пинҳон карда мешуданд.* (В сердце его жила великая радость и великое сострадание, то и другое нужно было скрывать);

blessed+ness – *хушбахтӣ, роҳат, саодат* (счастье, блаженство); *The happy parents can scarcely describe the blessedness of having healthy children.* – *Волидони хушбахтро хеле душвор аст, ки баракат (хушбахтии) доштани фарзандони солимро тавсиф кунанд.* (Счастливые родители едва ли могут описать счастье, иметь здоровых детей.);

light+heart-ed+ness – *безамӣ, бенарвоӣ, сафо* (беззаботность): *The mother is the cheer, the lightheartedness, the joy of the family.* – *Модар шодмонӣ, сафо (хушбахтӣ) ва хурсандии хонадон аст.* (Мама – это радость, счастье и благо всей семьи);

unhappy(i)+ness – *бадбахтӣ* (несчастье): «*Unhappiness is the state which occurs in the human when wants and desires are not fulfilled*» [en.kartaslov.ru]. – *Бадбахтӣ (рӯҳафтадагӣ) ин ҳолати рӯҳии инсон аст, ки ҳангоми қонёе нашудани хоҳишҳо эҳсос карда мешавад.* (Несчастье — это состояние человека, когда его желания не удовлетворены).

3) Сложные слова

Сложными словами принято считать лексические единицы, сформированные в результате соединения двух или более знаменательных основ, таких как, именных, глагольных или наречных, которые различаются структурной слитностью и цельнооформленности. Образование сложных слов, по мнению С. Джаматова происходит «...путем соединения двух или более основ в процессе морфологического словопроизводства, и в некоторых случаях, при помощи соединительных гласных» [46, 126]. Также в образовании некоторых сложных слов способствует словосложение. Сложные слова сохраняют своё первоначальное лексическое значение объединяемых в них слов. Словосложение представляет собой своеобразное явление, причём морфологического характера. В состав сложного слова может входить любая часть речи, например, прилагательное с именем существительным.

«Среднеперсидские слова, образованные посредством сложения основ, можно разделить на две категории в зависимости от характера взаимоотношения их составных частей: 1) слова, составные элементы которых равноправны, 2) слова, составные элементы которых неравноправны: один из них по своему смысловому содержанию определяет, поясняет или дополняет второй» [118, 238]. Слова первого типа встречаются относительно редко, а слова второго типа более многообразны и встречаются гораздо чаще. Нами отмечены следующие их разновидности:

1. Сочетанием двух существительных, из которых первое поясняет или уточняет второго, образованы составные существительные:

бахт+нома (оберегающий, приносящий удачу амулет, носившийся на руке, у плеча, а также в пер. знач. счастье): «*Конститутсия бахтномаи миллат аст*» (Конституция – счастье народа).

бахт+ёр (человек, которому сопутствует счастье, удача, т.е. счастливый, удачливый):

«*Носазоеро, ки бинӣ бахтёр,*

Оқилон таслим карданд ихтиёр» [160, 31].

2. Сочетанием прилагательного с существительным образуются прилагательные и существительные. В зависимости от значения прилагательного в составе слова, оно приобретает либо положительное, либо отрицательное значение.

В таджикском языке прилагательные *хуш*, *нек* (хуб, нағз, бахайр) имеют значения *хороший, добрый, благой, радостный*, и поэтому любое слово, в состав которого входят эти прилагательные, могут обозначать что-то *хорошее, доброе, благое, весёлое*, а в нашем случае эти прилагательные в сочетании с существительными *бахт*, *қисмат*, *толеъ* (счастье, судьба, доля, участь) означают *счастливую судьбу, долю, удачу, везение*, а прилагательное *бад* (плохой) в сочетании с вышеназванными существительными означает *плохую судьбу, неудачу или невезение*:

«*Чӣ бадбахтам, ки ҳар сӯ мениҳам рӯй,
Зи оби дида бинам пеши рӯ ҷӯй*» [160, 127].

Приводим несколько других примеров образования прилагательных, сочетанием прилагательного и существительного:

хуш – *good* (радостный, хороший, благой) + *бахт* – *fate* (доля, участь, судьба) *хушбахт* (*некбахт*, *хуштолеъ*, *саодатманд*, *боиқбол*) – *happy* (счастливый, везучий); *Хушбахтии модар аз фарзанд аст. – Mother’s happiness is her children.* (Счастье матери в детях);

нек – *good* (хороший, благой) + *бахт* – *fate* (доля, участь, судьба) *некбахт* (*хушбахт*, *хуштолеъ*, *саодатманд*) – *happy* (счастливый, везучий);

бад – *bad* (плохой) + *бахт* – *fate* (доля, участь, судьба) *бадбахт* – *unhappy* (несчастный, невезучий): «*Некбахт он аст, ки аз ҳоли дигарон панд гирад ва бадбахт он, ки аз ҳоли ӯ панд гиранд*» [183, 148]. - *Happy is the one who learns from the mistakes of others, and unhappy is the one from whose mistakes others learn.* (Счастлив тот, кто учиться на ошибках других, а несчастен тот, на чьи ошибки учатся другие);

хуш – *good* (радостный, хороший, благой) + *толеъ* – *fate* (доля, участь, судьба) *хуштолеъ* (*хушбахт*, *некбахт*, *некрӯз*) – *happy* (счастливый, везучий):

Насли имрӯза *хуштолеъанд*, ки дар даврони соҳибистиқлолии ватани азизамон зиндагӣ мекунад. *Today's generation is happy to live in the era of independence of our beloved homeland.* (Сегодняшнее поколение *счастливые*, они живут в эпоху независимости нашей любимой Родины);

бад – *bad* (плохой) + *бахт* – *fate* (доля, участь, судьба) *бадбахт* (*бадтолеъ*, *сиёҳбахт*, *бадрӯзгор*, *ноком*) – *unhappy, unlucky* (злосчастный, несчастный, невезучий);

бад – *bad* (плохой) + *толеъ* – *fate* (доля, участь, судьба) *бадтолеъ* (*бадбахт*, *сиёҳбахт*, *бадрӯзгор*, *ноком*) – *unhappy, unlucky* (злосчастный, несчастный, невезучий);

бад – *bad* (плохой) + *рӯз* – *day* (день; в пер. знач. жинь) *бадрӯз* (*бадбахт*, *сиёҳбахт*, *бадтолеъ*) – *unhappy, unlucky* (злосчастный, несчастный, невезучий):

«Рӯзи некӯ аз мани *бадрӯз* нӯшидӣ, вале

Чашми некӯи ҳанӯзам аз рухи некӯи туст» (Ҷомӣ) [160, 130].

Прилагательные, *сиёҳ* – *black* (черный), *кӯр* – *blind* (слепой) и *шӯр* – *salty* (соленый) в данной тематике используются в переносном значении, как нечто *нехорошее, неприятное*, соответственно, эти слова также означают *плохую судьбу, неудачу* или *невезение*, а встречаются такие слова чаще в литературных произведениях:

кӯр – *blind* (слепой) + *бахт* – *fate* (доля, участь, судьба) *кӯрбахт* (*бадбахт*, *сиёҳбахт*) – *unhappy* (несчастный, несчастливый, невезучий);

сиёҳ– *black* (черный) + *бахт* – *fate* (доля, участь, судьба) *сиёҳбахт* (*бадбахт*, *кӯрбахт*, *шӯрбахт*) – *unhappy* (несчастный, несчастливый, невезучий);

шӯр – *salty* (соленый) + *бахт* – *fate* (доля, участь, судьба) *шӯрбахт* (*бадбахт*, *сиёҳбахт*) – *unhappy* (несчастный, несчастливый, невезучий):

«*Некбахт* он касе, ки доду бихӯрд,

Шӯрбахт он, ки ӯ нахӯрду надод» (Рӯдакӣ) [160, 609].

3) Префиксально-суффиксальный способ.

Такие слова, как *бебахтӣ*, *бесаодатӣ*, *бенасибӣ*, *бетолъгӣ*, *бебахрагӣ*, *берӯзӣ* - *unhappiness* (несчастье, невезение, неудача) являются абстрактными существительными с отрицательным значением, например:

«Дар вай сифати ҷамоли Лайлӣ,
Бебахрагӣ аз висоли Лайлӣ» [152, 94].

В составе этих производных слов только суффиксы **-ӣ**, **-гӣ** являются суффиксами существительных, и то они участвуют лишь в самом конце словопроизводства. Если б последней словопроизводной морфемой считался бы префикс **бе-**, тогда производное слово было бы прилагательным, а не существительным. Кроме того, суффикс **-ӣ** создает абстрактные существительные от различных прилагательных.

В отдельном случае (или крайне редко) встречается суффикс **-нок**, который также происходит от среднеперсидского и образует прилагательное от существительных: *иқбол*- существительное *иқбол+нок* – *lucky* прилагательное.

Суффикс **-манд** (от ср.-перс. *-mand*, *-mand*, реже *-emand*) в словообразовании таджикского языка имеет тесную связь с абстрактными существительными и образует прилагательные от существительного со значением обладания какого-либо свойства или качества, и как отмечает Д. Саймиддинов: «в словообразовании абстрактных существительных данный суффикс участвует, но возможностей образования относительных прилагательных от абстрактных существительных намного больше» [102, 133]. Количество слов, созданных при помощи суффикса **-манд** очень ограничено. К ним можно отнести следующие лексические единицы: *давлат+манд* (*бахтиёр*, *хушбахт*), *саодат+манд* (*хушбахт*, *масъуд*) – счастливый:

«Чӣ *давлатманд* бошад остоне,
Ки бӯсад пои он сон дилситоне» (Ҷомӣ) [152, 311];
«*Насиҳат гӯш кун, ҷоно, ки аз ҷон дӯсттар доранд*
Ҷавонони саодатманд панди тири доноро» (Ҳофиз) [160, 192].

Суффикс **-вар**, **-овар** (от ср.-перс. *-var*, *-ovar*) указывает на обладание чем-либо, образует существительные и прилагательные:

бахт+вар – сохиби бахт, бахтёр (обладатель счастья, тот, кому сопутствует счастье);

бахт+овар – чизе (касе), ки бахту толеи нек меоварад, саодатбахш (тот, кто или то, что приносит счастье, приносящий счастье):

«Хунарҳо зи бахти бад оҳу бувад,

Зи бахтоварон зишт некӯ бувад» (Абӯшакури Балхӣ) [160, 160].

бахт+офар – чизе (касе), ки бахту толеи нек меофарад/меорад, саодатбахш (тот, кто или то, что создаёт/приносит счастье, приносящий счастье).

Процесс словообразования широко известен как явление, столь близкое к жизни человека в мире. «Он заключается в конструировании новых слов из существующих материалов. Между тем, процесс словообразования - это создание новых слов на основе определенных правил» [62, 239].

Таким образом, наиболее продуктивным процессом создания новых слов как таджикского, так и английского языков является аффиксация.

Словопроизводство вовсе не означает простое или искусственное соединение основ и аффиксов, в каждом производном слове все части (основа и аффикс) должны быть совместимы друг с другом по смыслу, и благодаря такому согласованию появляется новое слово.

2.3. Структурный анализ поликомпонентных лексических единиц, относящихся к концепту «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в рассматриваемых языках

Термин «поликомпонентный» обозначает слова или лексические единицы, состоящие из двух или более взаимосвязанных компонентов. Данное понятие также называют составными словами или словосочетаниями. В отличие от сложных слов составные лексические единицы пишутся отдельно, однако они осуществляют синтаксические функции только одной части речи – знаменательной либо служебной. Такие слова имеют одно значение, не формирующееся из значений их компонентов. В зависимости от характера смысловых отношений, значительное количество ряда словосочетаний образуются на базе атрибутивных связей между составляющими их компонентами.

Таджикские составные лексические единицы, относящиеся к концепту «хушбахтӣ/happiness (счастье)» образованы по следующему модели:

N+Adj. В образовании данной модели принимают участие две части речи, т.е. имя существительное и имя прилагательное. Компоненты таких словосочетаний обычно связываются при помощи атрибутивной связи. В основном, те составные слова или словосочетания, которые созданы при помощи указанной модели, считаются субстантивными или именными словосочетаниями. Они образуются от существительных и прилагательных, которые выражают оттенок и свойства предметов, такие как: а) внешний признаки; б) внутренние свойства; в) состояние; г) характер, объём и мера. Следует также отметить, что основными компонентами таких словосочетаний являются абстрактные существительные, а подчинительными компонентами являются прилагательные в переносном значении, выражающие свойства и характер человека. Например: *бахти бедор* – бахти мусоид ва мададгор (досл. бодрствующее счастье, т. е. безоблачное счастье, везение, удачливость) [154, 159; 44, 27].

«Ба рӯи мо зан аз согар гулобе,

Ки хоболудаем, эй бахти бедор!» (Ҳофиз) [160, 159; 44, 27];

бахти баландахтар, бахти фирӯз, толеи фирӯз - бахти ғолиб, фатҳу нусратовар; бахти нек (благая судьба, участь, доля; благое счастье):

«Хоҳам, ки ба коми дили худ бо ту нишинам,

Ку бахти баландахтару, ку толеи фирӯз!» (Ахлӣ) [160, 159; 44,28];

бахти хоболуд - бахти мусоидат нақунанда (досл. сонливое счастье, невезние, неудача):

«Аё эй бахти хоболуд, бархез,

Ба зоят дер кардӣ, зуд бархез!» (Ҳилолӣ) [160, 159];

«Бахти хоболуди мо бедор хоҳад шуд магар,

Он ки зад бар дида обе рӯи рахшони шумо» (Ҳофиз) [160, 159];

бахти гумкардароҳ – бахти бад (злая судьба, доля, участь, рок):

«Ҳамегуфт: Эй бахти гумкардароҳ,

Гирифтор гаштам ба рӯзи сиёҳ» (Савдо) [160, 159; 44, 28];

бахти гиронхоб – бахти бад, толеи бад, иқболи паст (злая судьба, доля, участь, рок; невезение, неудача):

«Зи дасти бахти гиронхобу кори бесомон

Бувад гилае, роздори худ бошам» (Ҳофиз) [160, 159];

бахти забун – бахти баргашта, толеи бад, бахти шум (злая судьба, доля, участь, рок; невезение, неудача):

«Шиква аз бегона ошноён чун кунам?

Махфиё, рӯзи азал бахти забунам додаанд» (Махфӣ) [160, 159; 44, 29];

бахти нагунсор – бахти вожгуна, толеи баргашта (злая судьба, доля, участь, рок; невезение, неудача):

«Бинмой қадди хеш, ки аз баҳри диданаш

Сар бар кунем бахти нагунсори хешро» (Хисрави Дехлавӣ) [160, 159; 44, 28];

бахти некхоҳ - толеи баланд, бахти нек (счастливая доля, участь, судьба):

«Дило, рафиқи сафар бахти некхоҳат бас,

Насими равзаи Шероз пайки роҳат бас» (Ҳофиз) [160, 160; 44, 28];

бахти норасо – бахти номусоид (невезение, неудача):

«*Зи бахти норасо нагрифт дастам гардани мино*

Магар мижгон дамонад аишу гирад домани мино» (Бедил) [160, 160; 44, 29];

бахти нофарҷом – бахти бад, толеи паст (злая судьба, доля, участь, рок; невезение, неудача):

«*Ин ду чизам бар гуноҳ ангехтанд:*

Бахти нофарҷому ақли нотамом» (Саъдӣ) [160, 160; 44, 30];

бахти ошуфта (ё парешон) – бахти баргашта, бахти носозгор (злая судьба, доля, участь, рок; невезение, неудача):

«*Агар ба зулфи дарози ту дасти мо нарасод,*

Гуноҳи бахти парешону дасти кӯтаҳи мост» (Ҳофиз) [160, 160; 44, 30];

бахти сабз – бахти баланд, толеъи нек, хушбахтӣ (досл. белое счастье, зеленое счастье; благое счастье, судьба, доля участь):

«*Чун хасисон бахти сабз аз чархи миной маҷӯ,*

Аз замини дил барор ин сабзаи бегонаро» (Соиб) [160, 160; 44, 30];

бахти сафед – бахти нек, толеъи баланд, комёбӣ ва муваффақият (досл. белое счастье, зеленое счастье; благое счастье, судьба, доля участь):

«*Ба шумо дорам аз худо уммед,*

Ки диҳад рӯзи неку бахти сафед» (М. Турсунзода) [185, 160];

бахти сиёҳ – бадбахтӣ (досл. черная доля; несчастье, невезение, неудача)

«*Дарой аз дарам чун партави бадр,*

Шавад бахти сиёҳам лайлатурқадр» (Ҳозик) [160, 160];

бахти шӯр – бахти бад (досл. соленая доля; несчастье, невезение, неудача):

«*Ало, эй тира гашта бахти шӯрам,*

Ту шеро хашимнокӣ, мант гӯрам» (Фахриддини Гургонӣ) [160,159; 44, 30];

бахти ҳумоюн – бахти ниҳоят баланд (великое счастье):

«*Тоирӣ иқбол ба ҳамроҳиям,*

Бахти ҳумоюн ба ҳавоҳоҳиям» (Хисрави Деҳлавӣ) [160, 160; 44, 30];

бахти ҷавон – бахти нав, бахти умедбахш (досл. молодое счастье):

«*Гуфт: Эӣ карами ту дастгирам,*

Эй бахти чавону ақли пирам» (Шохин) [160, 160; 44, 30];

Лексический ряд таких образований могут пополнить следующие сочетания: *бахти баргаишта, толеи бад, иқболи паст, бахти шум, бахти гунуда, толеи саъд (бахти баланд, бахти нек); толеи абтар (толеъи фирӯз), бахти бад (бадбахтӣ); толеи шӯрида - бахти баргаишта, бахти хоб (бахраи хоб, мусоид омадани хоб, нағз хоб карда тавонистан) бахти бад* и пр.

Концепт «хушбахтӣ/happiness (счастье)» также может выражаться в форме глагола в значении *осчастливить кого-либо – касеро хушбахт кардан, to make someone happy*, подарить счастье – *ба касе бахт ато кардан*, приносить радость или счастье – *хушбахтӣ ё хурсандӣ овардан, to give someone happiness:*

«*His sole motive was to make her happy, to make her proud of him, to justify her long faith in him*» [191, 253]. – *Ягона ҳадафи ӯ хушбахт кардани дӯстдоштааш, ифтихор доштан аз худ ва эътимоди деринаи ӯро амалӣ гардонидан буд.* (Его единственным мотивом (единственной целью) было сделать её счастливой, заставить ее гордиться им, оправдать ее давнюю веру в него).

В английском языке существуют ряд глаголов, фраз и фразовых глаголов, которые, также могут выражать понятие *to make someone happy or happier – касеро хушбахт (хушбахттар) ё хурсанд кардан* (сделать кого-либо счастливым, обрадовать). Фраза – это сочетание слов, которое выражает законченную мысль или законченное высказывание; Фразовый глагол (англ. Phrasal verb) — комбинация глагола и предлога, глагола и наречия, либо одновременно глагола и предлога с наречием, которая является одним членом предложения и, таким образом, образует цельную семантическую единицу. Так, например, в словаре Macmillan Thesaurus предоставляются следующие глаголы-синонимы слову **happy**:

content (to make someone feel happy and satisfied) – *қонеъ кардан, қаноатманд кардан* (удовлетворять): *You're quite easily contented, aren't you? – Ту комилан қаноатмандӣ, ҳамин тавр не? (Ты ведь вполне доволен, не так ли?);*

excite (to make someone feel happy and enthusiastic about something good that is going to happen) – *касера ба ваҷд овардан* (радовать, волновать): «*Promptly, the*

next afternoon, Maria was excited by Martin's second visitor» [191, 196]. – Рӯзи дигар Мария аз таширфи меҳмони дуввуми Мартин ба ҳаяҷон омада буд. (Вскоре, на следующий день Мария была взволнована вторым посетителем Мартина); Nothing about my life excites me at present. – Айни ҳол чизе дар ҳаёт маро шод намегардонад. (В настоящее время ничто в моей жизни меня не радует);

fulfil (to make someone happy and satisfied) – қонеъ ё қаноатманд кардан (удовлетворять): *She doubts whether she'll ever be able to fulfil her ambition. – Вай шубҳа дорад, ки ягон вақт орзуҳои худро амалӣ карда метавонад ё не (қонеъ шуда метавонад ё не). (Она сомневается, что когда-нибудь сможет осуществить свои амбиции);*

hearten (to make someone feel happier and more hopeful) – касеро хушҳол кардан, табъи касеро болида гардонидан, рӯҳбаланд кардан (ободрить, подбодрить, воодушевить): *The people of Tajikistan have been heartened by recent free and fair elections of the president of country. – Мардуми Тоҷикистон аз баргузориш интихоботи озод ва одилонаи сарвари кишвар рӯҳбаланд шуданд. (Народ Таджикистана был воодушевлен недавно проведенным свободным и справедливым выбором президента страны);*

lift (to make someone feel happier) – касеро хушҳол кардан, табъи касеро болида гардонидан (поднимать кому-л. настроение: *She'd been feeling low but hearing that she'd got the job gave her a lift. – Ӯ хеле дилишикаста буд, лекин аз шунидани хабари ба қор қабул шуданаиш ниҳоят хурсанд шуд. (Она чувствовала себя подавленной, но услышав, что получила эту работу, немного воодушевилась);*

please (to make someone feel happy or satisfied) – касеро хушҳол кардан, табъи касеро болида гардонидан, қонеъ ё қаноатманд кардан (угодить кому-л, доставлять удовольствие): *I only got married to please my parents. – Ман танҳо ба хотири хушҳол кардани волидонам оиладор шудам. (Я женился только для того, чтобы угодить родителям).*

Далее рассматриваются глагольные словосочетания в английском языке:

buck up (*inform.*/ to try to make someone happier, or to become happier) - касеро хушҳол кардан (сделать кого-л счастливым): «*Oh, buck up for heaven's sake, Anthony! I'm sick of looking at your miserable face*» [dictionary.cambridge.org]. – Оҳ, Энтони ба худ ой (хушҳол бош)! Ман дидани симои ғамгини ту дилтанг шудам. (О, встряхнись ради бога, Энтони! Мне надоело смотреть на твое несчастное лицо);

perk up (if someone perks up, or if something perks them up, they begin to feel happier or more lively) - рӯҳбаланд шудан, шод шудан, табъи касе хуш шудан: *The children perked up as soon as I mentioned that their grandmother is returning home.* - Ҳамин ки ман аз баргаштани модаркалон ба хона хабар додам, кӯдакон хушҳол гаштанд. (Дети оживились, как только я упомянула о том, что бабушка возвращается домой);

take someone out of themselves (inf. to help someone to forget their problems) – касеро аз ҳолати рӯҳафтадагӣ берун кардан (помочь кому-л забыть о неприятностях и т.д.): *I need someone to take depression out of me.* – Ман ба кӯмаки касе ниёз дорам, ки маро аз ин ҳолати вазнини рӯҳӣ берун кунад. (Нужно, чтобы кто-нибудь вытащил депрессию из меня);

bliss out (to become, or to make someone, completely happy and relaxed) [dictionary.cambridge.org] - касеро хушҳол кардан, табъи касеро болида гардонидан, қонъ ё қаноатманд кардан. *I like to go off on my own, to sit and bliss out in a quiet green park full of flowers.* – Ман танҳо сайругаиш кардан ва дар канори боғи сабзу хуррам нишаста ҳаловат бурданро дӯст медорам. (Я люблю гулять одна, сидеть и блаженствовать в тихом зеленом парке, полном цветов).

Фразы:

bring a smile to your face/lips (to make you smile) – касеро шод кардан, ханда ба лаб овардан: *He wanted to do something to bring a smile to her face.* – Вай мехост коре кунад, ки ӯ шод гардад. (Он захотел создать что-то, что вызовет на её лице улыбку). *Perhaps, a song might bring a smile to your face.* – Шояд суруд метавонад туро шод бигардонад. (Быть может, песня поднимет тебе настроение);

make someone's day (to make someone feel very happy) – *касоро хушбахт кардан, хушҳол кардан* (осчастливить или порадовать кого-либо): *My little daughter's sweet smile makes my day.* – *Хандаи духтарчаам маро хушбахт мекунад.* (Улыбка моей маленькой дочурки *делает* меня счастливой). *Seeing those little kids having so much fun just made my day.* (Вид этих маленьких детей, так весело проводящих время, просто сделал мой день лучше).

do someone's heart good (to make someone feel happy) – *касоро хушбахт кардан, хушҳол кардан* (радовать чье-либо сердце) *It does my Granny's heart good to see her grandchildren play happily.* – *Шодии наберагонро дидан модаркалонро хеле хушҳол мекунад.* (Сердце бабушки радуется, видя, как счастливо играют ее внуки).

brighten (up) someone's day/life (to make someone feel very happier) – *рӯз ё ҳаёти касоро рангин кардан, хушҳол/хушбахт кардан* (скрасить кому-л. жизнь): *I just wanted to brighten up your morning.* – *Ман фақат мехостам субҳи туро шод гардонам.* (Я лишь хотела скрасить твоё утро).

warm/gladden someone's heart (to make someone feel happy) «*It gladdens my heart to see you*» [dictionary.cambridge.org]. – *Дидори шумо дили маро шод мегардонад.* (Моё сердце возрадовалось при виде вас).

2.4. Фразеологическая репрезентация концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в сравниваемых языках

Фразеологическая единица это устойчивое образование и данное положение никем не оспаривается. Тем не менее, мнение учёных относительно устойчивости не всегда совпадают. Так как под устойчивостью в наибольшей степени понимается «воспроизведение в готовом виде». А. В. Кунин отмечает, что фразеологические единицы включаются в словарный состав языка, а фразеология в состав лексикологии, потому как фразеологизмы рассматриваются как эквиваленты слов, которые в свою очередь являются предметом изучения лексикологии. Ссылаясь на В. В. Виноградова автор полагает, что: «не все фразеологические единицы в семантическом отношении обладают одной и той же степенью эквивалентности слову» [71, 12].

В словаре лингвистических терминов, относительно значению фразеологизмов Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова приводят следующее толкование: «Лексически неделимое, устойчивое в своём составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы» [156, 314]. Следовательно, фразеологизмы могут быть использованы как целое, которое не подлежит дальнейшему разложению и перестановки частей. Фразеология, в свою очередь, это специальная наука, являющаяся разделом лексикологии и занимающаяся изучением фразеологической сочетаемости.

Проблемами стилистического функционирования фразеологических единиц в художественном произведении занимались такие учёные – лингвисты такие как: А.В. Кунин [70], Н.Н. Амосова [10], И.В. Арнольд [13] и др. Большой вклад в изучение индивидуально-авторских преобразований фразеологических единиц внесли русские лингвисты О.С. Ахманова, Н.М. Шанский, А.М. Бабкин, В.Н. Телия, В.В. Виноградов, В.М. Мокиенко, А.М. Мелерович и др.

Впервые вопросами фразеологии в таджикском языке начали заниматься такие лингвисты, как С.В. Хушенов, Х. Маджидов, Т. Максудов, А. Муминов, П. Холов, Х. Хусейнов, И. Хасанов и др. Изучение данного вопроса также отражено

в трудах современных лингвистов, таких как Н. Масуми, Р. Гаффорова, Б. Камолиддинова, Р. Игамбердиева, Н. Джураева, А. Абдукадырова, Ш. Рахматова, Б. Махкамовой и многих других.

Данная отрасль таджикской лингвистики имеет давнюю историю. В первых толковых словарях, дошедших до наших времён, помимо слов, также имеется толкование фразеологических единиц. В работе таджикского учёного Х. Маджидова упоминается о словаре великого персидско-таджикского учёного мыслителя Асадии Туси (XI в.) «Луғати фурс» (персидский словарь), в котором некоторое количество фраз имеют отдельное толкование и отмечены как устойчивые фразы. Также говоря об истории развития таджикской лингвистической науки, в особенности таджикской фразеологии, автор отмечает ряд других словарей, таких как «Адотулфузало» Козихона Бадра Мухаммада Дехлави (1419г.), «Фарҳанги сурурӣ» Коши (1599-1600гг.), «Фарҳанги ҷаҳонگیرӣ» Инджула Шерози (1608г.), «Кашфуллуғот» Гафура Абдурахим ибн Ахмади Сур (15-17вв.), «Бурҳони қотеъ» Ибн Халафа Ат-Табризи (1652г.) «Фарҳанги рашидӣ» Абдурашида бинни Абдулгафура (1654г.) «Баҳори Аҷам» Тик Чанди Бахор (1739г.), «Ғиёуллуғот» Гиёсиддина бинни Джалолиддина и др. в которых имеются примеры толкования фразеологизмов исконно таджикского языка [86, 14]. Вышеуказанные учёные занимались тщательным изучением структуры и семантики собранных ими фразеологизмов, а также приводили примеры их использования в речи и находили подходящие по смыслу синонимы и антонимы.

Из чего же состоят фразеологические единицы, и на чём основывается их устойчивость? По мнению А. В. Кунина «устойчивость фразеологических единиц основана на свойственных ей различных типах инвариантности, т.е. неизменяемости тех или иных элементов при всех нормативных изменениях» [71, 6]. Автор предлагает следующие виды инвариантности или микроустойчивости, такие как: а) устойчивость употребления; б) структурно-семантическая устойчивость; в) семантическая устойчивость; г) лексическая устойчивость; и д) синтаксическая устойчивость. Прежде всего, автор отмечает

тот факт, что фразеологизм является единицей языка, а не индивидуальным образованием. Хотя и допускает, что авторские обороты тоже могут превращаться во фразеологизмы, если они выходят за рамки индивидуального использования и становятся народным достоянием.

К таким авторским фразеологизмам можно отнести Шекспиризмы, которые как утверждает А. В. Кунин, занимают второе место после Библии. Например: *cakes and ale* (Twelfth Night) – «беззаботное веселье», «наслаждение жизнью»; *single blessedness* (A Midsummer-Night's Dream) – «блаженство холостяцкой жизни» и пр. [70, 36]. Также примером вышеуказанного может послужить фразеологизм «*an ugly duckling*» по заглавию сказки Г. Х. Андерсона о гадком утёнке, превратившегося в прекрасного лебедя, обозначающего «недооценённого человека».

Тем не менее, следует отметить, что не каждый авторский фразеологизм становится общеупотребительным. Некоторые из них, так и остаются не использованным за пределами художественного текста или конкретной терминологии.

Фразеологический фонд языка считается ценнейшим источником, хранилищем сведений о культуре и менталитете народа, в котором хранятся суждения народа о мифах, обычаях, ритуалах, обрядах, традициях морали, поведении и т.д. Неслучайно фразеологизмы считают зеркалом косвенно отражающего мировидение народа, его общественный уклад, идеологию своей эпохи.

Самой важной языковой сущностью считается образ, в которой заключается важнейшая информация о взаимосвязи слова с культурой. Обычно под образностью понимается способность языковых единиц формировать некие наглядно-чувственные представления об определённых вещах, предметах или явлениях. Данное свойство языковых единиц могут вызывать в сознании человека определённые «картинки».

Некоторые мыслительные образы, т.е. обобщённые и абстрагированные представления продолжают оставаться картинкой. Образ метафор,

фразеологизмов считывается по их содержанию, т.е. внутренней формой. Внутреннюю форму считают неким следом, оставленной взглядом на вещи. Трактую фразеологизмы на базе их ассоциативно-образных восприятий со стереотипами, нам предоставляется возможность раскрытия их национально-культурный смысл и характер, являющимся содержанием национально-культурной специфики. Освоение содержания метафор и фразеологизмов, а также закреплённые за ними культурные специфики приобретают новое значение, становятся знанием, и потому данные устойчивые сочетания становятся экспонентами культурных знаков. Как сгусток культурной информации, фразеологизмы позволяют раскрывать глубину народного духа, характера, и его культуры, экономя время и языковые средства. Они играют важную роль в создании языковой картины мира народа.

Базовые знания носителя языка и практический опыт личности, с культурно-историческими традициями народа, создают природу значений фразеологизмов, идиом и метафор. Значения этих ФЕ направлены на характеристику человека и его деятельности.

Отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фразеологические единицы сохраняют в себе и передают от поколения к поколению разные культурные установки, стереотипы народа говорящего на данном языке. Фразеологизмы считаются микромирами, содержащих в себе все нравственные законы и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которых предки завещали своим потомкам, это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации. Фразеология – это отрывок языковой картины мира.

Фразеологические единицы, в частности направлены на субъект, т.е. они в большей степени употребляются не для того, чтобы описывать мир, а для того, чтобы оценивать и выражать к нему субъективное отношение. Эта особенность отличает фразеологизмы и метафоры от других номинативных единиц. Например: *an ill-fated person* - одами бадбахт (несчастный человек), *an ill-fated attempt* – кӯшиши бебарор (неудачная попытка), *hapless life* – рӯзгори нохуш

(несчастливая жизнь), *eternal blessedness* – *саодати абадӣ* (вечное блаженство), *single blessedness* – *хушбахтӣи озодӣ (муҷаррадӣ)* (шутл. холостяцкая жизнь, холостяцкая доля) *a happy event* – *ҳодисаи хуш* (счастливый случай, радостное событие) и т.д.

В. Н. Телия пишет, что «фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует своё национальное самосознание, именно фразеологизмы как бы навязывают носителям языка особое видение мира, ситуации» [121, 58].

Таджикский лингвист Х. Маджидов разделяет следующие виды фразеологии: 1) общая фразеология; 2) историческая фразеология; 3) сравнительная фразеология; и 4) синхронная фразеология [78, 12]. Общая фразеология занимается вопросом изучения общего развития ФЕ разных языков учитывая особенности, жизненный уклад, географическую среду и культуру народов, которых местами имея различную языковую систему, обладают схожими способами выражения, в частности фразеологизмов. Историческая фразеология, как исходит из самого названия, занимается вопросами истории развития ФЕ, источники возникновения, процесса исторического изменений и пр.

На сегодняшний день можно смело утверждать о том, что таджикская фразеология имеет давнюю историю. Большинство фразеологизмов и фразеологических единиц до сих пор актуальны и используются в речи в той форме и в том значении, в котором они использовались несколько столетиями назад. Подтверждением тому могут послужить огромное количество трудов таджикско-персидских поэтов, писателей и мыслителей, которые сохранились и дошли до наших времён. Наряду с этим, большое количество фразеологизмов потерпели изменения или вовсе вышли из употребления.

В сравнительной фразеологии рассматривается вопрос и сопоставительном сравнении фразеологии родственных языков и языки народов, имеющих многолетние исторические отношения и проживающих по соседству долгие годы, чьи судьбы переплетались настолько, что оно способствовало появлению

общих ценностей, обычаи и традиций. К примеру, братские народы таджики и узбеки, проживая долгие годы по соседству породнились настолько близко, что имеют общие обычаи традиции и даже воспитание. Несмотря на то, что фразеологический фонд каждого языка имеет свою индивидуальность, особенности и национальный колорит, благодаря чему является неповторимой, в большинстве случаев между фразеологическими единицами разных языков можно обнаружить схожие или общие черты.

Также отдельные фразы, отрывки из знаменитых рассказов, фильмов, пародий впоследствии могут стать общеупотребительным и сохраниться во фразеологическом фонде языка. Так, например *«ноомади кор»* - неудача в делах, является отрывком из следующего народного афоризма: *«Дар ноомади кор атола дандон шиканад, шиша сандон»*, который означает, что неудачнику всегда не везёт в делах.

Буквальному значению фразеологизма, в некоторых случаях, служит некая похожая ситуация, которая вследствие становится причиной его возникновения. За ней фиксируется содержание, которое далее переосмысливается и формируется образ фразеологической единицы. Таким образом зарождается внутренняя форма, которая содержит основную информацию связанную с культурой.

Фразеологическим единицам присущи некоторые особенности, в частности:

- а) устойчивость, противопоставляемый свободным сочетаниям и воспроизводимым в процесс речи как готовые языковые образования;
- б) семантическая неразложимость составляющих её частей или смысловая взаимосвязанность и пр.

Выражая точку зрения В.В. Виноградова В. Кунин отмечает, что: «Не все фразеологические единицы в семантическом отношении обладают одной и той же степенью эквивалентности слову» [71, 12]. Сращения, в данном случае рассматриваются как эквиваленты слов, а единства как допустимые эквиваленты. Следовательно, сращения и единства выделяются только по семантическому признаку, без учёта их структурных особенностей.

Большинство учёных считают фразеологические единицы эквивалентами слов на основании того, что и те, и другие вносятся в речь в готовом виде. Как правило, функциональная близость фразеологической единицы слову выражается в наличии у них общего лексико-грамматического значения той или иной части речи, вследствие чего частично или полностью совпадают их синтаксические функции.

Значительную роль в изучении фразеологизмов, в частности английского языка сыграл русский лингвист А. И. Смирницкий. В основу своей теории учёный кладёт сопоставление фразеологической единицы и слова путём выяснения сходства и различия между ними по содержанию, функции и структуре. Общим сходством, по мнению автора, является то, что и слово, и фразеологизм, это готовые единицы языка, а различие, заключается в характере оформления, т.е. цельнооформлённость слова и раздельнооформлённость фразеологизма. Вопрос о структурных типах фразеологических единиц, о различиях в составе их компонентов и разнообразии их функциональных типов, также является заслугой этого учёного.

В области исследования английского фразеологического фонда советские лингвисты провели большую работу. В их трудах содержится огромное количество интересных, важных наблюдений и выводов, которые могут быть использованы в новых исследовательских работах данной области.

На основе проведённых анализов А. В. Кунин выдвигает свою теорию относительно эквивалентности фразеологизма слову. Учёный утверждает, что структурно-семантические характеристики фразеологической единицы и слова расходятся: «Во всех отношениях – структурно-семантическом, синтаксическом, морфологическом и лексическом – существуют различия между словами и фразеологическими единицами. Они различаются по сочетаемости, а также в акцентном и графическом отношении» [71, 12]. Тем не менее, автор не исключает, наличие общности этих языковых явлений, но говорит о том, что не следует понимать общность как совпадение.

Вместе с тем, Н. Амосова предлагает следующее: «Для того чтобы степень мотивированности ФЕ могла быть положена в основу типологического деления фразеологизмов, было бы важно, во-первых, доказать, что она действительно является самым существенным их признаком, а во-вторых, выработать строгие и точные объективные критерии её определения» [10, 9].

Фразеологические средства репрезентации исследуемого концепта очень важны в раскрытии национально-культурных особенностей данного фрагмента картины мира таджикского и английского народов. В нём отражается морально-нравственные нормы и поведенческие ориентиры этих народов, их быт, культура, обычаи, традиции и пр. Метафоризация данного концепта основывается на народных представлениях о счастье и ассоциации разных жизненных ситуаций, связанной с судьбой человека.

Образная составляющая исследуемого концепта выявляет наличия в нём гендерную однозначность: считается, что покровительница счастья имеет женский облик и характеризуется такими чертами как каприз, непостоянство и изменчивость.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что у таджиков, как и представителей любого другого этноса, представление о счастье сформировано под влиянием национальной культуры, психологии, воспитания, литературы, образования и окружающей действительности, но при этом. Имеет свой особый национальный колорит. Тем не менее, иерархия компонентов этого ментального образования зависит от национальных предпочтений, а также индивидуальных и личностных признаков человека, таких как пол, возраст, образование, воспитание и пр.

Результаты анализируемого материала дают нам противоречивую картину. С одной стороны утверждается, что счастье заложено в судьбе человека: *хушбахт, хушахтар, хуштолеъ, некиқбол, некруъ, нектолеъ, батақдир* (счастливый, благополучный, удачливый) и т.д. Следовательно, человек не может изменить свою судьбу, менять ход событий в своей жизни, так как не может ею управлять. С другой стороны, в социальном плане существуют чёткие

представления о том, что может принести счастье: *любовь, добро, труд, учение, воспитание, трудолюбие, настойчивость в достижении цели, терпение, спокойствие, уважение страших* и т.д., и что может его разрушить: *лень, беспутство, невоспитанность* и прочие отрицательные привычки:

«Қавме ба қидду қаҳд ниҳоданд васли дӯст,

Қавме дигар ҳавола ба тақдир мекунанд» (Ҳофиз) [160, 204].

Как счастья им достичь? Один – все валит на судьбу.

Другой твердит: «Все перетрут терпение и труд».

В художественных текстах литературы и паремиях концепт «хушбахтӣ/happiness (счастье)» содержит национальную особенность осмысления образа, в котором предстаёт в облике субъекта, обладающего способностью передвигаться, предаваться, наделяться и т.п. Также, «таджикское счастье» имеет цветовую характеристику, такой как белый – *бахти сафед*; зеленый – *бахти сабз*, и чёрный – *бахти сиёҳ* (цвет несчастья).

По укоренившейся традиции таджикского народа, провожая молодую невесту в дом мужа взрослые, благословляя молодых желают им «*бахти сафед*», т.е. счастья. Если у кого-то случается несчастье, то об этом человеке говорят «*бадбахт*», «*шӯрбахт*» или «*сиёҳбахт*», т.е. несчастный:

«Дар ин вақт рӯшноии рӯз чун бахти сафеди мо ба сари мо партав афканда буд» [174, 337]. – *At this time, the dawn raised its beam above us, bright (white), as the color of our happiness.* (В это время, рассвет поднял над нами свой луч, светлый (белый), как цвет нашего счастья (пер. автора));

«Аммо бадбахтона, он торикӣ монанди бахти сиёҳи ман ва он духтар зуд омад» [174, 40]. – *Unfortunately the darkness, like our black happiness, got early.* (Но к несчастью, темнота, как цвет нашего несчастья (чёрное счастье), наступила рано (пер. автора)).

2.4.1. Таджикские и английские идиомы, относящиеся к концепту «хушбахтӣ/happiness (счастье)»

В каждом языке существуют устойчивые словосочетания – фразеологизмы или идиомы, которые обогащают речь и делают её более красочной. Английский язык считается «идиоматическим языком» потому как в нем сохранилось большое количество пословиц, поговорок, афоризмов, идиом и разных устоявшихся выражений. Большинство людей сталкиваются с трудностями перевода и понимания идиом, так как идиомы утрачивают (теряют) смысл при дословном переводе, а в отдельности значения слов могут совершенно не сочетаться между собой. С другой стороны, они придают языку яркую эмоциональную окраску.

Идиоматические сочетания, или идиомы, по мнению некоторых учёных, основаны на переносе значений, на метафоре, которое ясно осознаётся говорящим. Важнейшим критерием фразеологической единицы считается его идиоматичность. Однако в языковой системе встречаются фразеологические единицы, которые лишены всякой идиоматичности, но вместе с тем, как упоминает А. В. Кунин: «...встречаются идиомы, лишённые всякой образности» [71, 278].

Несмотря на достаточно длительное использование данного понятия в лингвистических трудах, вопрос определения понятия «идиома» до сих пор не решён однозначно. Значение данного понятия мы также рассмотрели в ряде толковых словарей, в которых даются различные толкования. Так, например идиома в «Словаре иностранных слов» даёт следующее толкование: «Идиома – [*гр. idíoma* своеобразное выражение] – свойственное только данному языку неразложимое сочетание, значение которого не совпадает со значением составляющих его слов, взятых в отдельности» [157, 187].

Наряду с этим, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова «идиома» определяется как: «оборот речи, значение которого не определяется значением входящих в него слов» [154, 193]; в «Англо-русском словаре» В. К. Мюллера

идиома переводится как: «язык, диалект говор; местное наречие» [151, 327]; а в «Энциклопедическом словаре лингвистических терминов» разъясняется следующим образом: «Идиома – (от греч. *idios* «собственный», «свойственный») лингвистический термин, обозначающий выражение (оборот речи), употребляющееся как некоторое целое, не подлежащее дальнейшему разложению и обычно не допускающее внутри себя перестановки; то же, что и фразеология» [166, 115]. Следовательно, идиома – это единица языка, которое представляет собой устойчивое сочетание, и значение которого не сводится к значению целого, так же, как и фразеологизм.

Идиомы разделяются на следующие группы: а) лексические идиомы (предложение или сочетание слов, характеризующееся слитным значением); б) синтаксические идиомы (синтаксическая конструкция, обладающая таким синтаксическим значением, которое неразложимо на значения отдельных форм); в) морфологические (простое или сложное слово, неразложимое с точки зрения современного языка по морфологическому составу, но членимое на форманты, утратившие смысловую функцию в составе целого).

Как вытекает из вышеперечисленных толкований, идиому в разных концепциях называют по-разному: «идиоматизмы», «фразеологизмы», «фразеологические обороты», «фразосочетания» и т. п. Очевидно, что единого мнения относительно терминологической фиксации данного понятия не существует. Однако, можно попытаться сделать краткий вывод, относительно понятия «идиома»: Идиомы – это группа слов с общим значением, состоящих из семантически несочетаемых компонентов. Н.В. Чигина считает, что «каждая идиома имеет законное происхождение и вполне логическое объяснение» [130, 128], происхождение которых, больше известны носителю данной культуры и языка. Часто, источником таких выражений является литература или какое-то историческое событие.

В таджикском и русском языках используется термин «фразеологизм», а на английском чаще встречается название «идиома». Однако их значения идентичны: это цепочка слов, в которой для каждого слова установлено своё

место, но общий смысл не совпадает со значением отдельных слов, входящих в состав данной цепочки. Не зная идиомы наизусть сложно догадаться о его значении, поскольку каждое слово в составе идиомы может дать отдельную подсказку, сложив которых можно получить совершенно другое, непонятное на первый взгляд выражение. К примеру, Э.М. Медникова даёт следующее толкование фразеологизмам: «ФЕ представляют собой такие отрезки речевой цепи, такие словосочетания, в отношении которых вообще нельзя ставить вопрос об экстралингвистически обусловленном выборе следующего компонента. Возможность выбора отсутствует, поскольку ФЕ, *общее значение которой не выводится из суммы значений её компонентов, вводится в речь в готовом виде*» [84, 72].

Одним из характерных особенностей фразеологизмов и идиом считается образность, лежащая в их основе. Однако, А. В. Кунин представляет свою точку зрения касательно образности идиомы, в котором говорится следующее: «Если иногда можно и можно было бы говорить о некотором образе, лежащем в основе той или иной фразеологической единицы, то только в плане её происхождения. Совершенно другую, существенно отличную область представляют собственно идиомы. Они являются словосочетаниями, основанными на переносе значений, на метафоре» [70, 278]. Также характерной особенностью идиом автор считает яркую стилистическую окраску и эмоциональную насыщенность присущим идиомам. Следовательно, идиому вполне можно считать самостоятельной единицей языка.

Некоторые исследователи относят идиоматичность к понятию, влияние которого распространяется не только на фразеологию, но в целом на язык, и вследствие этого, придерживаются мнения о том, что идиомы относятся к классу фразеологизмов. Тем не менее, можно заметить, большинство фразеологизмов имеют характер идиоматичности, которая проявляется в многообразных формах. Эта особенность подразумевает некую усложнённость в выражении внутреннего содержания фразеологизмов.

Фразеологизмы – это не исключительно книжная лексика, они активно используются в повседневной речи и уместны в различных стилях. Также активное использование идиом в речи наблюдается у носителей английского языка.

В статье К. Н. Мочалиной («К определению понятия «идиома» в отечественной и зарубежной литературе») отмечается интересное наблюдение относительно первоначального использования понятия «идиотизм», в котором говорится следующее: *«понятие «идиотизм» стало первым для обозначения широкоупотребительных и характерных для языка выражений, значение которых не вытекает из их грамматической конструкции или из значения составляющих их элементов»* [88, 681]. Автор также отмечает проблему мало изученности идиом в теории, обосновывая тем, что в англо-американской традиции широкая трактовка понятия «идиома» в лексикографии и практики преподавания противопоставлена узкой трактовке в теории [там же].

Исходя из многочисленных примеров и трактовок относительно данного понятия, можно сделать вывод о том, что в традициях англоговорящих стран, под идиомой понимается любое образное выражение, которое располагает национальным своеобразием (словосочетания, пословицы, поговорки, и т.д.).

В отличие от разрозненных исследований по идиоматике, фразеология как научное направление тщательно изучено, имеет высокий уровень теоретической разработки проблематики со стороны многочисленных учёных лингвистов, отличается системностью, классификации и тщательности структурирования, а также огромной практической ценностью. За последние десятилетия издано большое количество лексикографических, переводческих и учебно-методических работ.

Изучение идиом полезно не только для расширения словарного запаса. Они сохраняют в себе информацию о менталитете, отражают характер языка, культуру народа и картину мира носителей языка. Идиомы английского языка можно смело считать источником знаний о культуре, традициях и быта англичан и потому они являются значимыми языковыми единицами. Изучать идиомы

английского языка довольно сложно именно потому, что результат объединения слов может оказаться непредсказуемым. Даже те, которые изучают или те, которые на первый взгляд знают английский язык, не всегда могут понять смысл высказывания или прочитанного текста, если не изучали идиомы достаточно хорошо. Дело в том, что идиомы встречаются не только в художественных текстах, их употребление не ограничивается письменной сферой. С подобными выражениями можно столкнуться, даже просто общаясь с носителем языка. Безусловно, только носитель языка может понять интуитивно и правильно использовать идиомы в своей речи, поскольку их значения известны им непосредственно, они заложены в культуре народа. Однако, сопоставляя фразеологизмы в двух или нескольких языках, можно увидеть культурные сходства или различия восприятий ситуаций.

Счастье... как же сложно бывает иногда подобрать подходящее слово для выражения чувства, которое испытываешь в определённые моменты жизни, и в таких ситуациях даже на родном языке трудно выразить свои эмоции, не говоря уже об иностранном языке. Казалось бы, одного слова «хушбахт» (счастлив/а) должно быть вполне достаточно, чтобы выразить полноту чувств, испытываемых в самых разных ситуациях, когда человека переполняют чувства абсолютного удовлетворения, радости, счастья. Но к счастью, богатая лексика языка, самобытность и культура даёт нам возможность, выразить эти чувства, используя воистину прекрасные выражения и сочетания слов, присущим каждому языку.

Так, например, идиома *on cloud nine* – (досл. *быть на девятом облаке*) в таджикском языке имеет схожий по значению эквивалент *худо дар осмони ҳафтум эҳсос кардан* (*быть на седьмом небе от счастья*).

В английском языке есть ещё похожая фраза – *on top of the world*, которое означает то же самое. В таджикском языке есть устаревшее выражение *арши аъло* (досл. высшее небо), которое может дословно передать смысл этой идиомы.

Например: *My little son had a wonderful party with his friends. He was on cloud nine.* *Писарчаам бо дӯстонаш чашни хубе дошт ва аз хурсандии зиёд худо дар*

осмони ҳафтум эҳсос мекард. (Мой сыночек замечательно провёл праздник со своими друзьями. Он чувствовал себя на седьмом небе от счастья (т. е. «он очень рад» прим. автора)).

I've had such a wonderful holiday with my family. I felt on top of the world! – Ман бо оилаам ончунон таътили хубе доштам, ки аз хушхолӣ худро дар осмони ҳафтум эҳсос менамудам. (У меня был такой прекрасный отпуск с семьёй, что от счастья я чувствовала себя на седьмом небе.)

Тема семьи во все времена была, есть и будет одной из самых ценных и значимых в жизни каждого человека без исключения. Семья – одна из наивысших привилегий, дарованной судьбой человеку, которым дорожат люди всех национальностей и культур, независимо от обстоятельств, времени и жизненных ситуаций. И потому, каждый миг, проведённый в кругу близких и родных, несомненно, делает нас счастливыми. И в моменты проявления чувства абсолютной удовлетворённости, вполне уместно выражаться данной идиомой, которая, как ни странно, имеет почти точный по смыслу эквивалент в таджикском языке.

Однако в английском языке есть также выражение *in seventh heaven*, которое означает *быть на седьмом небе*. Таджикское выражение «Худро дар осмони ҳафтум эҳсос кардан» вполне можно считать калькой данной идиомы.

Возможно, в таджикской культуре эта фраза берёт своё начало из религиозных учениях ислама, где говорится о седьмом небе, как самой отдалённой от земли сферы, которая считается местом пребывания Бога и ангелов, место, где находится священный свет и чистое блаженство, в котором мечтает оказаться каждый верующий, и испытать то самое, неземное счастье.

Over the moon – (досл. за луной; то же, что и *быть на седьмом небе от счастья, быть в восторге*). Эта идиома также выражает безмерную радость и отличное настроение (на вершине блаженства, вне себя от радости, светиться от счастья).

At least I got a chance to see Samarkand, which I dreamed about for many years. So, I was over the moon. – Билохира ман имкони дидани Самарқандро ба даст

овардам, ки кайҳо боз орзу мекардам. Бинобар ин аз шодӣ ба куртаам намегунҷидам. (Наконец-то у меня появилась возможность увидеть Самарканд, о котором я мечтала много лет. Потому, я была просто вне себя от радости.)

Walking on the air – (досл. пройти по воздуху). Это выражение можно использовать как синоним двух предыдущих идиом.

Like dog with two tails – (досл. как собака с двумя хвостами). Это выражение, наверное, связано с тем, что собаки вылая хвостом выражают свою радость. В таджикском языке в этом смысле можно использовать выражение *аз шодӣ ба курта нагунҷидан* (досл. от счастья не помещаться в рубаишке).

I just got a new car and I feel like a dog with two tails. – Ман ба қарибӣ мошини нав гирифтам ва аз шодӣ ба куртаам намегунҷам. (Недавно я приобрёл новую машину от чего безумно счастлив (от счастья не помещаюсь в рубахе. досл. пер.))

Full of the joys of spring – (досл. полон весенней радости) эта идиома выражает состояния восхищения, радости и энергичности. О человеке, находящемся в таком состоянии, можно сказать *аз шодӣ медурахшад* (т.е. светится от счастья).

During the celebration of Navruz holidays all Tajik people seem full of the joys of spring, especially children and belles, in beautiful and colorful national dresses. Ҳангоми ҷашнигирии Наврӯз чунин ба назар мерасад, ки тамоми мардуми тоҷик аз шодӣ медурахшанд, алаҳусус кӯдакон ва зебосанамон бо пирӯҳани зебои рангини миллӣ. (Во время празднования Навруза кажется, что весь таджикский народ просто светится от счастья, особенно дети и молодые красавицы, одетые в красивые, яркие национальные платья.)

Как ни странно, эта идиома английского языка очень точно передаёт душевное состояние, отличное праздничное, весеннее настроение, в особенности чувства и эмоции, которые люди переживают в такие радостные моменты, как праздник Навруз. Это свидетельствует о том, что несмотря на различия в культуре, обычаях и традициях, эмоциональные переживания у всех людей схожие, и некоторые природные явления (например, дождь, снег, солнце, луна,

небо, растения, времена года (в частности весна)), воспринимаются и ощущаются одинаково.

Как отмечает Колшанский Г. В. «Одним из важных и решающих практических доказательств совместимости логических и языковых систем в их познавательной сущности является *неопровержимый факт взаимопонимания народов на основе перевода с одного языка на другой независимо от принадлежности этих языков к различным группам и семьям*» [63, 34].

Happy camper – (досл. *счастливый дачник* или *турист*; точнее «везунчик» прим. автора). Так говорят о человеке, который вполне удовлетворён своей жизнью, у которого все хорошо складывается, и который ни на что не жалуется. В таджикском языке есть несколько слов, при помощи которых можно охарактеризовать данное понятие/такого человека. Например, ***одами хушбахт, бадавлат, батолель, бахташ омадкарда*** (счастливый человек, удачливый) или ***худо дода*** (дарованный/одарённый богом) и т.д.

My sister is such a happy camper, she has a good job, loving husband and a lovely little daughter. – Бахти хоҳарам омад кардааст. Ў соҳиби кори хуб, шавҳари меҳрубон ва духтарчаи ширинаку дӯстрӯяк аст. (Моей сестре очень повезло. У нее хорошая работа, любящий муж и прекрасная, милая дочка.);

Jumping for joy – (*прыгать от радости*) аз шодӣ/хурсандӣ ҷаҳидан. Значение этой идиомы можно принимать буквально, так как от чрезмерной радости человек может прыгать вверх-вниз. Чаще такое поведение, т.е. проявление состояния счастья или безмерной радости именно таким образом можно наблюдать у детей или подростков. И как ни странно, животные также могут проявлять свою радость прыгая и вскакивая вверх.

My daughter was jumping for joy when she got her long-awaited gift. – Духтарчаам аз шодӣ қад-қад мепарид, вақте ки тӯҳфаи деринтизораширо гирифт. (Моя дочка прыгала от счастья, когда получила свой долгожданный подарок).

Выражение ***paint the town red*** – (досл. *красить город в красный цвет*), которое связано с красным цветом, также описывает состояние счастья и

радости. Возможно, у англичан красный цвет ассоциируется с чем-то весёлым. Хотя и у таджиков тоже наблюдается некая ассоциация красного цвета с радостью и счастьем. Например, по обычаю жителей Бадахшана невеста облачается в красное платье в день свадьбы, а жених надевает «тоқӣ» тюбитейку (головной убор) красного цвета.

Английский язык очень богат всевозможными идиомами, которые широко охватывают разные сферы культуры и быта английского народа, и приведённые нами примеры отнюдь не весь запас идиоматических выражений. Однако мы попытались хотя бы частично разобраться в значениях нескольких идиом, выражающих чувства счастья и радости, и в результате этого сравнения найти сходства и отличия в мировоззрении англичан и таджиков. Теория Колшаншкого Г. В. относительно того, что «любая ситуация, обладающая необозримым числом характеристик, может быть описана адекватно со всех сторон только в бесконечном приближении через отдельные ограниченные познавательные акты» [63, 66], доказывает, что при правильном подходе к переводу идиом можно передать суть высказывания с сохранением его образности и окрасок. Считается, что в отличие от фразеологических единиц, воспроизводимые предложения составлены из частей, которые отчётливо выделяются по семантике, и значение которых ясно осознаются говорящим.

В таджикском языке наряду с фразеологизмами можно встретить большое количество идиоматических выражений, сохранившихся в языке, передающихся из поколения в поколение, не утративших свою актуальность и по сей день. Эти выражения используют в своей речи старшее и младшее поколение, изучившее богатое наследие наших предков, как великих учёных, так и простого народа. В них хранится дух наших предков, их богатая культура и мировоззрение.

Огромное количество идиоматических выражений, афоризмов, пословиц и поговорок посвящены теме счастья, тому, что становится причиной или приносит счастье, везение, удачу и успех, а также тому, что становится причиной несчастья или бед, которые по сей день не утратили свою значимость.

Приведем несколько примеров из книги «Таджикские афоризмы и идиоматические выражения»:

«бахт кушода шудан» (*пас аз таназзул ба пешрафт, пас аз интизориҳои муайяне ба комёбӣ, муваффақият ва хушбахтӣ ноил гардидан, омад кардани кори кас*) (досл. открыть счастье, т.е. добиться успехов после падения, обрести счастье, удачу после долгих неудач и невезений, везти кому-либо в делах): *«Баъд аз шаш соли давуғеҷ акнун бахташ кушода шуда зандор шуд-а, бечора!»* [161, 45]. (Бедняга, после шести лет беготни и хлопот наконец-то удача ему улыбнулась, и он женился.);

«болои гӯшту равғанба роҳ рафтан» (досл. *ходить по мясу и маслу*, т.е. *кататься как сыр в масле*). Например: *«Духтарат бабахт будааст. Имрӯз мо меҳмон шуда рафта будим, болои гӯшту равғанба роҳ мерафт»* [161, 61]. (Твоя дочка счастливая. Сегодня мы были у неё в гостях, каталась как сыр в масле.)

Таким же значением обладает выражение *«ангушт равғанба гӯтидан»* (*ҳаёти осуда ба сар бурдан, зиндагонии нағз доштан*) (досл. *пальцы в масле*) т.е. *жить в достатке*: *«Мардак, духтараатон, шукр, аз ҷои рафтагии осудагӣ. Даҳ ангушти духтараатон равғанба гӯтидагӣ»* [161, 31].

Счастье – это также и радость. В некоторых выражениях под счастьем понимается чувство безмерной радости. Так, например, *«бадан гӯшт гирифтан»* или *«курта-курта гӯшт гирифтан»* в прямом смысле значит *поправиться, набирать вес*, а в переносном выражает *большую радость*: *«Муборак шавад, писарам, фарзанддор шудед? Шунда баданам гӯшт гирифт-дия!»* [163, 39]. (Поздравляю сынок! Слышала, у вас ребёночек родился. Когда узнала, очень обрадовалась. (перевод наш)).

«дил гули ҳамешабахор» (*хамеша шод ва фархундаҳол будан*) (вечно довольный, радостный): *«Кошки дили ман ҳам дили шумо барин бошад буд. Бинам, як умр даҳанатон хандаба пур, намедонед, ки хафагӣ чӣ? Дилатон гули ҳамешабахор!»* [161, 131]. (Вот бы мне быть такой как вы. Как ни вижу, все время улыбка на лице, не знаете, что такое печаль. У вас в душе вечная весна! (пер.автора)).

Выражение *«ба баҳори орзӯ расидан»* (ба максади худ расидан, хушбахт гардидан) (достичь своей цели, стать счастливым), означает чувства удовлетворения, которое человек испытывает, достигнув своей цели или когда воплощаются мечты и надежды: *«Ба баҳори орзӯятон мерасед, тӯю тамошо мекунад»* [161, 121]. (Ваша мечта обязательно сбудется, ещё сыграете свадьбу.)

Вышеуказанные примеры таджикских народных поговорок имеют близкий по значению смысл, но воплощаются в языке по-разному. В каждой из этих выражений сохранены образы и ассоциации, связанные с таджикской культурой, менталитетом народа, и каждый из них связан с определённой тематикой. С первого взгляда, некоторые из них могут казаться совершенно одинаковым по значению, тем не менее, они не могут быть взаимозаменяемым в речи. Так, например, выражения *«болои гӯшту равганба роҳ рафтан»* и *«ангушт равганба гӯтидан»* больше подходят для описания *достатка* (материального), а выражение *«асп тозон будан»* означает *удачливость и везение в делах*. Следовательно, если человек живёт в достатке, он счастлив, потому что не знает нужды, и про него можно сказать *«ангушташ равганба гӯтидагӣ»*; а счастливчик, которому всегда везёт в делах, у того *«аспаш тозон»*, или же хорошо известное неформальное выражение *«худодода»* и т.д.

В словаре народных идиоматических выражений мы обнаружили ряд других словосочетаний, значения которых могут быть трактованы совершенно по-разному, т.е. их можно использовать как в прямом, так и в переносном значениях. В переносном значении их можно использовать для выражения чувства счастья, радости, удачи и везения. Например, *«асп тозон будан»* (дар кори касе дар пешрафт будан), дословно означает иметь хорошего, быстрого скакуна (лошадь), а в переносном значении *удачу, успех, везение в делах*: *«Кори Шарифзон, шукр, ҷудо дар авҷ. Таги дасташба қариб даҳта магазин нигоҳ мекунад»*.

- Аспаш тозон гӯед-чӣ!» [161, 33]. (У Шарифджона, слава богу, дела идут хорошо. У него в подчинении почти десять магазинов. – Значит, как сыр в масле катается! (пер. автора)).

Везение в делах, удачу также можно выразить при помощи следующих сочетаний: **«кор омад кардан»** (бахт тофтан, барор гирифтани касбу кор) или **«кор ванг»** (пешрафт будани коре): *Дӯстамро кораи омад карда аз лоторея як мошин бурид.* (Моему другу повезло и он выиграл в лоторею машину.); **«Корҳо ванг, додар, ҳамин сол аз пахта ҳосили баланд ба даст овардем»** [163, 194]. (Брат, дела идут в гору, в этом году собрали много хлопка);

«дил оина шудан» (болидани табъ, рӯхан шоду хурсанд шудан), выражает хорошее душевное состояние человека, большую радость (сердце радуется): *«Богатон бисёр ҷои барҳаво будааст. Баъд аз саёҳат кардани он дилам оина шуд»* [164, 136]. (У вас такой прекрасный сад! Аж сердце радуется, когда гуляешь по нему. (перевод наш));

«дил оинаи ҷаҳоннамо будан» (1. Шод, хурсанд ва фараҳманд будан; 2. Шахси самимӣ, беғараз, дилсоф ва бекина будан), означает безмерную радость, иметь открытое и чистое сердце;

«дил сабук шудан», «дил хеста мондан» (ором шудан, хурсанд шудан) – чувствовать душевный покой, радоваться, взбодриться: *«Чанд рӯз боз танҳо бисёр зиқ шуда будам. Имрӯз бо шумо чақ-чақ карда, дилам анча сабук шуд-дия!»* [165, 138]. (Несколько дней скучала в одиночестве. Сегодня, побеседовав с вами, почувствовала такое облегчение...); *«Бечора анча маъюс мегашт, писараш омадан ин ҷониб дилаш анча хеста монд»* [там же, 140]. (Бедняжка, долгое время ходила грустная, и с тех пор, как вернулся её сын, поднялась духом);

«дилба офтоб баромадан» (шоду масрур будан) – быть радостным: *«Шукр, писарам, хизмати аскария тамом карда омадан боз хурсанд ман, диламба офтоб баромадагӣ»* [165, 148]. (Слава богу, с тех пор как мой сын закончил службу и вернулся домой, я счастлива).

Похожим значением обладает выражение **«дунё ҳосил шудан»** (ниҳоят шоду хурсанд шудан, ба мақсад ноил шудан) – быть радостным, счастливым, достичь желаемого [163, 165]. Однако, данное выражение отличается наиболее ярко выраженной окраской. Человек, достигший своей наивысшей цели или

мечты может выразить чувство абсолютного счастья, удовлетворения или довольство используя данное идиоматическое выражение.

«дилба армон намондан» (1. Аз коре бисёр шод шудан; 2. Дар таасуф ва ҳасрат намондан) [165, 147]. – *Имрӯз, ки баъд аз чанд сол фарзанддор шудам, диламба армон намонд.* (Теперь, когда после догих лет у меня появился ребёнок, я счастлива).

В таджикском языке также встречаются идиоматические выражения с отрицательным значением, которые означают несчастье, неудачу, недовольство и пр. Например, выражение **«дог кардан»** (касоро ғамгин ва аламзада кардан) имеет значение сделать кого-либо несчастным, огорчить; **«дог шудан»** (гирифтори ғаму андӯх шудан ва ба зери алами ҳичрон мондан, аз марги одами маҳбуб ва наздики худ аламзада шудан) – стать несчастным, страдать из-за потери близкого, родного человека: *«Духтараи вафот карду модари бечораи дог карда рафт»* [155, 158]. (Её дочь умерла и бедная мать стала такой несчастной);

«алов дарнагирифтан» (*бахт омад накардан, пешрафт накардани кори касе*) (в прямом смысле *огонь не зажигается*), в переносном смысле, как идиома означает невезение и неудачу; таким же значением обладает идиоматическое выражение **«кор пошна задан»** (кор пеш нарафтан, барор нагирифтан) – невезение в делах, неудача: *«Шокирхӯча-уко, амакбачаатон фарзанддор шудми?»*

- *Не, бобо Мӯсобир, чор зан гирифт, аз ягонтаиш ҳам бачадор нашуд. – О, бечора-е... Аловаиш асло дар нагирифт гӯед-чӣ?»* [163, 29]. (Скажите Шокирхуджа, ваш брат стал отцом? – Нет дедушка Мусобир. Четыре раза женился, но так и не стал отцом. – Ах бедняжка. Ему никак не везёт (перевод наш));

«ба бало (балои бад) гирифтор кардан» - принести несчастье, беду: *Одати бад одамро ба балоҳо гирифтор мекунад.* (Плохие привычки приносят много несчастья);

«бахта пеши пой задан»- говорится в том случае, когда человек не ценит свое счастье, отворачивается от того, что может принести благо или какую-нибудь выгоду: *«Ин укот беақл будаст, Азизҷон, ҳамин корхонаба ҳар моҳ сесад сӯм мегурифт, обрӯ дошт. «Ман магазинчӣ мешавам» гуфта бахташа пеши по зада аз ин ҷо рафту чӣ шуд? Акнун пушаймонӣ суд надорад!»* [148, 44]. (Какой же твой брат глупый, Азизджон! Работая здесь он каждый месяц получал триста рублей, его уважали. Не ценил то, что имел, всё бросил и уехал, а теперь сожалеть бесполезно);

«бандаи сӯхтагӣ будан» (камбағал ва нодор будан) – быть бедным, несчастным: *«Пеш бандаи сӯхтагӣ будем, чизе надоистему шабу рӯз аз чашимо оби дида мерехт»* [148, 42]. - (Раньше мы были бедными и несчастными, кушать было нечего, днём и ночью проливали слёзы...).

Естественно, для человека, знающего язык, быт, историю и культуру народа, несложно выбрать более подходящую поговорку или идиоматическое выражение для описания какого-то особого случая, а вот иностранцу удалось бы с трудом. То же самое можно говорить об английских идиомах. Несмотря на схожесть смыслов, каждый из них имеет своё место в речи, и не каждую идиому можно использовать как синоним в равных значениях. Безусловно, носитель языка как никто другой лучше понимает значение идиом и правильно ими пользуется в своей речи.

Цитируя А. И. Смирницкого в своей работе, лингвист А. В. Кунин приводит очень интересное, но в то же время истинное обозначение идиомы, в котором говорится следующее: «собственно идиомы являются как бы украшением в языке. Можно прекрасно говорить на том или ином языке, совершенно не пользуясь в своей речи идиомами. Смыкаясь с поговорками, через них, идиомы как будто бы могут вообще выйти за пределы собственно языкознания, и перейти в область литературоведения, фольклора» [70, 279]. Однако, автор не разделяет мнение учёного относительно того, что в речи можно обходиться без идиом и называет это «бедностью речи». По его мнению, такая бедность речи допустима лишь только на начальной стадии изучения языка, а после полного

овладения им нельзя обходиться без хорошего знания фразеологии, которая делает речь ещё ярче, образной и доходчивой.

Исследование показало, что в лингвистической литературе термины идиома и фразеология употребляются как синонимичные термины, и потому вполне возможно передать суть английских идиом на таджикский язык при помощи фразеологизмов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что идиомы и фразеологизмы – это не только устойчивые сочетания слов (с разными значениями и общим смыслом), но и слова, которые способствуют выражению экспрессии и повышению эмоциональности высказывания, а также позволяющие лаконично выражать сложную мысль, особенно чувства и эмоции. Такие выражения обогащают язык, делают речь яркой и живой, а также в них отражается история народа, своеобразие его культуры и быта.

Выводы по второй главе

В изучении структурных особенностей концепта счастье мы провели анализ рассматриваемого концепта, начиная от этимологии до фразеологических особенностей. В результате исследования мы получили следующую информацию: 1) согласно данным этимологических словарей концепт «*хушбахтӣ*» происходит от арийского языка в форме *bhadra-* имеющего значение *хушбахт, хурсанд* (счастливый, радостный); также имеет форму *badra-* 1) *хушбахт, хурсанд*; 2) *тақдир, насиба* – 1) *happy, glad*; 2) *fate, destiny* (счастливый, радостный' или 'учсть, доля, судьба), а в форме глагола (*от др.-инд. гл. bhand*) означает *хушбахт будан, шод, хурсанд будан* или *шодӣ кардан, хурсандӣ кардан* – *to be happy, to be glad* (быть счастливым, радоваться). Далее в структуре данной лексемы встречается изменение в древне авестийско-пехлевийском в форме *hu-badra*, означающий *хушбахт, муваффақ, комёб* – *happy, prosperous, lucky* (счастливый, благополучный), а при помощи вторичного корня *bag*, приобретает новый оттенок со значением *бахшидан, ато кардан* – *to give as a share, endow* (наделять, распределять; выделять в качестве доли; дарить). Поэтому в таджикском языковом сознании «*хушбахтӣ*» (счастье) – это судьба, божественное предназначение «*аз ҷониби Худованд атошуда, тақдири илоҳӣ*» – *destined by God, divine destiny*.

Если обратить внимание на этимологию лексемы «*happiness*» – *хушбахтӣ* (счастье) в английском языке, то оно происходит от древнескандинавского *happ* со значением «*chance, good luck*» – *имконият, омад* (шанс, удача), протогерманского *hap-* (источник древнеанглийского *gehæp*) «*convenient, fit*» – *қулай, мувофиқ* (удобный, подходящий) и норвежского *heppa* «*lucky, favorable, propitious*» - *бобарор, мусоид, хуш* (удачный, благоприятный).

Следовательно, в таджикской языковой картине концепт «*хушбахтӣ/happiness (счастье)*» связан с благой судьбой – *бахти нек, толеъи нек, иқболи нек*; радостью – *хурсандӣ, шодмонӣ*; благосостоянием – *давлатмандӣ, саодатмандӣ*, а в английском языке чаще связан с везением и

успехом – *chance, a person's luck or fortune*, со случаем - *happening*, случайностью – *unforeseen occurrence* и с благой судьбой – *good fortune*.

В словообразовании лексических единиц, относящихся к концепту счастье в исследуемых языках, нами было установлено, что наиболее эффективным способом является аффиксация.

Исследование фразеологического фонда сравниваемых языков способствовало раскрытию национально-культурных особенностей и менталитета таджикского и английского народов. Образная составляющая исследуемого концепта выявляет наличия в нем гендерную однозначность.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что у таджиков, как и представителей любого другого этноса, представление о счастье сформировано под влиянием национальной культуры, психологии и воспитания, имеющего свой особый национальный колорит.

ГЛАВА III

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСВЕЩЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОТНОСЯЩИХСЯ К КОНЦЕПТУ «ХУШБАХТӢ – HAPPINESS (СЧАСТЬЕ)» В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

3.1. Семантические особенности концепта «хушбахтӢ/happiness (счастье)» в таджикском и английском языках

Вопрос о том, как осмысливается человеком мир и как оно концептуализируется в языке, один из самых актуальных вопросов, привлёкший внимание учёных. Данной проблеме посвящено огромное количество работ, тем не менее, нельзя считать её завершённой, поскольку в некоторых языках, в частности в таджикском языке, изучение концептов пока что новое явление в науке, и не все концепты изучены в полном объёме. Изучение семантического пространства концепта «хушбахтӢ» в таджикской лингвистике ещё не проводилось.

Вопрос о значении и смысле слова, относится к наиболее сложным проблемам в лингвистике. Каким образом нам удастся освоить мир через призму языка? По какой причине люди понимают и не понимают друг друга, ведя беседу. Почему одно слово толкуется по-разному? Эти и многие другие вопросы волнуют учёных исследователей на протяжении многих веков. Методы и приёмы научных изысканий совершенствуются в соответствии с новыми идеями и расширении границ лингвистической науки. Под семантической структурой слова, в большей степени понимается его информативное содержание, закреплённое в языковой системе в виде схожих элементов значения. Для более точной информации обратимся к толковым словарям.

Таким образом, в словаре-справочнике лингвистических терминов составленным Д. Э. Розентальем и М. А. Теленковой приводится следующее толкование семантики: «Семантика (от греч. *semantikos* – обозначающий) – это смысловая сторона отдельных языковых единиц: морфем, слов, словосочетаний, а также грамматических форм» [156, 354].

В словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой семантика определяется как: «значение слова, оборота речи или грамматической формы» [142, 400]. Языковые значения лингвист Н. Ф. Алефиренко считает великой и вечной тайной. Он утверждает, что: «Это одно из самых удивительных и в то же время одно из самых загадочных явлений, окружающих человека и сопровождающих всю его сознательную жизнь», с чем мы согласны. Значение слова, прежде всего, выражает отношение человека к окружающей действительности. То, как человек видит мир и воспринимает его, отражается в языке. И. В. Арнольд утверждает, что: «значение каждого слова является частью семантической системы того языка, которому оно принадлежит, и определяется конкретными особенностями его словарного состава, т.е. наличием в нем тех или иных синонимов или близких по значению слов, типичными контекстами употребления, а также грамматической характеристикой слова, которая зависит от грамматического строя данного языка» [13, 52].

Однако, Э. М. Медникова считает, что: «под значением понимается такое отображение в сознании предмета действительности (явления, отношения, качества, процесса), которое становится фактом языка вследствие того, что между ним и реализующим его определенным звучанием устанавливается постоянная и неразрывная связь. Иными словами, значение органически входит в язык, является его частью» [84, 8].

Следовательно, личностное отношение к усваиваемому содержанию значения слова, субъективно сливающееся с этим содержанием, целиком определяется мотивом и целью неречевой деятельности. Но, набор деятельностей субъекта, в структуре которых он овладевает фрагментами значения слова, не зависит целиком от самого субъекта: в первую очередь, он определяется уровнем развития конкретного общества, их мировоззрения и теми видами деятельности, которых общество может «предложить» своим членам для усвоения, а во вторую очередь, он определяется субъектом социализации, социальной группой, в которой происходит превращение индивида в личность.

Но значение существует, осознается носителями языка в определенной

деятельности и в ней приобретает субъективный для каждого носителя смысл. Е. Н. Миллер пишет, что: «Значение, будучи непосредственно присущим слову, служит источником образования ассоциаций – связи мыслительного содержания» [85, 10]. Если принимать во внимание, что значение слов осознаются в деятельности, каждая из которых в той или иной мере несет на себе черты национальной специфики, то вполне оправдано говорить о национальных смыслах слов, речевых действий и т.п. Наличие не совпадающего в разных языках содержания у слов, определяется национальной спецификой деятельности и возникающими на ее основе социальными отношениями.

Несмотря на различия в понимании значения слова, во многих случаях общим оказывается дифференциация лексических значений на системно-языковое (виртуальное) и конкретно-речевое (актуальное). Существование денотативного значения обусловлено предметностью мышления, его обращенностью к реальному миру. Предметный мир языкового содержания мыслится широко и включает не только обозначения реально воспринимаемых объектов, но и другие виды означаемых (чувства, эмоции, психические состояния, признаки, отношения и т.д.).

Исходя из вышеперечисленных высказываний, можно сделать вывод о том, что семантическое поле концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)», который носит характер индивидуальности содержит в себе те лексемы, которые проходят через мыслительный аппарат соприкаясь с чувствами, эмоциями, переживаниями человека в определённый отрезок времени или момента жизни. Если сузить круг от общего к личному, то значение концепта интерпретируется совершенно по-разному. С этой точки зрения, для больного счастье – это здоровье, для слепого – зрение, для голодного – кусок хлеба или еда, для жаждущего – вода и т.д.

Тем не менее, считается, что роль семантики заключается не только в обозначении вещи или соотношения с ним, а в том, что она представляет некоторую абстракцию как результат познавательной деятельности человека. Следовательно, в слове закрепляются результаты рационального познания человека, отвлечённых всеобщих признаков реальной вещи, преобразованных в

идеальную сущность. Таким образом, можно предположить, что в слове, закрепляется и отражается не весь предмет в целом, а только небольшое количество его свойств и признаков из существующих множеств.

Каждый день, в течении всей своей жизни мы используем язык как средство общения, не обращая особого внимания на существующую взаимосвязь звучащей речи и мысли, которая воплощается в языке. Слова, как считает Н. Алефиренко – это: «немые свидетели человеческой истории и культуры» [5, 7]. Развитие языковых значений, по мнению вышеуказанного автора способствуют отражению судеб, интересов, нравов, обычаев, верований и способов мышления людей лучше любых хроник (там же).

Какие семантические особенности присуще концепту? Попробуем найти ответ на поставленный вопрос. Механизм взаимодействия концепта и слова осложняется их смысловой неоднозначностью. Концепт чаще всего отождествляют с понятием, хотя это не совсем точно. С когнитивной точки зрения, концепт как мыслительная структура, отражает в сознании человека явления познаваемого мира. Тем не менее, концепт, в отличие от понятия и значения слова, представляет собой целостный смысловой образ, ассоциируемый с данным словом.

При таком подходе концепт действительно можно считать мыслительным образом, только более широкого диапазона, от обобщённых наглядных образов до логических понятий. В таком понимании, т.е. как элемент языкового сознания, концепт может являться «первичной оперативной единицей когнитивной семантики» [5, 91].

Для того чтобы понять характер взаимодействия языка и сознания, нужно выйти за рамки отдельной человеческой мысли и окунуться в мир его культуры. Хотя любой мыслительный акт осуществляется в нервно-мозговой системе человека, всё же он осуществляется в рамках определенного социально-культурного пространства и семантического поля. Более того данный речемыслительный акт становится результатом практического сознания,

который вследствие взаимодействия с языком, превращается в языковое сознание.

Концепт «хушбахтӣ/happiness (счастье)» представляет собой интерес для семантического анализа в силу двух главных причин: разнородности образующих его семантических признаков (его содержания), и разнохарактерности его предметной области. В семантическом поле концепта счастье, вместе с другими, существуют два основных, семантически неразложимых признака – «благо» и «желание». В то же время оно соотносится с предметными областями «состояние духа» и «состояние дел», которая соединяет «внутренний» и «внешний» миры человека. Изучая структуру исследуемого концепта, мы выявили главные его составляющие: ценностная, понятийная и образная. Поэтому концепт «хушбахтӣ/happiness (счастье)» может иметь цветовую и вкусовую характеристики: «*бахти сафед*» (белое счастье – благое), «*бахти сабз*» (зеленое – цвет хорошего, благого счастья), «*бахти сиёҳ*» (черное счастье, т.е. несчастье); «*бахти ширин*» (сладкое счастье), «*бахти шӯр*» (солёное) «*бахти талх*» (горькое счастье). В таджикском языковом сознании семантическое поле исследуемого концепта также отождествляется с такими природными явлениями как небо, «*осмони софу безубор*» (чистое и ясное небо – символ счастья), «*офтоби дурахшон*» (яркое солнце), «*обҳои мусаффо ва чашмасорон*» (чистые воды и родники) и т.д. Выражения «*осмони софу безубор*», «*офтоби дурахшон*», «*тинчию осоиштагӣ*» в таджикском языке также используются в благожеланиях, в значении счастья.

В английском языке содержательным компонентом семантического поля концепта «**happiness**» (счастье) является «благополучие», которое ориентированно на объективный момент счастья, в то время как *blessedness*, *bliss*, *felicity* и *betitude* ориентированны на его субъективный момент – «блаженство». Например: «*And those who choose to be **happy** must help others to find **happiness**, for the **welfare** of each is bound up with the welfare of all*» [190, 47]. (А те, кто хотят быть счастливым, должны помогать другим найти счастье, ибо благополучие каждого связано с благополучием другого (перевод наш)); «*You*

wander here and there, seeking rest in exile: happiness in pleasure» [189, 33]. (Ты бродишь тут и там, ища покоя в изгнании, *счастье* в удовольствии (перевод наш)).

Вместе с тем, прилагательное «*happy*» передаёт значение «удовлетворения жизнью в целом» в том случае, если в контексте отсутствует указание на конкретную причину-источник: «*He loved Harvard. He was happy here*» [190, 10]. (Он любил Гарвард. Здесь он был *счастливым*); «*Still you are miserable; for hope has quitted you*» [189, 32]. (Тем не менее, ты *несчастлива*; ибо *надежда* покинула тебя); «*There is tremendous happiness in making others happy, despite our own situations*» [190, 136]. (Есть огромное *счастье* в том, чтобы *делать счастливыми* других, несмотря на наши собственные проблемы (перевод наш)).

Тем не менее, следует учитывать, что разные народы формируют свою концептосферу, так как в сознании людей отражаются разные стороны окружающей действительности, разные географические, климатические, историко-культурные и др. особенности. Концептосферы разных народов различаются по составу концептов и способа их структурирования, а национальная специфика отражается в специфике семантических пространств языков.

3.2. Лингвокультурологическое освещение концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в таджикской поэзии разных исторических эпох

То, что концепт «хушбахтӣ/happiness (счастье)» являлось и является одним из самых ключевых в жизни каждого человека без исключения, никем не оспаривается. Изучением данного концепта, определением его сущности на философском и психологическом уровнях занимались различные учёные, начиная с античных времен и до наших дней. Каждый хотел понять его суть и помочь другим достигнуть или постичь истинную сущность счастья.

Большое количество трудов этих учёных, мыслителей, философов, поэтов и писателей, могут послужить доказательством вышесказанного. С развитием истории человечества понятие счастья постоянно трансформировалось, поэтому, единого мнения относительно данного понятия не существует, так как счастье для каждого человека понятие сугубо индивидуальное, зависящее от разных факторов и обстоятельств жизни. Тем не менее, некоторые суждения, взгляды, определения, высказанные разными учёными, иногда совпадают и, как ни удивительно, являются актуальным и по сей день.

В данной работе представляется лингвокультурологический анализ понимания счастья в сознании носителей таджикского языка на материале таджикской поэзии раннего и нового времени.

В качестве лингвистического концепта счастье составило объект исследований достаточно большого числа учёных (С. Г. Воркачев, И. Б. Русаковой, Г. А. Бакировой и др.), многие из которых утверждают, что счастье, как лингвокультурный концепт не имеет жёсткую структуру, но состоит из понятийного, значимостного (ценностного) и образного слоёв. И как утверждает Г.А. Бакирова: «Особое значение для данного лингвокультурного концепта имеет значимостная составляющая, так как в ней закрепляется весь опыт исторического развития концепта, отражая её связь с культурой и религией носителей конкретного языка» [23, 11].

Каждая историческая эпоха имеет свои особенности, склад жизни, ценности и пр. ключевые культурные понятия, определяющие мировоззрение народа, его картину мира, которые сохранились, и дошли до наших времён, как в устной, так и в письменной формах из поколения в поколение, в виде огромного культурного багажа, путешествующего во временном потоке.

Художественная литература и устное народное творчество служат мостом, соединяющим прошлое с настоящим и будущим. Она даёт нам возможность взглянуть на прошлое, осознать мир, людей, которые жили в нём, а также разные события, происходившее в то время, и тем самым ценить то, что имеем сейчас.

На сегодняшний день, стремительно развивающийся мир вносит свои коррективы в определении ценностей жизни. Раньше, всего пару столетий назад, человек довольствовался своими моральным и духовным ценностями, не обладая материальным в достаточной мере («як бурда нон, рохати чон» (кусочек хлеба, утешение души)), и каждый человек мог находить своё счастье в том, что он имел (в куске хлеба, свободе, покое, мире, вере и т.д.).

В сегодняшних реалиях счастье представляет собой комбинацию субъективных ощущений и объективных жизненных обстоятельств. В современном мире, вместо духовной, на первый план выходят материальные ценности (богатство, деньги, дома, машины, яхты и пр.). Вместе с тем, для большинства людей духовные и моральные ценности и в сегодняшние дни остаются важным составляющим, определяющим человечность.

Таджикский язык имеет очень древнюю и богатую историю и доказательством тому может послужить священная книга зороастрийской религии «Авеста». Таджикскую классическую литературу принято называть персидско-таджикским, в виду культурно-исторической и языковой близости этих народов. Классическая литература IX—XV веков объединяет творчество персов и таджиков, которое в то время составляло единую традицию. Считается, что таджикская литература – это продолжение классической персидско-таджикской традиции, которая зародилась в новых исторических условиях.

Обратимся к художественной литературе таджикского языка досоветской эпохи, которая подразделяется на доисламский и исламский периоды. Образцы таджикской классической литературы (в данном случае поэзии), которая будет рассмотрена нами в этом параграфе, начинается с VII- IX вв. и продлится до конца XVII века, относится к исламскому периоду, в котором прослеживается глубокая религиозность народа и преобладание духовных и моральных ценностей.

В данной работе тема религии не будет затрагиваться глубоко, мы всего лишь попытаемся понять влияние религии и веры на сознание людей в понимании счастья в конкретном историческом периоде, а также сравнивать их с другими временами, находить общее и различное в понимании данного концепта таджикским народом в прошлом, и настоящем. Проанализировав ряд источников, принадлежавших перу таких великих поэтов и писателей как Абуабдулло Рудаки, Абулкасим Фирдоуси, Асадии Туси, Хафиза Ширази, Саади Ширази, Омар Хайяма, Хусрава Дехлави, Абдурхмана Джами и др. мы выявили компонентную цепочку лексического значения концепта счастье, которая предстаёт в разных видах.

В качестве основной иллюстративной литературы мы выбрали «Гулистан» Саади Ширази, так как его творчество пронизано проповедями активного гуманизма, основанного на сострадании, сочувствии и помощи ближнему, а также его труды переведены на несколько языков, в том числе на русский и английский, и известны большому кругу читателей.

Таким образом, представляем периферийные понятия, которые, как нам кажется, входят в семантическое поле лингвокультурного концепта «хушбахтӣ» с точки зрения носителя таджикского языка и культуры: 1) Изначально счастье имело объективную основу и воспринималось как благо, которым человек наделён извне, точнее, счастье представлялось в виде *удачной судьбы, участи, доли (насиба, қисмат, баҳра, саодат)* которое даровалось богом (*бахт – атои Худо*), поэтому источник счастья помещался вне человека.

Примеры:

*«Мақун, Саъдиё, дида бар дасти кас,
Ки бахшанда Парвардгор асту бас.
Агар ҳақпарастӣ, зи дарҳо басат,
Ки гар вай биронад, нахонад касат.
Гар ӯ некбахтат кунад, сар барор,*

В-агарна сари ноумедӣ бихор» [183, 195]. (досл. Не смотри ни на чьи руки, Саади, потому что Бог всепрощающий и всезнающий, если он одарит тебя счастьем, радуйся, коли нет, смирись! (перевод наш)).

Также наблюдается ярко выраженная вера в то, что лишь господь бог способен даровать счастье или обделить им, и коль на то будет его воля, никто не может тебе помочь, а человек не верующий в бога не познает истинного счастья:

*«Шабии торики дӯстони Худой
Мебитобад чу рӯзи рахшанда.
В-ин саодат ба зӯри бозу нест,
То набахшад Худои бахшанда»* [183, 126].

*«Как будто светлый, лучезарный день,
Сияет ночь господним всем друзьям;
Но счастье это силой не возьмешь,
Когда господь не дарит его нам»* [182, 120].

Считается, что истинно верующий мусульманин обязан чтить законы ислама, исполнить пятикратную молитву, обязательно должен совершить паломничество и посетить Каабу (дом божий), священную землю для всех мусульман, чтобы очиститься от грехов, и человек, чьи молитвы услышаны богом, и тот, кто получит прощение бога, воистину счастливец, ибо ему суждено увидеть рай, место, которое бог обещал всем верующим за их хорошие деяния. Поэтому, следующий компонент счастья, это действие, посредством которого человек может обрести его: 2) счастье – *молитва (зикр)* и *посещение Каабы (зиёрати Каъба)*:

«Вақтест хуш онро, ки бувад зикри ту мӯнис,

В-ар худ бувад андар шиками хут чу Юнис» [183, 158].

«Счастлив, чья душа все время лишь молитвой занята.

Пусть он даже оказался в чреве жадного кита» [182, 291];

«Саъдӣ, раҳи каъбаи ризо гир,

Эй марди Худо, дари Худо гир!

***Бадбахт** касе, ки сар битобад*

3-ин дар, ки даре дигар наёбад» [183, 71].

«О Саади, стань на священный путь,

Иди в Каабу, в драгоценный путь...

Злосчастный только не признает бога –

Другого в мире не найти порога...» [182, 143].

Постепенно счастье начинает приобретать все более субъективный характер. Оно начинает пониматься как отношение самого человека к жизненным обстоятельствам, его собственная оценка и принятие тех благ, которым он наделён. Для верующего человека такие качества как *терпенье*, *довольство*, *благодарность*, *смирение* также считалось основополагающими факторами приносящие счастье. Следовательно, 3) счастье – это *терпенье*, *довольство*, *благодарность* (*сабру таҳаммул, қаноатмандӣ, шукрона*):

«Худоро надонисту тоат накард,

Ки бар бахту рузӣ қаноат накард» [183, 198]. (досл. Не верил в бога и не признал его, коль не довольствовался своим счастьем (перевод наш));

«Маталаб, гар тавонгарӣ хоҳӣ,

Чуз қаноат, ки давлатест ҳанӣ» [183, 58].

«Богатства не ищи мой друг, богатство счастья не дает,

Богатство в мире есть одно – довольствоваться частью малой» [182, 122].

В таджикском варианте слово «*давлат*» означает богатство, но оно также используется и в значении счастья. Следующий фактор счастья это – *довольство*:

«Маншин туруш аз гардиши айём, ки сабр

Талх аст, валекин бари ширин дорад» [183, 27].

«От изменчивости счастья не криви ты рот:

Хоть терпенье очень горько, сладок его плод» [182, 70].

Или же в следующем примере, «*Зи тухми собирӣ шодӣ барояд*» (досл. из зерна терпенья вырастет счастье (перевод наш)), принадлежавшему перу Фахриддина Гургони, источником счастья считается терпенье [180, 352].

Следует отметить, что семантическое поле содержательной стороны концепта «хушбахтӣ» (счастье) достаточно широк. Оно охватывает наиболее широкий лингвокультурный пласт данного концепта. На этом список факторов, приносящих счастье, не заканчивается, наоборот, его периферийные значения расширяются ещё больше и затрагивают различные области и сферы жизнедеятельности людей в целом.

Наука и знание всегда были востребованы. Наши предки издавна интересовались и изучали разные отрасли науки, такие как астрология, философия, естественные науки, медицина, литература и музыка и пр. Учёные всегда были в почёте, им оказывали уважение. Поэтому, изучению грамоты уделяли большое внимание. Считалось, что знание также приносит счастье, так как оно превозносит человека:

4) Счастье – **наука и знание (илму дониш)**:

«*Бе виқор он ки сози ҳилмаш нест,*

Бе саодат касе, ки илмаш нест!» (Абдулкодири Бедил) [165, 210]. (досл. Несчастен тот, у кого нет знания (перевод наш));

«*Тоҷи сари ҷумла ҳунарҳост илм,*

Қулфкушои ҳама дарҳост илм» (А. Ҷомӣ) [180, 32]. (досл. Наука это венец всех ремесел, которая открывает перед вами все двери (перевод наш)).

5) Счастье – **разум и мудрость (ақлу хирад)**:

«*Хирад мар ҷаҳонро сари гавҳар аст,*

Равонро ба дониш хирад раҳбар аст» (Асадии Тӯсӣ) [180, 39]. (досл. Мудрость – жемчужина мира и проводник к знаниям (перевод наш));

«*Ҳеҷ давлат беҳ зи ақлу илм нест*» [180, 43]. (досл. Нет богатства лучше, чем разум и знание (перевод наш)).

Следующий компонент лингвокультурного концепта счастье – это *справедливость*, качество, от которого зависело процветание страны и его народа:

6) Счастье – *справедливость и честность (адлу инсоф)*:

«*Шахру деҳ обод ба адл асту бас,*

Табъи чаҳон шод ба адл асту бас» (Ҷомӣ) [180, 63]. (досл. Справедливость - это процветание (городов и сёл) и радость мира (перевод наш)).

Для трудолюбивого и богобоязненного народа, ценность честного труда была особенно велика, есть хлеб, добытый честным трудом («*нони ҳалол хӯрдан*»), было счастьем. Поэтому, как нам кажется, честный труд также входит в семантическое поле данного лингвокультурного концепта:

7) Счастье – *честный труд (касби ҳалол, меҳнати ҳалол)*:

«*Ҷаве баҳра кардан зи касби ҳалол*

Беҳ аз ганҷ бурдан ба гасби вубол» (Хусрави Дехлавӣ) [180, 16]. (досл. Ячмень, добытый честным трудом, лучше, чем сокровище заработанные нечестным путем (перевод наш)).

Свобода, также относится к содержанию концепта счастье. Ибо свободный человек не может быть несчастным:

8) Счастье – *свобода (озодӣ)*: «*Неъмате беҳтар зи озодӣ нест*» (Афзаладдини Ҳоконӣ) [180, 75]. (досл. Нет счастья лучше, чем свобода (перевод наш)).

Жить в стране, где царствует мир и согласие, мечта любого народа. Следовательно, эти компоненты также важны в понимании и осознании счастья. Нельзя быть счастливым в войне и в разрушении, поэтому мир является одним из основополагающих факторов счастья:

9) Счастье – *мир, согласие, примерение, единство (сулҳ, иттифоқ, ягонагӣ)*:

«*Агар пилрӯзӣ ва гар шерҷанг,*

Ба наздики ман сулҳ беҳтар, ки ҷанг!

Агар сулҳ хоҳад адӯ, сар мапеч!

Вагар ҷанг ҷӯяд, инон бармапеч!» (Саъдии Шерозӣ) [183, 78]. (досл. Войне я предпочитаю мир. Если твой враг предлагает мир, не отказывайся, а если он намерен драться, не отрекайся (перевод наш));

«Чу аз оишӣ шодӣ ояд ба ҷанг,

Хирадманд ҳаргиз нақӯшад ба ҷанг» (Абӯшакури Балхӣ) [180, 79]; (досл. Коль мир в радость, мудрец не станет воевать (перевод наш));

«Давлат ҳама з-иттифоқ хезад,

Бедавлатӣ аз нифоқ хезад» (Низоми) [165, 202]. (досл. Счастье в единестве);

10) Счастье – *добро, добродетель (некӣ, нақӯкорӣ, хайр)*:

«Давлати ҷовид ёфт, ҳар ки нақӯном зист

К-аз ақибаш зикри хайр зинда кунад номро» [183, 9].

«Как счастлив тот, кто честь свою соблюдол, -

Ему не знать посмертной клеветы» [182, 40];

«Хуррам он кас, ки бар ин дафтари пок аз ҳама ҳарф

Рақами хайр кашиду асари хайр гузошт» (Ҷомӣ) [180, 91]. (досл. Счастлив тот, кто в чистом листе оставил следы своих добрых деяний (перевод наш));

11) Счастье – *человечность, мужество (одамият, мардонагӣ)*:

«Одамият чист? – Худро дур аз шар доштан,

Хайрхоҳи халқ будан – нафъи безар доштан» (Асирӣ) [180, 96]. (досл. Что такое человечность? Это – держаться подальше от зла и быть добрым к людям (перевод наш));

«Мардӣ на ба қувват асту шамшерзанӣ,

Он аст, ки ҷавре, ки тавонӣ, нақунӣ» (Саъдӣ) [183, 19]. (досл. Мужество не в силе и не в мече, а в том, чтобы не причинить зло, которое можешь (перевод наш)).

Тема семьи занимает особое место в культуре таджиков. Она также является одним из ключевых концептов, представляющих национальную культуру и ментальность таджикского народа. В ней содержится морально-нравственные ценности целой лингвокультурной общности, которые способствуют познанию

национального менталитета таджиков, сохранивший в себе важнейшие понятия материальной и духовной культуры нации. С детства нас учат чтить и уважать старших, так как их благославления приносят счастье, с особым трепетом и уважением относиться к матери, ибо «рай находится под ногами матери» («бихишт зери кудуми модарон аст»), и воспитать достойных детей, так как в них заключается наше счастье и, они наше будущее. Итак, следующие компоненты счастья это: 12) счастье – **семья (оила); воспитание (тарбия, адаб):**

Примеры:

«Мабин он беҳамиятро, ки ҳаргиз

Нахоҳад дид руи некбахтӣ,

Ки осонӣ гузинад хештанро

Зану фарзанд бигзорад ба сахтӣ» [183, 25].

«Не увидит лика счастья, тот бесстыжий никогда:

Для себя покоя ищет, а детей гнетет нужда» [182, 67].

В таджикской культуре бытует укоренившаяся вера в то, что мужчина, как глава семьи – надёжная опора «*шоҳсутуни хонадон*», добытчик и кормилец, а женщина – свет «*зан чароги хона*»; родители – это крылья «*болу пар*» и сила «*қуввати дил*» детей, а дети – это счастье, посланное богом «*неъматии Худованд*». Счастье семьи, в первую очередь, зависит от женщины: «*Зани хуб ба оила бахт меорварад*» [147, 232] (досл. Хорошая жена приносит счастье в дом); в доме, где постоянно ссорятся, нет счастья: «*Дар хонаи ҷанҷолӣ баракат намешавад*» [там же, 328], а будущее детей (их счастье) всецело зависит от получившего им воспитания. Например:

«Ҳар кӣ дар хурдияш адаб накунад,

Дар бузургӣ фалоҳ аз ӯ бархост» [183, 124].

«Кто в детстве не получит воспитанья,

Не будет счастья в жизни знать потом» [182, 234].

13) Счастье – **любовь (ишқу муҳаббат) и дружба (дӯстиву рафоқат):**

*«Шаб ба хоби ман омад он касе, ки тирагиҳо ба ҷамолаш равшанӣ гирад.
Шигифт омад аз бахтам, ки он давлат аз кучо маро шуд?» [183, 109].*

*«Мне тот приснился человек, что ночь сияньем озаряет,
Я сам дивлюсь своей судьбе – откуда это счастье мне?» [182, 196];*

«Ҳеҷ шодӣ нест андар ин ҷаҳон,

Бартар аз дидори рӯи дӯстон.

Ҳеҷ талхӣ нест бар дил талхтар,

Аз ғироқи дӯстони пурхунар» [180, 39];

(Друзей прекрасно видеть рядом лица –

Что может с этой радостью сравниться!

Страшнее горя выдумать нельзя,

Чем то, когда покинут нас друзья!)

Далее рассмотрим образцы таджикской поэзии советского периода, которая выделяется обилием интернациональных и революционных элементов. Литература нового периода связана с именем большевистского государства — Советского Союза. Октябрьская революция и образование Советского Союза внесли много изменений в политическую, социальную и культурную жизнь народов Средней Азии, в том числе и таджиков и естественно, оказала влияние и на литературу.

Новая эра таджикской литературы началась в начале XX века и продолжается до наших дней. Более ста лет таджикская литература претерпевала постепенные изменения, и эти изменения тесно связаны с политической, общественной, культурной и литературной жизнью таджикского народа. Иерархия художественной литературы нового периода позволяет нам более ясно понимать отношение народа к важным политическим и социальным явлениям в обществе. История свидетельствует о великой борьбе народа на пути установления Советской власти на нашей земле, которая сопутствовалась огромным желанием народа достижения свободы и равноправия.

Таджикская советская литература начинается с основоположника таджикской советской литературы, великого Садриддина Айни и его

последователей: Мирзо Турсунзаде, Пайрав Сулаймони, Хабиб Юсуфи, Рахим Джалил, Хаким Карим, Фотех Ниёзи, Сотим Улугзаде, Абулкасим Лохути, Аминджона Шукухи и др. Поэтому в литературе советской эпохи наблюдается ряд изменений и перестановка приоритетов.

В годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) таджикские писатели еще больше сплотились и своими повседневными произведениями разделяли горе народа. В произведениях военного периода важнейшим качеством человека считается солидарность, героизм и самопожертвование. Наиболее значимым компонентом содержания концепта счастье в сознании советского человека становятся *«озодӣ»* (свобода), *«баробарӣ»* (равноправие), *«ғалаба»* (победа) и т.д.

Тем не менее, такие понятия как *«инсондустӣ»* (человечность), *«адолатпарварӣ»* справедливость, *«аҳду вафо ва садоқат»* (верность), *«дӯстиву рафоқат»* (дружба) и *«муҳаббат ба ватан»* (любовь к родине) не утратили свою значимость. Далее определяем семантическое поле лингвокультурного концепта *«хушбахтӣ/happiness»* счастье Советского таджикского народа:

1) Счастье – свобода и равноправие (*озодӣ ва баробарӣ*):

«Зиндагӣ озодиин инсону истиқлоли ӯст,

Баҳри озодӣ чадал кун, бандагӣ даркор нест!» (Абулкасим Лохутӣ) [180, 77] (досл. Жизнь – это свобода человека и его независимость. Борись за свободу, не нужно рабство (перевод наш));

«Дар ин ҷост инсон азиму шариф,

Дар ин ҷост ҳар чиз хубу латиф;

Дар ин ҷо саодат ба воя расид,

Ғаму кулфати халқ шуд нопадид» [185, 251].

«Равноправен, свободен у нас человек,

И любой благороден у нас человек.

Счастье наше здесь выросло и возмужало,

У змеи лихолетия вырвало жало» [186, 15];

2) Счастье – мир и согласие (**сулҳ ва ҳамдилӣ**):

«Баҳор –

Ин суруди нави меҳнат аст,

Сафои заминҳои пурсарват аст.

Ҳамабоғҳоро шукуфтан аз ўст,

Дили халқҳоро шод гуфтан аз ўст» [185, 250].

«Здесь весна – это песня **труда и свободы**,

Где в **согласье** творят свое счастье народы» [186, 14];

«Бувад майдони мардӣ **сулҳхоҳӣ**,

Ба сидқи ин диҳад дунё гувоҳӣ.

Набошад ҷанг ҷуз нангу табоҳӣ,

Ту з-ин роҳи хато доман фуру чин» (Абулқосим Лохутӣ) [180, 82]. (досл.

Настоящее мужество желать мира. Воистину, мир свидетельствует о том, что война не принесёт ничего кроме разрушения, остерегайся этого пути (перевод наш));

3) Счастье – человечность, честь (**одамият, инсондӯстӣ, шараф**):

«Гавҳари қиммат зи гавҳарҳо ба олам **одам** аст,

Дар ҷаҳони ту ба ҳар одам баҳои олам аст» (Ҳабиб Юсуфӣ)[180, 96].

(досл. Самое драгоценное сокровище во вселенной – это человек. Каждый ценится как целый мир (перевод наш));

«**Шараф** чизи таҷовузнопазир аст,

Ҳар он кас, ки шараф дорад, кабир аст» (Мирзо Турсунзода) [184, 31].

(досл. Честь - вещь неприкосновенная. Кто чествует, тот велик (перевод наш));

4) Счастье – честный труд (**меҳнати ҳалол**):

«Бе **заҳмату кор** нон намебояд хӯрд,

Як луқма ба ройгон намебояд хӯрд.

Ноне ки бувад ҳосили ранчи дигарон,

Гар ҷон биравад, аз он намебояд хӯрд» (Абулқосим Лохутӣ) [180, 18]. (досл.

Нельзя есть хлеб без труда, ни один кусок не должен быть съеден бесплатно.

Хлеб, который является плодом чужого труда, нельзя есть даже при смерти (перевод наш));

5) Счастье – знание (**дониши**):

«Китобу қалам, во дари мактаб аст

Ба кӯдак дурахшон раҳи матлаб аст.

Чунин аст фарқи ману фарқи ту!

Чунин аст Шарқи ману арқи ту!» [185, 249].

«Школы светлые, книжки, тетради и перья –

Для детей наших к счастью открытые двери.

Вот в чёмразница, брат, междумной и тобой,

Вот свободный Восток – мой и стонущий – твой» [186, 14].

6) Счастье – любовь к Родине и партии (**муҳаббат ба Ватан ва партия**):

«Доимӣ рахшон бувад субҳи сабоҳи бахти мо,

Нур пошад дар ҷаҳон хуришеду моҳу бахти мо,

Ҷовидон монад ба олам ҷилваҳои бахти мо

Ин Ватанро к-он бувад пушту-паноҳи бахти мо,

Бо шукӯҳу шафқату сидқу сафо мепарварам» [187, 86].

(досл. Пусть утро нашего счастья всегда будет светлым,

Пусть солнце, луна и наше счастье сияют в мире,

И навсегда запомнятся наши счастливые лица

Эта Родина – опора нашего счастья, я с искренностью лелею её (перевод наш));

«Бо ту паси сар кардем,

Сад мушкилию сахтӣ.

Бо ту биравем акнун,

То қуллаи хушбахтӣ» (А Баҳорӣ “Партияи ҷоночон”) [181, 14].

«С тобой в труде счастливым,

С тобою – шли на бой...

В счастливый грядущий мир

Нам вместе идти с тобой» (там же).

7) *Счастье – самопожертвование ради победы (ҷонфидой бахри галаба):*

«Намуданд ҷанг аз барои Ватан

Маху солҳое падарҳои ман,

Намуданд ҷанг аз барои ҳаёт,

Барои саодат, барои наҷот» [185, 251].

«За свободу, за Родину битву вели мы,

И к великой победе со славой пришли мы.

Мы не дрогнули сердцем в боях ни на миг,

Ради жизни и счастья народов своих» [186, 15].

После распада Советского Союза в 1991 году Таджикистан стал независимым. В короткий срок независимость охватила все сферы жизни таджикского народа. Независимость стала равна понятию счастья: *«Истиқлолият – хушбахтии миллат»* (независимость – счастье народа). Произведения современных поэтов и писателей стало более национальным и самосознательным. Поэтому данный этап получил название литературы периода независимости. Лингвокультурное поле концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в сознании современного таджикского народа включает в себя такие синонимические понятия, как *«истиқлолият ва озодӣ»* (свобода и независимость), *«ватандӯстӣ ва меҳанпарастӣ»* (патриотизм, любовь к родине), *«ваҳдат ва ягонагӣ»* (единство и солидарность) и пр. Таким образом, перечисляем самые основные ценностные понятия ключевого лингвокультурного концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в языковой картине мира современного носителя таджикской культуры: 1) Счастье – это *Независимость нашего государства* и конечно же, *любовь к Родине (Истиқлолият ва муҳаббат ба Ватан):*

«Чист истиқлол? Муҳаббат доштан,

Бар диёри хеш садоқат доштан.

Дар замини шуҳрати озодагон,

Донаи меҳру муҳаббат коштан» [184]. (Что такое независимость? – Это любовь и верность своей Родине...);

«Тоҷикистон, Тоҷикистон,

Мекунам шукри каму бисёри ту,

Мекунам шукрона аз озарму аз озори ту,

Аз ту ман сарват намехоҳам,

Ватан ҳастӣ бас аст,

Бо хасу хорат баробар зиндагӣ кардан бас аст» (Бозор Собир) [184, 84].

(*досл.* Таджикистан, Таджикистан, я благодарен тебе, мне не нужны богатства, достаточно того, что ты моя Родина (перевод наш));

2) *Счастье – единство и солидарность (ваҳдат ва ягонагӣ):*

«Эй ҳамдиёри ман, ваҳдат наҷоти мост,

Ваҳдат сиришти мо, ваҳдат ҳаёти мост» (Камол Насрулло) [179, 23].

(*досл.* Мой соотечественник, единство - наше спасение. Единство - наша природа, единство - наша жизнь (перевод наш)).

3) *Счастье – любовь (ишқ):*

«Он чӣ моро мекунад хандон, ҳамин ишқ аст,

Он чӣ гирён мекунад осон, ҳамин ишқ аст» (Камол Насрулло) [179, 120].

(*досл.* То, что нас радует – это любовь, и то, что нас печалит, тоже любовь).

Таким образом, делаем выводы относительно лингвокультурологического значения концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в языковой картине мира таджиков, выраженной в поэзии. Для анализа ценностной составляющей в данном исследовании мы отдали предпочтение таджикской поэзии, которая содержит в себе все языковые универсалии, отражающие духовно-нравственные и моральные ценности лингвокультурного концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в обыденной жизни таджикского народа. Исследование показало, что универсальными и суперморальными ценностными компонентами концепта «хушбахтӣ happiness (счастье)» в классической поэзии являются рай и покаяние. В литетаруте советского периода ключевым компонентом является свобода и равноправие.

Из вышеперечисленных примеров следует, что содержанию концепта счастье присуще непостоянство. Оно изменчиво и зависит от различных социальных, субъективных и объективных факторов.

3.3. Явление полисемии в концепте «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в исследуемых языках

Большинство учёных-лингвистов придерживаются мнения, что в лексике естественного языка имеются как однозначные, так и многозначные слова. К однозначным словам относятся: имена собственные, личные и географические; научные и технические термины; названия дней недели, месяцев и т.д. В отличие от однозначных слов, многозначные слова составляют большую часть общеупотребительной лексики. Практическое воплощение явления полисемии можно наблюдать в толковых словарях. Каждое толкование в словарях имеют различные речевые примеры, которые позволяют проявиться данному значению и облегчают его восприятие. Как утверждает С. Джаматов: «любой морфологический термин, в отличие от обычного слова (или словосочетания) должен иметь одностороннее, фиксированное значение, которое должно относиться к термину, несмотря на контекст, в то время как значение обычного слова, уточняется лишь в определенном контексте в сочетании с другими словами» [46, 132]. Сопоставление значений позволяет разграничивать главные и второстепенные значения, но в зависимости от контекстов, в которых употребляется данное слово, увеличиваются и его значения. Обобщение нескольких признаков предмета или явлений при помощи слов, приводит к неизбежной многозначности. Часто вместо термина «полисемия» употребляется термин «многозначность», так как многозначные слова также выполняют функцию полисемии.

Понятия полисемия и многозначность имеют несколько толкований, например, по мнению С. Джаматова полисемия это: «Явление, при котором одной лексической или терминологической единицей именуется несколько понятий, называется полисемией» [46, 210]; в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой приводится следующее определение: «Наличие у одного и того же слова (у данной единицы выражения, характеризующейся всеми формальными признаками слова) нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития

первоначального значения этого слова» [142, 335]; согласно С. И. Ожегову многозначность это: «наличие у единицы языка более одного значения» [154, 553], а в соответствии с таджикским толковым словарем («Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ»): «Сермаъноӣ – маъноҳои гуногун дошта; (т.е. имеющий разные значения)» [160, 234].

Таким образом, под полисемией и многозначностью следует понимать слово, имеющее множество различных значений. Таким же свойством, как нам кажется, обладает и концепт, так как он объединяет целую группу понятий, которые связаны между собой в силу соответствующих явлений объективной действительности. Тем не менее, как считает И. В. Арнольд полисемия (многозначность) не мешает людям понимать друг друга потому, что ситуация и контекст, т.е. словесное окружение, в котором употребляется слово, всякий раз снимают полисемию и придают слову точное значение, потому что: «Как бы ни было многозначно слово, будучи употреблено в речи, оно реализуется только в одном из своих значений» [14, 59]. Многозначность слова не снималась бы в каждом конкретном отрезке речи, если бы этому не способствовали языковые формы, и не только формы самого слова, но формы его окружения. Многозначность слов также способствует появлению нескольких антонимов у одного и того же слова.

Концепт «*хушбахтӣ*» (счастье, благополучие, удача) в таджикском языке образуется от основы «*бахт*», (доля, участь, судьба), прилагательного «*хуш*» (хороший, добрый, радостный) и суффикса существительного *-ӣ*; является абстрактным существительным и имеет несколько различных значений: *хурсандӣ* (радость), *хуштолеъӣ* (удачливость), *комёбӣ*, *муваффақият* (успех), *қаноатмандӣ* (довольство) и т.д. вышеуказанные примеры можно считать как полисемией, так и синонимией. Хотя в словарях дается всего несколько значений, но в обиходе его значения намного шире, так как счастье само по себе понятие многозначное. Например, счастьем называют *безмерную радость*, *чувство абсолютного удовлетворения*, *довольства*.

Примеры:

«*Хушбахтона, ин орзуям на як бор, балки чандин бор ба вуқӯъ омад ва да ҳар боре, ки ўро медуидам, муҳаббатам нисбат ба ў аз пештара зиёдтар мешуд*» [174, 333]. – *Fortunately, my dream came true more than once, and every time I saw him, my love for him grew more and more.* (пер. автора). (К счастью, моя мечта исполнилась не раз, и каждый раз, когда я его видела, моя любовь к нему возрастала всё больше и больше (пер. авт));

«*Ман дубора ба зиндагони хушбахтона умедвор шудам*» [174, 336]. – *I again had hope for a **happy life**.* (У меня снова появилась надежда, на счастливую жизнь (пер.авт.))

«*Арӯсу домод хушбахтона аз пеши ман гузашта ба асне, ки дар пеши қозихона бастагӣ буд, савор шуда рафтанд*» [91]. – «*And bride and groom swept **gaily** on by me, mounted a horse that stood tethered in the street in front of the courthouse, and rode away*» [188, 110]. («Счастливые, они (жених и невеста) прошли мимо меня, затем, сев на лошадь, уехали» [172, 67]).

Как видно из вышеприведенных примеров, лексема *хушбахтона* имеет разные значения в контекстах, которые наиболее ярко выражены в переводах на английский язык.

«*Ман аз меҳмонхона баромадам, дар ҳолате, ки аз ин мусоҳиба аз ҳад зиёд хурсанд будам. Хурсандии ман аввалан аз он ҷиҳат буд, ки сирри сохтакори ман ба пеши ў кушода нашуд, ё ин ки агар ў фаҳмида бошад ҳам, изҳор карда маро ба пеши мардум шарманда накард*» [173, 170]. – «*I left the guestroom **bursting with joy**... – but first because the secret of my home-made verse had not come out, for if he had recognized its origin, he had not embarrassed me by publicizing it*» [188, 192]. («Этот разговор влился в меня какой-то удивительной радостью, наполнившей и пропитавшей меня всего. ... радовался, что он не открыл тайну моего жульничества, а если открыл, радовался тому, что он меня не выдал и не опозорил перед людьми» [172, 132]);

«*Ин гуна либосҳои тоза... на танҳо маро хурсанд карда буд, ҳатто диққати бачагони дигарро низ ба худ ҷалб менамуд*» [174, 15]. – «*These new clothes not only **pleased me** enormously, but also attracted the attention of other boys*»

[188, 38]. (Эта одежда не только *радовала* меня, но и привлекала ко мне внимание всех ребят.)

Относительно многозначности слов в английском языке И. В. Арнольд говорит следующее: «Многозначность – свойство большинства слов самых разнообразных языков – получила в английской лексике большее развитие вследствие обилия в ней односложных корневых слов. Особенно многозначными оказываются слова, живущие в языке в течение длительного времени» [13, 58]. Прилагательное «*happy*» – *хушбахт*, (счастливый, удачный, довольный) в английском языке также имеет полисемантическое значение. Так, например в словаре Merriam-Webster Dictionary прилагается несколько определений:

- *favored by luck or fortune* – *баиқбол, батолъ* (тот, к кому благосклонна судьба, удача: удачливый, везунчик); *enjoying or characterized by well-being and contentment* – *давлатманд, қаноатманд* (благополучный, довольный или удовлетворенный); *glad, pleased* – *хушбахт, хурсанд, хушҳол, қаноатманд* (радостный довольный); *having or marked by an atmosphere of good fellowship* – *дар фазои муоширати хуб қарордошта, яъне болидарӯх, хушҳол* (имеющий или отмеченный атмосферой доброго общения); *coming or happening by good luck especially unexpectedly* – *хушбахтӣ ё хурсандии дар ҳоли гайричаимдошт (ногаҳонӣ) рухдода* (то, что приходит неожиданно, по счастливой случайности); *experiencing pleasure, satisfaction, or delight* – *эҳсоси лаззат ё қаноатмандӣ доштан* (испытывать удовольствие, удовлетворение или восторг); *feeling that one's needs or desires have been met* - *ҳис кардани он ки ниёзҳо ё хоҳишҳои касе иҷро шудаанд* (чувство, что чьи-то потребности или желания были выполнены); *having good luck* – *омад доштан* (иметь успех, удачу) и др.

Существительное «*happiness*» - *хушбахтӣ* также имеет несколько определений: *a feeling or state of well-being and contentment* – *ҳисси қаноатмандӣ* (чувство или состояние благополучия и довольства); *a pleasurable or satisfying experience* – *таҷрибаи хуб ё қаноатмандона доштан* (приятный или удовлетворительный опыт); *felicity, aptness a striking happiness of expression*

(счастье, способность поразительного счастья выражения); *good fortune* - *омод* (удача).

Удивительное сравнение И. В. Арнольда более точно описывает природу многозначности слова: «Подобно тому, как инструмент, часто применяемый в работе, имеет много назначений, так и слово, постоянно встречающееся в речи в разных контекстах, оказывается весьма многозначным» [13, 58].

Таким образом, исследование выявило наличие многозначности концепта счастье в исследуемых языках; некоторые значения английского и таджикского языках совпадают полностью.

3.4. Явление синонимия в концепте «хушбахтӣ/happiness (счастье)»

в исследуемых языках

Изучением сущности синонимии и синонимических отношений между словами учёные занимались издавна, так как решение проблемы синонимии тесно связано с полисемией и антонимией, которые имеют огромное значение для лексикографии, литературоведения и др. научных отраслей.

Понятие синонимия согласно «Словарю лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя – это «совпадение в основном значении (при сохранении различий в смысловых оттенках и стилистической окраске) морфем, слов, синтаксических конструкций и фразеологических единиц» [156, 381].

Синонимы способствуют не только количественному обогащению словарного состава языка, хотя последнее и имеет большое значение, но также и качественному совершенствованию, которое происходит благодаря увеличению числа слов словарного состава. По мнению В. Арнольда: «Для осуществления коммуникативной и экспрессивной функции языка необходимы точно, большое смысловое разнообразие лексики, способность строго дифференцировать понятия, передавать все более тонкие оттенки мысли и чувства. Эта потребность вызывает к жизни синонимы» [13, 291].

Синонимы, как правило, относятся к одной части речи. Это слова различные по форме и звучанию, но очень близкие по значению. Согласно «Словарю лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, «Синонимы – это те члены тематической группы, которые, а) принадлежат к одной и той же части речи и б) настолько близки по значению, что их правильное употребление в речи требует точного знания различающих их семантических оттенков и стилистических свойств» [142, 407]. В «Толковом словаре русского языка» приводится следующее обозначение: «Слово или выражение совпадающее, или близкое по значению с другим словом, выражением...» [718]. Как утверждает И. В. Арнольд, «Синонимия является одним из показателей богатства языка» [13, 291]. Следовательно, чем больше синонимов, тем богаче язык. Считается, что в

синонимах фиксируется всё разнообразие значения слова, с уточнением всех признаков и отношения говорящего к предмету речи, и богатство опыта народа, носителя языка.

Все культурно-исторические и социальные перемены, происходящие в современном обществе, отражаются в словаре. Эти перемены способствуют появлению новых понятий, которые требуют изучения (или осмысления) и словесного выражения. Однако, при появлении новых слов не все старые слова выходят из употребления. Часть из них превращаются в архаизмы, а оставшиеся старые понятия сохраняются в языке и употребляются в качестве синонима.

Так, например в таджикском толковом словаре есть старое арабское заимствованное слово *майманат*, которое является синонимом слова *хушбахтӣ*, но в современном таджикском языке вышло из употребления [154,624]:

«Майманат назди гофилон шум аст,

Баҳри бетолеон ҳумо бум аст» (Бедил) [154,624].

Также в ходе изучения художественной литературы («Таджикские афоризмы») были выявлены ещё несколько слов с положительными и отрицательными значениями счастья. Например, *комгорӣ* (*саодат, некбахтӣ, тавоноӣ, забардастӣ*), *некахтарӣ* (*бахтёрӣ, хуштолеӣ, саодатмандӣ*); *пирӯзӣ* (*музаффарият, босаодатӣ*), *ҳазз* (*хузур, баҳра, насиб, бахт*) имеют значение счастье; лексемы *идбор* (*бадбахтӣ*), *ибтило* (*бадбахтӣ*) и *масоб* (*мусибатҳо, андӯхҳо, бадбахтӣ*) использованы в значении несчастья [180, 464-476].

Следует отметить, что лексика каждого языка является самым точным показателем культурного развития социума.

В исследуемой работе мы выявили несколько синонимов концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в сопоставляемых языках. Так, например, в таджикском толковом словаре существительное «хушбахтӣ» (счастье) имеет следующие синонимы: *некбахтӣ, саодатмандӣ, нектолеӣ, хушиқболӣ, бахтиёрӣ* [160, 465]:

«Агар бахтиёрӣ нагирад фуруғ,

Ҳама чора бод асту мардӣ дурӯғ» (Фирдавсӣ) [154,160].

В вышеуказанном словаре лексеме **бахт** приведены следующие синонимы: **насиба, бахра, иқбол, қисмат, саодат** [там же, 159].

Под явлением синонимии обычно подразумевают особый вид семантических отношений между лексическими единицами, при котором выявляется полное или частичное совпадение означаемых слов. В лингвистике изучение синонимов часто связано с исследованием синонимических рядов, которое подразумевает разновидность лексических микросистем, содержащих два или более синонимов, частично различающихся своими коннотациями, сферой употребления, сочетаемостью с другими компонентами и оттенками концептуального значения.

Таким образом, синонимический ряд английского слово **happiness** имеет следующие синонимы: **pleasure, joy, bliss, contentment, exhilaration, satisfaction, felicity**; а прилагательное **happy** имеет такие синонимы, как **cheerful, contented, delighted, glad, joyful, lively, merry, blessed** и т.д. В интернет ресурсе www.wordhippo.com приведено более 50 синонимов. Благодаря общему значению, в некоторых отдельных случаях, синонимы могут быть взаимозаменяемыми. Однако выбор более правильного и подходящего синонима зависит от контекста, в котором он будет применен. Приведём несколько примеров синонимов существительного **happiness** - хушбахтӣ (счастье) (the feeling of being happy) в английском языке:

bliss (complete happiness) – **саодат, хушбахтӣ, лаззат** (блаженство, счастье, наслаждение): «**Tears of bliss flooded from her eyes as she hung in Richard's arms, his magic completely overwhelming her**» [english-grammar.biz]. – Вақте ки ӯ ба оғӯши Ричард даромад, сеҳри ӯ вайро комилан зер кард ва аз чашмонаш ашки шодӣ чорӣ шуд (перевод наш). (Слезы счастья потекли из её глаз, когда она оказалась в руках Ричарда и его магия совершенно ее очаровала);

pleasure (a feeling of happiness, enjoyment or satisfaction) – **ҳисси хушбахтӣ, хурсандӣ ё қаноатмандӣ** (ощущение счастья, радости или удовольствия): *I'm fond of reading as it gives not only knowledge, but also wonderful moments of joy and*

pleasure. – Ман мутолиа карданро дӯст медорам, чунки он на танҳо дониш, балки лаҳзаҳои ачиби хурсандӣ ва ҳаловат мебахшад. (Я люблю читать, поскольку это дает не только знания, но и прекрасные моменты радости и удовольствия);

joy (a feeling of great happiness) – хурсандӣ, ҳаловат, хушбахтӣ, шодмонӣ, лаззат (радость, удовольствие, счастье, веселье, восторг, наслаждение, отрада); *joy of motherhood* – саодати модарӣ (модар шудан) (счастье материнства): *I am immensely happy that I experienced the joy of motherhood*. – Ман бениҳоят хушбахтам аз он, ки саодати модарӣ ба ман насиб гардидааст. (Я безмерно рада, что испытала счастье материнства);

delight (a feeling of great happiness and pleasure) – саодат, ҳаловат, лаззат (наслаждение, удовольствие, восторг, услада, блаженство): «*When he heard such words dropping carelessly from the lips of this marvelous family, her family, he thrilled with delight*» [190, 12]. – Вақте ки ӯ ин суҳанонро аз лабони ин оилаи ачиб, оилаи ӯ шунид, аз шодӣ ба ваҷд омада буд. (перевод наш) (Когда он услышал такие слова, небрежно срывающиеся из уст этой чудесной семьи, её семьи, он пришел в восторг);

contentment (the happiness you feel when you have everything you want and you enjoy your life) – хушбахтӣ, қаноатмандӣ (довольство, удовлетворенность): «*He thought of how convincingly he could describe this scene to friends and make them envy the fullness of his contentment*» [english-grammar.biz]. – Ӯ дар он хусус фикр мекард, ки то чи андоза метавонад ин манзаро ба дӯстонаш ба таври эътимодбахш тасвир намояд, то ки онҳо ба хушбахтии комили ӯ ҳасад баранд. (Он подумал о том, как убедительно мог бы описать эту сцену друзьям, заставив их позавидовать полноте его счастья);

euphoria (a feeling of great happiness that usually lasts for a short time only) – эҳсоси баланди хушбахтӣ ва ё хушҳолӣ (эйфория, повышенное радостное настроение): «*They were in a state of euphoria for days after they won the prize*» [dictionary.cambridge.org]. – Пас аз он ки онҳо соҳиби ҷоиза гардиданд, давоми чанд рӯз хеле хушбахт буданд. (Они были счастливы несколько дней, после того как выиграли приз);

elation (a feeling of great happiness and excitement) – *таъби хуш ва болида, шодмонӣ, хурсандӣ* (приподнятое настроение, восторг): «*And so he wandered on alternating between depression and elation as he stared at the shelves packed with wisdom*» [190, 214]. – Ҳамин тавр ӯ овра, гоҳ ҳайронзадаву гоҳ болидарӯх, ба рафҳои пур аз ҳикмат менигарист. (И так он бродил, чередуя депрессию и восторг, глядя на полки, заполненные мудростью);

festivity (a happy feeling that people get when they celebrate a special event) – *хурсандӣ, шодмонӣ* (веселье, праздничность): *Navruz holiday season that is now upon us is a time for festivity and joy for all Tajik people.* - Мавсими чашни Наврӯз, ки аллақай фаро мерасад, барои тамоми мардуми тоҷик вақти фароғат ва хурсандист. (Праздничная пора Навруза, которая уже наступает – это время веселья и радости для всего таджикского народа).

Далее мы рассмотрим синонимы, относящиеся к прилагательному *хушбахт/happy* (счастливый, удачный, довольный) в рассматриваемых нами языках.

Для начала, мы считаем целесообразным дать определение понятию прилагательное. Имя прилагательное – это часть речи, которая обозначает признак предмета и отвечает на вопросы какой? какая? какие? чей? («An adjective is a part of speech which describes, identifies, or quantifies a noun or a pronoun»). Имя прилагательное, как самостоятельная часть речи в исследуемых языках имеет способность приобрести синонимы.

Прилагательное *хушбахт – happy* (счастливый) в таджикском языке имеет следующие синонимы: *некбахт, бедорбахт, давлатманд, саодатманд, саодатнишон, саодатёр, хурсанд, хуштолеъ, фархундатолеъ, нектолеъ, хушахтар, некахтар некрӯз, неканҷом, иқболнок, бахтёр, комрон*:

«Кучост соқиш бедорбахти хоболуд,

Ки баҳри додани ҷоми шароб бархезад» (Хисрави Дехлавӣ) [160, 170];

«Зи ҳар нақше, ки ӯро омадӣ пеш,

Ба некахтар задӣ фоли дили хеш» (Низомӣ) [160, 848];

«Насиҳат гӯш кун, ҷоно, ки аз ҷон дӯсттар доранд

Чавонони саодатманд панди пири доноро» (Ҳофиз) [160, 192];

«Фасоҳатбаёну балозатқарин,

Саодатнишону шарафофарин» (Садри Зиё) [160, 192].

Согласно словарю “English synonyms and antonyms” английское *happy* насчитывает более 40 синонимов, каждый из которых имеет несколько значений. Выбор подходящего синонима зависит от контекста в котором он будет использован. В зависимости от содержания, мы попытались группировать их по общим признакам. Таким образом, синонимы прилагательного *happy* в значении а) *радостный, бодрый, живой, энергичный* (хурсанд, пурқувват, хушбин, богайрат болидарӯх) составляет 20 единиц: *alive, buoyant, bright, bubbly cheerful cheery, chirpy, ebullient, delirious, exuberant, jocund, jolly, jovial, gay, merry giddy, joyful, perky, rumbustious, sunny*; б) в значении *весёлый, беспечный* (хурсанд, фориғбол, безам) 4 единиц: *blithe, carefree, careless, light-hearted*; в) *счастливый – довольный, удовлетворенный* (хушбахт қаноатманд) 9 единиц: *content, contented, glad, overjoyed, pleased, satisfied, seraphic, thrilled, tickled*; г) *счастливый – восхищённый, ликующий, гордый (из-за приятного события)*(шоду масрур) 4 единицы: *delighted, flattered, jubilant, exultant, exalted*; д) *счастье – блаженство* 1 ед.: *euphoric*.

Следует отметить, что в английском языке также существуют способы выражения счастья при помощи отдельных слов и фраз, которые относятся к междометию. Так, например в он-лайн словаре Macmillian Thesaurus мы нашли 29 примеров, 15 из которых междометия, 6 фраз, 5 прилагательных, 2 наречия и 1 существительное. Приведем несколько примеров: *hooray, alleluia, lovely, excellent, brilliant, congrats, thankfully* и т.д.

Также стоит отметить, что в таджикском языке часто встречаются парные синонимы со значением счастье. К ним относятся следующие: *бахту саодат, бахту давлат, бахту толеъ, бахту иқбол, иқболу идбор, давлату толеъ* и пр. Парные синонимы можно встретить в литературных произведениях как классического так и современного периода. Например:

«Ба нирӯи иқболу бахту умед,

Бад-ин орзу аз ту хоҳам расид» (Савдо) [160, 519];

«Мо ҳалоку ту ба дарвеш набинӣ, чӣ кунам,

Давлату бахт ба бозор харидан натавон» (Хисрави Дехлавӣ) [160, 519; 125];

«Ҷаҳонкушои ҷавон, бахтёру давлатёр,

Баландмартабаи тоҷбахши мулкистон... » (Савдо) [160, 311].

Таким образом, из результатов исследования, мы пришли к выводу о том, что явление синонимия у концепта счастье, несомненно связана с познанием и обозначением важных для существования человека понятий и концептов, коим является счастье. Поэтому можно сказать о том, что синонимию концепта можно рассматривать как категорию, которая формируется носителем языка в результате познания окружающей действительности связана с феноменом выбора эквивалентных языковых выражений.

3.5. Явление антонимия в концепте «хушбахтӣ/happiness (счастье)»

в английском и таджикском языках

Явление антонимии связано с одной из основных проблем бытия – с единством противоположных начал в самой сущности предметов, явлений, признаков духовного и материального мира. Идея противопоставления значений слов, в целом не является новой в лингвистической науке. Вопрос об антонимии морфологических терминов того или иного языка является основной частью более общей проблемы – распространенности лексико-семантических процессов, свойственных лексическим единицам языка, в терминологических системах. Семантическую основу антонимии образует логическая противоположность различного характера (свойства, качества, действия, процесса, отношения, цвета, вкуса и т.д.) внутри одной сущности (в нашем случае в содержании концепта счастье). Прежде чем выявить данное явление в нашем исследовании, мы считаем необходимым привести определение понятию «антоним». В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя предлагается следующее определение термина «антонимы»: «Антонимы (от греч. anti-против+онима-имя) – это слова, имеющие противоположные значения. Основой антонимии является наличие в значении слова качественного признака, который может возрасти или убывать и доходить до противоположного» [156, 26]. По мнению О. С. Ахмановой, антонимы – это: «1. Слова, имеющие в своем значении качественный признак и потому способные противопоставляться друг другу как противоположные по значению; 2. Слова, противопоставленные друг другу как коррелятивные, как обозначающие противоположно направленное действие» [142, 50]. Антонимия, в данном словаре трактуется как: «Семантическая противопоставленность, противоположность» [там же]. Е. Н. Миллер считает, что: «...противоположные значения слов первично обнаружены в речи по ассоциациям благодаря интуиции, в которой лежит опыт человека» [85, 11], следовательно, таким опытом, вполне оправдано, можно считать постоянное восприятие слов-антонимов, совместно употребляемых в речи.

Антонимия слов сосуществует с общеязыковой антонимией и может поддерживаться ею. Так, лексические единицы *хушбахт* – *бадбахт*, *некбахт* – *ишурбахт*, *босаодат* – *бесаодат*, *нектолеъ* – *бадтолеъ*, *happу-unhappу*, *lucky* – *unlucky*, *fortune* – *misfortune* (счастливый-несчастный) и пр. антонимичны, прежде всего потому, что за ними стоят противоположные признаки, качества, но к тому же антонимия данных лексем хорошо осознается и благодаря общеязыковой антонимии прилагательных *нек* (хуб, нағз, хуш; бахайр, бафоида, басалох; муқобили бад [160, 848]) – *бад* (ганда, зишт, зараровар [160, 848]) (*хороший-плохой*), а также и самих существительных.

«Некбахтон ба ҳикояту амоли пешиниён панд гиранд з-он пештар, ки насиниён ба воқиаи ӯ масал зананд» [183, 159]. – *The lucky ones take an example from the deeds of their predecessors before their own actions become an example for their descendants.* («Счастливыцы берут пример с деяний своих предшественников, прежде чем их собственные поступки станут примером для их потомков») [182, 292];

«Хушбахтона ҳариф ба ин нуқтаи сусти ман пай набурда буд» [173, 169]. – *Fortunately my opponent did not realize my weak point* (К счастью, мой противник в этом не разобрался) [172, 131];

Бадбахтона ман он вақт дар хона набудам. Unfortunately, I was not at home then. (К несчастью, тогда меня не было дома.)

Появлению антонимов также может способствовать и многозначность слова, которое, как считает Е. Н. Миллер: «в отличие от моносемичной лексики ставят большую часть общеупотребительной лексики» [85, 6]. В большинстве случаев, любое значение слова обнаруживается в контексте, но, не всегда в слове разные люди выделяют одно и то же значение. Однако, как отмечает Е. Н. Миллер: «благодаря логической и языковой памяти мысль говорящего (пишущего) в момент употребления слова, способна ориентироваться на содержательную сторону определяемого слова» [там же]. С одной стороны, при условии, что за словом стабильно сохраняется закрепленное за ним значение в течение продолжительного времени, носители языка могут добиться

взаимопонимания. С другой стороны, вполне естественным считается стремление называть одно понятие различными словами с целью дать ему наиболее полную характеристику.

Структура антонимичных слов разнообразна. Многие лексемы выражены словосочетаниями, состоящими из существительного и определяющего прилагательного, причем качественные по происхождению прилагательные легко вступают в антонимические отношения несмотря на то, что внутри данных словосочетаний превращаются в относительные прилагательные. Например:

«Дар ин вақт рӯшноии рӯз чун бахти сафеди мо ба сари мо партав афганда буд» [174, 337]. – *At this time, the dawn raised its beam above us, white as the color of our happiness.* (В это время, рассвет поднял над нами свой луч, белый, как цвет нашего счастья (пер. автора);

«Аммо бадбахтона он торикӣ монанди бахти сиёҳи ман ва он духтар зуд омад» [174, 340] *Unfortunately, darkness, like our black happiness, got early.* («К несчастью, темнота, как наше черное счастье, наступила рано») [172, 244].

В вышеприведенных примерах присутствуют сразу две антонимичные пары выражающие особенности концепта счастье, на основе противопоставления значений: *рӯшноӣ – торикӣ* (свет - тьма), *бахти сафед - бахти сиёҳ* (счастье-несчастье). Способность человеческого мышления к сравнению и противопоставление, отражающее разнообразие противоположных предметов и объектов окружающей нас действительности, позволяет по-новому рассмотреть концепт и его содержание. В последнее время в языкознании изучение концептов проводится на основе противопоставления новому феномену, получившего название «антиконцепт», которое позволяет более детально рассмотреть концепт, получить представление о его значимости в культуре народа и определить его место среди других культурных ценностей.

Одна из наиболее важных задач при изучении антонимии состоит в раскрытии понятия «противоположность». Словарные антонимы, которые построены на прямом значении слова, могут пополниться контекстуальными антонимами в речи. Антонимы широко применяются в художественной речи,

как выразительное средство создания контраста. В таджикском языке наряду с синонимическими парами, обозначающими счастье, можно встретить и антонимические пары в значении несчастья, например: *бечораи номурод*, *бечораи бадбахт* (бедный-несчастный).

«Бар домани васлу ҳаҷр баста,

Бадбахтию некахтариро» (Анварӣ) [160, 127];

«Андар паи иқболи ту идбор муҳайёст,

Шоми гами ҳичрони ту аз субҳи висол аст» (Туғрал) [160, 519];

«Иқболи ҷаҳон бигзарод, идбор намонад,

Охир аламу айши гулу хор намонад» (Бедил) [160, 127].

Антонимы прилагательного *хушбахт*: – *бадбахт*, *бебахт*, *бадтолеъ*, *бетолеъ*, *бадахтар*, *бенасиб*, *баргаштабахт*, *бахташ номусоид*, *бедавлат*, *бесаодат*, *бебахра*, *бадрӯз*, *сиёҳбахт*.

«Чӣ бадбахтам, ки ҳар сӯ мениҳам рӯй,

Зи оби дида бинам пеши рӯ ҷӯй» (Шоҳин) [160, 127];

«Рӯи некӯ аз мани бадрӯз нӯшидӣ, вале

Чашми некӯӣ ҳанӯзам аз руҳи некӯи туст» (Ҷомӣ) [160, 130];

«Бедавлат агар масҷиди одина бисозад,

Ё тоқ фуруд ояд, ё қибла қаҷ ояд» [160, 127].

Теория антонимии непрерывно совершенствуется и развивается по мере того, как развивается язык и формы его существования. Любые изменения в значении слов, появление новых понятий, фразеологизмов и их употребление в новой форме приводит к появлению новых антонимичных оппозиций, к разрушению какой-то части антонимичных пар в результате утраты словом противоположного значения или исчезновения слова из языка в целом.

Интенсивность возникновения семантических ассоциаций по мнению Е. Н. Миллера зависит «от частотности восприятия соответствующих слов с противоположными значениями», от парного их появления в речи, но в первую очередь, от целенаправленности мысли в момент речи.

Тем не менее, следует учитывать, что невозможно выразить концепт одним словом, так как концепт многозначен, и соответственно, каждое отдельное слово или понятие, в содержании концепта, может иметь антоним. Следовательно, концепт имеет множество антонимов или в данном случае антиконцептов, рассеянных в языковых знаках.

Таким образом, антонимический ряд вербализирующий концепт «*хушбахтӣ/happiness*» (счастье) и антиконцепт «*бадбахтӣ/unhappiness*» (несчастье), которые представляют собой большое число именуемых их единиц, представляют нам возможность более подробно изучить содержание концепта и антиконцепта.

Отношения концепта и антиконцепта, по мнению А. С. Ващеуловой сожно описать следующим образом: «Это феномены, имеющий общий базис и представляющее собой два контрастных элемента оппозиции, при этом антиконцептом называется отрицательно маркированный член оппозиции» [28, 106]. Если исходить из того, что общим основанием для концептов является чувство или состояние человека (*the feeling or state of well-being*), то оппозитивность заключается в отражении двух противоположных состояний, т.е. счастья-несчастья. Согласно сведениям из он-лайн словарей синонимов и антонимов английского языка (электронные ресурсы *merriam-webster.com*, *thesaurus.com* и др.), данные концепты имеют по несколько синонимов и антонимов, исходя из семантических значений. Таким образом, в вышеуказанных словарях, концепт «*happiness*» - счастье в оппозиционном значении 1) *the state of well-being and contentment* (хорошее состояния человека и удовлетворение) имеет 6 антонимов: *calamity-бедствие*, *ill-being - несчастье*, *misery - нищета*, *sadness - печаль*, *unhappiness - несчастье*, *wretchedness - несчастье* и 26 близких по значению: *anguish - мучение*, *desolation - опустошение*, *joylessness - безрадостность*, *sorrow - печаль* и т.д.; 2) *the feeling experienced when one's wishes are met* (чувство, испытываемое при исполнении желания), антонимы 6 ед.: *discontent, discontentedness, discontentment-недовольство*, *displeasure - неудовольствие*, *dissatisfaction - неудовлетворение*,

unhappiness – несчастье; слова близкие по значению 31: *sadness* - печаль, *joylessness* - безрадостность, *sorrow* - печаль, *depression* - депрессия, *melancholy* - меланхолия, *upset* - расстройство, *anger* – злость и т.д.

Примеры:

«*Questioning Jane Lloyd learns of her **unhappiness** at Gateshead and when he asks if she would rather go away to school than stay with Mrs. Reed, Jane says yes*» [189, 20]. (Опрашивая Джейн Ллойд узнает о ее *несчастье* в Гейтсхеде, и когда он спрашивает, не хочет ли она пойти в школу, чем остаться с миссис Рид, Джейн соглашается (перевод наш));

«*Still you are **miserable**; for hope has quitted you... you wander here and there, seeking rest in exile: **happiness** in pleasure...*» [189, 32]. (Тем не менее, ты *несчастлива*; ибо надежда покинула тебя ... ты бродишь тут и там, ища покоя в изгнании, *счастье* в удовольствии);

«*The woman said to herself, «who is better able to help these **poor, unfortunate** people that I, who have had **misfortune** of my own?»* [191,22]. (Женщина сказала себе: «Кто может лучше помочь этим *бедным, несчастным* людям, чем я, у которой тоже было *несчастье*?»).

Прилагательное *happy* – счастливый, также обладает большим количеством антонимических оппозиций, например: 1) (coming or happening by good luck especially unexpectedly) *hapless, ill-fated, ill-starred, luckless, star-crossed, unfortunate, unhappy, unlucky* – несчастный; 2) (experiencing pleasure, satisfaction, or delight) *displeased, dissatisfied, joyless, sad, unhappy, unpleased, unsatisfied* – несчастный, грустный, печальный неудовлетворенный; 3) (feeling that one's needs or desires have been met) *discontent, discontented, displeased, dissatisfied, malcontent, malcontented* – неудовлетворенный. Например:

«*Life is a mixture of good times and bad times, **happy** moments and **unhappy** moments*» [191, 16]. (Жизнь – это смесь хороших, и плохих времен, *счастливых, и несчастных* моментов);

«My rest might have been blissful enough, only a sad heart broke it» [189, 113].
(Мой отдых мог бы быть достаточно блаженным, но печальное сердце разрушило его).

Подводя итоги данной работы, мы можем сделать вывод, что антонимию вполне оправдано можно считать одной из универсалий лексической системы языка, так как они играют значительную роль в языке, а также возможность структурного, типологического и функционального описания антонимов, выявления их специфических и общих черт можно применить к разным языкам.

Выводы по 3 главе

Семантический анализ лексем, относящихся к концепту «хушбахтӣ/happiness (счастье)» выявил наличие личностного отношения к усваиваемому содержанию значения слова, субъективно сливающееся с этим содержанием, целиком определяющимся мотивом и целью неречевой деятельности. Однако, набор деятельностей субъекта, в структуре которых он овладевает фрагментами значения слова, не зависит целиком от самого субъекта: в первую очередь, он определяется уровнем развития конкретного общества, их мировоззрения и теми видами деятельности, которых общество может «предложить» своим членам для усвоения, а во вторую очередь, он определяется субъектом социализации, социальной группой, в которой происходит превращение индивида в личность. Поэтому, значение существует, осознается носителями языка в определённой деятельности и в ней приобретает субъективный для каждого носителя смысл. Наличие не совпадающего в разных языках содержания концептов определяется национальной спецификой, деятельности, и возникающими на ее основе социальным отношениям.

Из результатов исследования, мы пришли к выводу о том, что явление синонимия у концепта счастье, несомненно связана с познанием и обозначением важных для существования человека понятий и концептов, коим является счастье. Поэтому можно сказать о том, что синонимию концепта можно рассматривать как категорию, которая формируется носителем языка в

результате познания окружающей действительности и связана с феноменом выбора эквивалентных языковых выражений. Любые изменения в значении слов, появление новых понятий и их употребление в новой форме, приводит к появлению новых антонимичных оппозиций, к разрушению какой-то части антонимичных пар. Тем не менее, следует учитывать, что концепт невозможно выражать одним словом, так как концепт многозначен, и каждое отдельное слово или понятие, в содержании концепта может иметь антоним.

Таким образом, синонимический ряд вербализирующий концепт «*хушбахтӣ/happiness*» счастье и антиконцепт «*бадбахтӣ/unhappiness*» несчастье, которые представляют собой большое число именуемых их единиц, представляют нам возможность более подробно изучить содержание концепта и антиконцепта.

Для анализа ценностной составляющей лингвокультурологического значения концепта «*хушбахтӣ/happiness* (счастье)» в языковой картине мира таджиков, в данном исследовании мы отдали предпочтение таджикской поэзии, которая содержит в себе все языковые универсалии, отражающие духовно-нравственные и моральные ценности лингвокультурного концепта «*хушбахтӣ/happiness* (счастье)» в обыденной жизни таджикского народа. Исследование показало, что универсальные и суперморальные ценностные компоненты данного концепта в классической поэзии многозначны. Уникальными суперморальными ценностными компонентами в составе концепта «*хушбахтӣ*» (счастье) для таджикской лингвокультуры, основанной на исламе, является богобоязненность и изучение Корана. Доброжелательное отношение людей друг к другу также является моральной ценностью данного концепта в таджикской лингвокультуре. Кроме того, значимым компонентом считаются такие черты характера, как *меҳнатдӯстӣ* - трудолюбие, *сабр* – терпение, *адлу инсоф* – справедливость, *хоксорӣ* – простота (отсутствие высокомерия) и пр., оказывающее влияние на отношение человека к окружающим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование лингвокультурного концепта «хушбахтӣ/happiness(счастье)» позволило выявить специфические особенности языковых картин мира таджикского и английского языков. В результате проведенного анализа лексических единиц, мы обнаружили, что некоторые характеристики концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в исследуемых языках идентичны (в частности, то, что в обоих языках он имеет положительное значение), а другие имеют существенные отличия. Концепт является базовой категорией, отражающей своеобразие концептосферы, которая отождествляется с когнитивной категорией мышления, единицей архивирования человеческого знания, представляемой лексико-семантической парадигмой.

Анализируемый материал способствовал определению когнитивных особенностей концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в рассматриваемых языках, результаты которых были использованы в нескольких статьях. Структурно-семантический и лингвокультурный анализ проводился на материалах художественного и лексикографического источников.

Концепт «хушбахтӣ/happiness (счастье)» является одним из ключевых концептов как в таджикской, так и в английской лингвокультурах. Счастье – одно из самых главных и самых желанных благ для каждого человека. Его также именуют «наивысшим благом». Счастье кругом, она повсюду. Счастье находится внутри каждого из нас, и обнаружить его, помогают внешние факторы и обстоятельства окружающего нас мира. Опыт, который человек получает в результате всей своей жизнедеятельности, формирует в его сознании определённые знания относительно всех явлений окружающего его мира. Результаты этих знаний образуют концепты, содержащие в себе огромное число понятий, к числу которым относится концепт «хушбахтӣ/happiness (счастье)».

Если принимать во внимание, что значение слов осознаются в деятельности, каждая из которых в той или иной мере несет в себе черты национальной специфики, то вполне оправдано говорить о национальных смыслах слов, речевых действий и т.п. Наличие не совпадающего в разных

языках содержания у слов, определяется национальной спецификой деятельности и возникающими на ее основе социальными отношениями.

Тем не менее, иерархия компонентов этого ментального образования зависит от национальных предпочтений, а также индивидуальных и личностных признаков человека, таких как пол, возраст, образование, воспитание и пр.

Результаты анализируемого материала дают нам противоречивую картину. С одной стороны утверждается, что счастье заложено в судьбе человека: *хушбахт, хушахтар, хуштолеъ, некиқбол, некрӯз, нектолеъ, батақдир* (счастливый, благополучный, удачливый) и т.д., следовательно, человек не может изменить свою судьбу, менять ход событий в своей жизни, так как не может ею управлять. С другой стороны, в социальном плане, существуют чёткие представления о том, что может принести счастье: – *муҳаббат* (любовь), *неки* (добро), *меҳнат* (труд), *илму дониш* (учение и знание), *адаб* (воспитание), *сабру таҳаммул* (терпение и спокойствие) и т.д.

В первой главе были изучены теоретические аспекты лингвокультурологии и концептуальных исследований, в которых были изложены методы концептуального исследования, подходы к изучению концептов, типология и структура концепта, а также специальные термины «языковая картина мира», «национальная концептосфера», «лингвокультурный концепт» и пр. по результатам проведенной работы, можно отметить, что концепт «хушбахтӣ/happiness (счастье)» входит в число универсальных концептов. Главный компонент (ядро) данного концепта в таджикском языке является «**бахт**» (судьба, участь), т.е. то, что предназначается богом (или судьбой), а в английском языке ядром является «**hap**» (случай). Исследуемый материал способствовал определению ценностности и значимости данного концепта в обоих языках. В обеих культурах счастье воспринимается как положительное качество, оно желаемо всем и каждым. Таджикское счастье связано, прежде всего, с благой судьбой, а английское с удачей. У таджиков, счастье ассоциируется, в первую очередь с семьей, у англичан с радостью и дружбой.

В результате проведения структурного анализа (во второй главе), мы сделали выводы о том, что идиомы и фразеологизмы – это не только устойчивые сочетания слов с разными значениями и общим смыслом, но и слова, которые способствуют выражению экспрессии и повышению эмоциональности высказывания, а также позволяющие лаконично выразить сложную мысль, особенно чувства и эмоции. Такие выражения обогащают язык, делают речь яркой и живой, а также в них отражается история народа, своеобразие его культуры и быта.

Для того чтобы понять характер взаимодействия языка и сознания, нужно выйти за рамки отдельной человеческой мысли и окунуться в мир его культуры. Хотя любой мыслительный акт осуществляется в нервно-мозговой системе человека, всё же он осуществляется в рамках определенного социально-культурного пространства и семантического поля. Более того данный речемыслительный акт становится результатом практического сознания, который вследствие взаимодействия с языком, превращается в языковое сознание.

Тем не менее, следует учитывать, что разные народы формируют свою концептосферу, так как в сознании людей отражаются разные стороны окружающей действительности, разные географические, климатические, историко-культурные и др. особенности. Концептосферы разных народов различаются по составу концептов и способа их структурирования, а национальная специфика отражается в специфике семантических пространств языков.

Уникальными суперморальными ценностными компонентами в составе концепта «хушбахтӣ» (счастье) для таджикской лингвокультуры, основанной на исламе, является богобоязненность и изучение Корана. Доброжелательное отношение людей друг к другу также является моральной ценностью данного концепта в таджикской лингвокультуре. Кроме того, значимым компонентом считаются такие черты характера, как *меҳнатдӯстӣ* (трудолюбие), *сабр* (терпение), *адлу инсоф*(справедливость), *хоксорӣ* (простота, отсутствие

высокомерия) и пр., оказывающее влияние на отношение человека к окружающим.

В языковой картине мира, выраженном в таджикской художественной литературе советского периода (1930-х гг.) наблюдается большие изменения в понимании концепта «хушбахтӣ/ happiness (счастье)» со стороны носителей таджикского языка и культуры. Литература нового периода сплочена с именем большевистского государства — Советского Союза. Октябрьская революция и образование Советского Союза кардинально изменили политическую, социальную и культурную жизнь народов, а также их миропонимание. Литература данного периода содержит в себе большое количество интернациональных и революционных элементов, таких как: *партия, большевик* и т.д. Основным понятием, компонентом счастья является борьба за свободу и равноправие народа. Литература 1940-х — 50-х гг. отличается обилием патриотических элементов, сплочённости народов, солидарности, героизма и самопожертвовании. Исследование показало, что в сознании советского человека такие понятия, как «*озодӣ*» (свобода), «*баробарӣ*» (равноправие), «*муҳаббат ба Ватан*» (любовь к Родине), «*ғалаба*» (победа) и т.д., являются ценностным и значимым компонентом содержания лингвокультурного концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)».

Достижение государственной независимости Республики Таджикистан стало важным историческим событием в жизни таджикского народа. Изменения коснулись всех сфер жизнедеятельности народа. Возродились древние обычаи, традиции, культура, и вместе с тем самосознание таджикского народа. Ключевые понятия как «*Ватан*» (Родина), «*озодӣ*» (свобода), «*ишқу муҳаббат*» (любовь), «*садоқат*» (верность), «*хушбахтӣ*» (счастье), «*оила*» (семья), «*дӯстӣ*» (дружба) и пр. приобрели новые оттенки, также появились новые, часто используемые языковые реалии (парные синонимы), такие как: «*истиқлолият ва озодӣ*» (свобода и независимость), «*ватандӯстӣ ва меҳанпарастӣ*» (патриотизм, любовь к родине), «*ваҳдат ва ягонагӣ*» (единство и солидарность), «*сулҳу амният*» (мир и безопасность) и др. Тем не менее, их значимость в содержании

лингвокультурного концепта «хушбахтӣ» не утратилось, наоборот, приобрели новые эмоциональные окраски.

Независимость открыла таджикскому народу «окно в большой мир», который до этого времени был для них чужд. Соприкосновение с новым миром внесла свои коррективы в мировоззрение таджикского народа. Лингвокультурный концепт «хушбахтӣ/happiness (счастье)» приобрёл новые оттенки значения в своем содержании. Главным компонентом счастья стала «свобода»: «*озодии сухан*» (свобода слова), «*хуқуқ ва озодии инсон*» (свобода и права человека), «*хуқуқ ва озодии занону духтарон барои таҳсил ва кору фаъолият*» (свобода и права женщин на учёбу и работу), «*баробархуқуқи зану мард*» (равноправие женщин и мужчин) и т.д. Все эти блага народ приобрёл благодаря независимости.

Также в ходе исследования было выявлено такая особенность концепта как многозначность, а также наличие большого количества синонимов и антонимов. Частота использования концепта счастья и его синонимов в изученных художественных материалах, превышает частоту использования его антонимических слов и понятий. Изученные нами художественные материалы английского и таджикского языков дали следующие результаты:

1) В романе Джека Лондона «Мартин Иден» использование лексемы *happiness* составляет 9 единиц; *happy* - 30 единиц; *bliss (-ful)* - 16 единиц; *glad (-ly, ness)* - 30 единиц; *joy (-ful, overjoyed)*- 27единиц; *delight (-ful, -ed)*- 34 единиц;

2) Роман Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» имеет следующие показатели: *happiness* -22 единицы; *happy* - 54 единиц; *bliss (-ful)* - 19 единиц; *glad (-ly, ness)* - 30 единиц; *joy (-ful, overjoyed)*- 25единиц; *contentment* - 34 единиц.

Результаты использованных таджикских источников:

1) «Гулистан» Саади Ширази: *давлат (-манд)* – 10 единиц; *неъмат* – 31; *иқбол* – 2 единицы; *саодат* - 2 единицы *шодмонӣ, хуррамӣ* –8 единицы *некбахтӣ* - 12 единиц.

2) «Ёддоштҳо» Садриддина Айни: *хушбахт* (*хушбахтӣ, хушбахтона, ба хушбатии касе, хушбахттар, хушбахттарин*) - 20 единиц; *давлат (-манд)* –

13 единиц. Следует отметить, что в указанных источниках, помимо выделенных слов, наблюдается широкое использование слов, словосочетаний и фраз, выражающих понятие счастья. Например: *сафедбахт, баландиқбол, нектолеъ, некахтар, некбахт, қавибахт, бахтвар, бахтёр, фархундатолё, бахти нав, бахти қавон, бахт тохтан, бахту толеъ, иқболу давлат, бахту давлат* и пр.

В рассмотренных нами источниках английского и таджикского языков употребление слов с отрицательным значением встречается гораздо реже. Это определяет значимость концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в сознании таджиков и англичан.

Социальные, культурные и политические события также влияют на сознание человека и могут менять ход мысли человека в целом. Так, например, появившийся в конце 2019-го года вирус COVID-19, охвативший весь мир, настолько потряс все человечество, что самым главным и самым желанным благом, приносящее счастье, стало *здоровье*, а происходящие в некоторых странах беспорядки, войны возвышают ценность *мира и спокойствия*.

Из вышеперечисленных примеров следует, что содержанию концепта счастье присуще непостоянство. Оно изменчиво и зависит от различных социальных, субъективных и объективных факторов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев, В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка / В. И. Абаев. – М.; Л., 1958, Т. I; 1973, Т. II; 1979, Т. III.
2. Аванесян, Ж. Г. Сопоставительный анализ концептов в английской и русской языковой картинах мира // Sciences of Europe # 18 (18), 2017 | Philological Sciences. – С. 43-48.
3. Азиззода, Д. М. концепти «Муҳаббат//Love» дар тасвири забонии ҷаҳон (дар асоси маводи забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ) / Д. М. Азиззода. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. фил. наук. – Душанбе, 2019. – 27 с.
4. Алекперова, Э. Э. Лексическая репрезентация концепта «золото» на сопоставительном уровне (на материале русского, азербайджанского и французского языков) // Вестник Пятигорского гос. лингв. ун-та. № 1/2014. С. 55-59.
5. Алефиренко, Н. Ф. Значение и концепт / Н. Ф. Алефиренко // Спорные проблемы семантики. – Волгоград: Перемена, 1999. – С.59-67.
6. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 224 с.
7. Алефиренко, Н. Ф. Фразеологическое значение и концепт / Н. Ф. Алефиренко // Когнитивная семантика: Материалы 2-й международной школы-семинара по когнитивной семантике. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2006. С. 33-36.
8. Аль-Фараби. Указание пути к счастью. Социально-философские трактаты. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1973. – 400 с.
9. Аль-Фараби. О достижении счастья. Социально-философские трактаты. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1973, С. 278–349.
10. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Л., 1963. – 208 с.
11. Амосова, Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка / Н. Н. Амосова. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. Языках, 1956. – 218 с.

12. Аргайл, М. Психология счастья /М. Аргайл. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 271 с.
13. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка / И. В. Арнольд. – М.: Наука, 2012. – 376 с.
14. Арнольд, И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика исследования (на материале имени существительного) / И. В. Арнольд. - Ленинград: Просвещение, 1966. – 192 с.
15. Арсланбекова, Н. Э. Структурно-семантическая характеристика концепта «Радость» в английском и русском языках// Мир науки, культуры, образования № 4 (59), 2016. – С. 231-232.
16. Артемьева, Е.Ю. Психология субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 128 с.
17. Арутюнова, Н. Д. Введение / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Ментальные действия: сб. статей / Под ред. Н. К. Рябцевой. – М.: Наука, 1993. – 176 с.
18. Арутюнова, Н. Д. Истина и судьба / Н. Д. Арутюнова // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994 С. 302-316.
19. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
20. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. / Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. – 399 с.
21. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов //Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 267-279.
22. Ахманова, О. С. О психолгвистике / О.С. Ахманова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 64 с.
23. Бакирова, Г.А. Вербализация концепта «счастье» в татарском и английском языках: на примере благожеланий. Автореф. дисс. на соиск.уч.ст. канд. фил. наук. – Казань, 2011. – 28 с.

24. Беляева, М. А. Грамматика английского языка / М. А. Беляева. – М.: Высшая школа, 1971. – 336 с.
25. Бойматова, Н. К. Семантическое поле концепта «Красота» в таджикской и английской лингвокультурах. Дисс. на соиск. уч ст. канд. фил. наук. – 174 с.
26. Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 25-36.
27. Борисова, Л. В. Лингвокультурное поле концептуального ряда «счастье-горе-судьба» // Вестник Чувашского университета, 2014. № 3. – С.
28. Ващеулова А. С. Концепты Happiness/Unhappiness и их актуализация в дискурсе / А. С. Ващеулова // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Том 10. Вып.1, 2012. – С.105-113.
29. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и практики / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры. 1996.
30. Верещагин Е. М., Костомаров, В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1990. – 269 с.
31. Воркачев, С. Г. Концепт счастья: понятийная составляющая. /С. Г. Воркачев. // Язык в мире и мир в языке. Материалы международной научной конференции. Сочи – Карлруэ-Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2001. – С. 32-34.
32. Воркачев, С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа: Монография / С. Г. Воркачев – Краснодар, 2002. – 168 с.
33. Воркачев, С. Г. Концепт счастья в английской паремиологии / С. Г. Воркачев, Е. А. Воркачева // Аксиологическая лингвистика: Проблемы изучения культурных концептов и этносознания: Сб. научн. тр. – Волгоград, «Колледж», 2002. С. 36-40.

34. Воркачев, С. Г. Сопоставительная этносемантика телеомных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели) / С. Г. Воркачев. Волгоград: Перемена, 2003. -164 с.
35. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы) / В. В. Воробьев: – М.:РУДН, 1997. – 331с.
36. Воробьев, В. В., Полякова, Г. М. Сопоставительная лингвокультурология как новое научное направление // Вестник РУДН, серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания № 2, 2012. – С. 13-18.
37. Гак, В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11-26.
38. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. М.: Изд-во лит-ры на иностр. Языках, 1958. – 460 с.
39. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик (грамматика современного таджикского языка) в 2 т. / Отв. ред. Ш. Рустамов, Р. Гафоров. – Душанбе: Дониш, 1985. – (1т.) 356 с.; (2т)1986. – 371 с.
40. Грищенко, Я.С. Судьба как лингвокультурный маркер русской и английской картин мира // Молодой учёный №7 (66), 2014. – С.623-625.
41. Громова Л. П. Сопоставительная лингвокультурология в языковой картине мира // Язык. Коммуникация. Культура. Сб. науч. мат. II Междунар. научно-практ. конф. молод. уч. – М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. – 146 с.
42. Гулова, З. А. концепт «Еда» в русском и польском языках: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Гулова Зевар Ахлиддиновна. – Душанбе, 2013. – 25 с.
43. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию/ Ф. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
44. Давлатмирова М. Б. Национально-специфические особенности макроконцепта Судьба в таджикском языке / М. Б. Давлатмирова //Вестник ТНУ №2, 2018. – С. 27-32.
45. Давлатова, М. К. Отражение концепта «Жизнь/Life» в лексико-фразеологической системе таджикского и английского языков. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. фил. наук. Душанбе, 2019. – 29 с.

46. Джаматов С. Становление и развитие лингвистической терминологии таджикского и английского языков / С. Джаматов. – Душанбе: Дониш, 2017. – 412 с.
47. Джамшедов П. Краткий курс по введению в языкознание (в помощь магистрам, аспирантам и соискателям) / П. Джамшедов. – Душанбе, 2016. – 236 с.
48. Джамшедов П. Семантика видов в русском, таджикском и английском языках / Отв. Ред. Л. Г. Герценберг. – Душанбе: Маориф, 1989. – 109 с.
49. Жураева, Р. С. Английские идиомы, относящиеся к концепту «Happiness» и их аналоги в таджикском языке // Вестник педагогического ун-та. № 1 (84), 2020. – С. 37-42.
50. Жураева, Р. С. Лингвокультурология как продукт взаимосвязи языка и культуры // Известия АНРТ. Отд-е общественных наук № 3 (260), 2020. – С. 175-179.
51. Жураева Р. С. Структурный анализ монокомпонентных лексических единиц относящихся к концепту (счастье) в таджикском и английском языках / Р. С. Жураева // Известия НАНТ. Отд-е общественных наук № 2 (263), 2017. – С. 233-240.
52. Зиновьева, Е. И., Юрков, Е. Е. Лингвокультурология: теория и практика / Е. И. Зиновьева, Е. Е. Юрков. – СПб.: МИРС, 2009. – 291 с.
53. Зусман, В. Г. Концепт в системе гуманитарного знания / В.Г. Зусман // Вопросы литературы № 2, 2003. – С. 3-29.
54. Иванова-Лукьянова Г. Многозначное слово в художественном тексте // Русский язык № 17, 2009. – С. 13-25.
55. Имомова, М. М. Концептуальные признаки концепта «семья» (на примере компонента «муж/шавхар») // Вестник ТНУ №4/1(129)-2014. – С. 77-81.
56. Казымова, Л. А. Язык и культура: к вопросу о специфике лингвокультурологии // Общее и прикладное языкознание. – С.19-21.
57. Карасик, В. И. Категориальные признаки в значении слова: Уч. пос. – М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1998. – 108 с.

58. Карасик, В. И. Культурные концепты: проблема ценностей / В.И. Карасик //Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград: Перемена, 1996. С. 3-16.
59. Карасик, В. И. Определние и типология концептов / В. И. Карасик //Этнокультурная концептология: сб. науч. тр. / Калм. гос. ун-т. – Вып. 1. – Элиста: Изд-во Калм. Ун-та, 2006. – 332 с.
60. Карасик, В. И., Слышкин, Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 13-15.
61. Карасик, В. И., Слышкин, Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сборник науч. Трудов. – Воронеж, 2001. – С. 76-77.
62. Каращук, П. М. Словообразование английского языка / П. М. Каращук. – М.: Высшая школа, 1977. — 303 с.
63. Колшанский, Г. В. Объективная картина мина в познании и языке / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 108 с.
64. Кольцова Ю. Н. Концепт как категория семантической теории перевода / Ю. Н. Кольцова // Вестник Московского университета № 4 (22), 2008. – С. 37-47.
65. Королева М. Н. Счастье как социокультурный феномен. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. доктора социол. наук / М. Н. Королева. – Москва, 2013. – 26 с.
66. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. — 284 с.
67. Кубрякова Е. С. Производное слово как языковая структура представления знаний / Е. С. Кубрякова // Английский лексикон и структуры представления знаний. Сб. науч. тр. МГЛУ. Вып. 429. М., 1994. С. 4-11.

68. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений: семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
69. Кубрякова Е. С. Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи / Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнорович, Л. В. Сахарный. - М.: Наука, 1991. – С. 72-90.
70. Кунин А. В. Английская фразеология / А. В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1970. – 344 с.
71. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка / А. В. Кунин. – М., 1972. – 288 с.
72. Курцева, Д. О. Концепт Love в художественной литературе (на материале произведений У. С. Моэма) / Д. О. Курцева //Филология и лингвистика № 1 (7), 2018. – С.8-10.
73. Лагаева, Д. Д. Лингвокультурный концепт «счастье» в калмыцком и английском языках. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. фил. наук. – Элиста, 2009. – 24 с.
74. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры / Под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Жмуринской. – М.: прогресс, 1990. С. 387-415.
75. Ле Минь Нгок. Особенности языковой репрезентации русского концепта «счастье»: с позиции носителя вьетнамской культуры. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. фил. наук. – М., 2011. – 24 с.
76. Лихачёв, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв //Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. – // Известия РАН. Сер. лит. и яз. — М., 1993. — Т. 52, № 1. — С. 3–9.
77. Логический анализ языка: Культурные концепты / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991. – 204 с.
78. Маджидов, Х. Некоторые вопросы фразеологии современного таджикского языка / Х.Маджидов // Сборник работ аспирантов. Серия филол. наук. – Душанбе, 1966. – Вып.4. – С. 75-91.

79. Маджидов Х. Фразеологическая система современного таджикского литературного языка / Х. Маджидов. – Душанбе: Деваштич, 2006. – 409 с.
80. Мамедова, М. Дж. Сопоставительный анализ концепта «ум» и «глупость» в китайской и русской паремиологической картине мира / М. Дж. Мамедова // Вестник ТНУ 4/4 (140)-2018. – С. 116-120.
81. Маслечкина, С. В. Выражение эмоций в языке / С. В. Маслечкина // Вестник Брянского гос. ун-та, № 3, 2015. Языкознание. – С. 231-235.
82. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. Уч. пос. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 256 с.
83. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
84. Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания / Э.М. Медникова. – М.: Высшая школа, 1974. – 202 с.
85. Миллер, Е. Н. Природа лексической и фразеологической антонимии / Е. Н. Миллер. – Изд-во саратовского ун-та, 1990. – 221с.
86. Моторина Н.В. Лингвокультурный скрипт «День рождения» в английском коммуникативном поведении / Н. В. Моторина // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета № 4/2013. – С. 84-87.
87. Мотыгулина, З. А. Общие и национально-специфические черты концепта «судьба» со значением «счастье» в английской и татарской лингвокультурах / З. А. Мотыгулина // Вестник Чувашского ун-та. № 2, 2015. – С. 198-202.
88. Мочалина К.Н. К определению понятия «идиома» в отечественной и зарубежной литературе / К.Н. Мочалина // Известия Самарского научного центра РАН, т.13, № 2(3), 2011. – С. 680-685.
89. Мухаммадиев М. Очеркҳо оид ба лексикаи забони адабии ҳозираи тоҷик М. Мухаммадиев. – Душанбе: Ирфон, 1968. – 63 с.

90. Нерознак В. П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма / В. П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск, 1998. С. 80-85.
91. Нешев К. Этика счастья: Пер. с болг. / К. Нешев. - М.: Знание, 1982. – 64 с.
92. Никишина, И. Ю. Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике / И. Ю. Никишина // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2002. - Вып. 21. – 184 с.
93. Норов Ш. А. Пословицы с лексемой льва в таджикском языке и их аналогии в английском языке / Ш. А. Норов // Вестник Таджикского Национального Университета 4/8 (183) Серия Филология. С.144-148.
94. Национально-культурная специфика речевого поведения / Под ред. А.А. Леонтьева, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова. – М.: Наука, 1977. – 351 с.
95. Павленко В. Г. Семантико-этимологический анализ лингвокультурного концепта «мышление» / В. Г. Павленко // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета № 1/2013. С. 90-95.
96. Пейсиков, Л. С. Очерки по словообразованию персидского языка / Л. С. пейсиков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 198 с.
97. Проблемы лингвистической семантики. Реферативный сборник. АН СССР. – М., 1981. – 162 с.
98. Погребная, Н. А. Антонимические концепты счастье-несчастье, happiness-misfortune, радость грусть, joy-sadness в наивной картине мира // Русский язык: система и функционирование: мат. III Междунар. науч. конф. – Минск: РИВШ, 2006. – Ч. 1. – С. 270-273.
99. Попов, С. Лингвокультурология: от констатаций к объяснительности / С. Попов // Траектория науки № 4, 2018. – С. 1001-1009.
100. Попова, З. Д. Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения / З. Д. Попова, И. А. Стренин // Культура общения и её формирование. – Вып. 8. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С 34-35.

101. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 176 с.
102. Расторгуева В. С. Средне - персидский язык / В. С. Расторгуева. – М.: Наука, 1966. – 160 с.
103. Рахими Саодат. Сопоставительный анализ концепта «Измена» в пословицах, поговорках и афоризмах в русском и таджикском языках / С. Рахими //Вестник Таджикского Национального Университета 4/6 (146), 2018. Серия Филология. С.54-57.
104. Рахмонова Н. Б. Отражение концепта «Свадьба» в таджикском и памирском языках (на материале прецедентных текстов). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. фил. наук. – Душанбе, 2019. – 26 с.
105. Репьюк, Е. В. Признаки неживой природы концептов звезда и star (на материале произведений русских и английских авторов) / Е. В. Репьюк // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета № 1/2013. – С.131-135.
106. Рубинчик Ю. А. Лексикография персидского языка / Ю. А. Рубинчик. – М.: Наука, 1991. – 222 с.
107. Рустамов М. Таджикская грамматическая терминология / М. Рустамов. – Душанбе, 1972. – 123 с.
108. Рустамов Ш. Калимасозии исм дар забони адабии ҳозираи тоҷик / Ш. Рустамов. – Душанбе, 1972. – 76 с.
109. Русакова И. Б. Концепты «счастье» - «несчастье» в лингвокультурном содержании русских пословиц. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к.ф.н. – М., 2007, 24 с.
110. Саймиддинов Д. Вожасиносии забони форсии миёна / Д. Саймиддинов. – Душанбе, 2001. – 310 с.
111. Самситова Л. Х., Байназарова, Г. М. Понятие концепта в лингвокультурологии: история развития, структура, классификация / Л. Х. Самситова, Г. М. Байназарова // Вестник Башкирского ун-та. №4, 2014. Т. 19.

112. Селиверстова, О. Н. Компонентный анализ многозначных слов / О. Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1975. – 240 с.
113. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию /Фердинанд де Соссюр; пер. с фр. яз. под ред. А. А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
114. Степанов, Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2001. – 102 с.
115. Стернин И. А. Концепт и языковая семантика / И. А. Стернин // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. Вып.2. Тамбов,1999. С. 69-75.
116. Стернин, И. А. О понятии лингвокультурной специфики языковых явлений / И. А. Стернин // Язык. Словесность. Культура. № 1, 2011. – С. 8-22.
117. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков / А. С. Мельничук, Л.А. Гиндин и др. – Ин-т языкознания АН СССР. – М.: Наука, 1991. – 120 с.
118. Султонов М. Б. Становление и развитие персидско-таджикской научной терминологии / М. Б. Султонов. – Душанбе, 2008. – 341 с.
119. Суржанская, Ю.В. Концепт как философское понятие / Ю. В. Суржанская // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. № 2 (14), 2011. – С. 70-76.
120. Татаркевич, В. О счастье и совершенстве человека / В. Татаркевич. Перевод с польского Л. В. Коноваловой. – М.: Прогресс, 1981. – 368 с.
121. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 55-60.
122. Телия В. Н. Культурно-языковая компетенция: её высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава / В. Н. Телия // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. – М.: Яз. слав. Культуры, 2004. – С. 19-30.

123. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. Уч. пос. – М.: Слово, 2000. – 261 с.
124. Тухтахаджаева, Н. А. Лексико-фразеологическая репрезентация концепта «счастье» в английском и узбекском языках / Н. А. Тухтахаджаева // Вестник Челябинского гос. ун-та № 28(243), 2011. Вып. 59. – С. 112-115.
125. Фазилова, Ш. К. Концепт «Богатство» в английской, русской и таджикской лингвокультурах (на материале фразеологических единиц, пословиц, поговорок): автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. фил. наук / Фазилова Шахноза Комилджоновна. – Душанбе, 2019. – 25 с.
126. Федоров, М. А. Принципы системного подхода в определении понятий «культура», «концепт» и «язык» / М. А. Федоров. – Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2012. – 104 с.
127. Федоров, М. А. Термин «лингвокультура» в аспекте теории культуры / М. А. Федоров // Вестник Бурятского гос. ун-та № 6 (2), 2014. – С.83-86.
128. Филиппова, С. В., Хихлун, А. В. Концепты «Happiness/Дьол» в английском и якутском языках / С.В. Филиппова, А. В. Хихлун // Языкознание №10 (88), 2018. – С. 370-374.
129. Цуркан, В. В., Зайцева, Т. Б. Концепт «Счастье» в поэзии К. Бальмонта и В. Брюсова / В. В. Цуркан, Т. Б. Зайцева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Том 13. Вып.10, 2020. – С.70-74.
130. Чигина, Н. В., Изосимова, Е. С. Английские идиомы как объект перевода / Н. В. Чигина, Е. С. Изосимова // Международный научный журнал «Инновационная наука» № 10-3, 2016. – С. 128-130
131. Шаталова-Давыдова Е. В. Концепт как метод познания социокультурной реальности в России / Е. В. Шаталова-Давыдова // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 3 (27), 2012. – С. 156-160.
132. Шведова, Н. Ю. Русский язык: избранные работы / Н. Ю. Шведова. – Москва: Языки славянской культуры, 2005. – 638 с.

133. Campbell F. The sense of well-being in America^ Recent patterns and trends / F. Campbell. – N. Y., 1981.
134. Deese J. The Structure of Associations in Language and Thought / J. Deese. – Baltimore: The John Hopkins Press, 1965.
135. Ember C. R. Cross-Cultural Research Methods / C.R. Ember, M. Ember. – Lanham: Alta Mira Press, 2009.
136. Jackendoff, R. S. Languages of the Mind: Essays on Mental Representation / R. S. Jackendoff. – A Bradford Book, 1992. – 216 p.
137. Jackendoff, R. S. Semantic Structures / R. S. Jackendoff. – 3rd. Ed. – Cambridge. MA, 1993. – 300 p.
138. Jackendoff, R. S. Semantics and Cognition. Cambridge / R. S. Jackendoff. – 6th. Ed. – MIT Press, 1990. – 354 p.
139. Jackendoff, R. S. What is a Concept? // Frames, fields and contrasts. New essays in semantic and lexical organisation / R. S. Jackendoff. – Hillsdale, 1992.
140. Lakoff, G., Johnson, M. metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago; London, 1980. – 242 p.
141. Schank, R., Kass, A. Knowledge Representation in People and Machines // Meaning and Mental representation / Ed. By U. Eco. – Bloomington: Indiana University Press, 1988. – P. 134-138.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

142. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 605 с.
143. Бегматова, С. Половицы, поговорки и афоризмы таджикского, английского и русского и языков / С. Бегматова. – Худжанд, 2016.
144. Большой англо-русский и русско-английский словарь / Сост. А. П. Алексеев, Т. В. Яшкова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 767 с.
145. Девлин, Дж. Словарь синонимов и антонимов английского языка / Дж. Делвин. – М.: Центрполиграф, 2005. – 559 с.

146. Икболов, О. Пословицы, поговорки и афоризмы английского, русского и таджикского языков / О. Икболов. – Душанбе, 2008. – 190 с.
147. Калонтаров Я. И. Зарбулмасал ва мақолҳои тоҷикӣ ва муқоисаи ўзбекии онҳо / Я. И. Калонтаров. – Душанбе: Дониш, 1969. – 285 с.
148. Калонтаров, Я. И. Луғати имлои забони адабии тоҷик / Я. И. Калонтаров. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 333 с.
149. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь: ок. 20000 фразеологических единиц / А. В. Кунин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1984. – 942 с.
150. Маниёзов, А., Мирзоев, А. Луғати имло / А. Маниёзов, А. Мирзоев. – Душанбе: Маориф, 1991. – 248 с.
151. Мюллер, В. К. Большой англо-русский словарь: новая редакция: 250 000 слов и словосочетаний / В. К. Мюллер. – М: Дом Славянской книги, 2007. – 703 с.
152. Нуров А. Фарҳанги осори Ҷомӣ. Ҷилди 1. / А. Нуров. – Душанбе: Сарредакцияи илмии Энциклопедияи Советии Тоҷик, 1983. – 536 с.
153. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Шведов, Н. Ю. Шведова. – М., 1992. – 928 с.
154. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2010. – 874 с.
155. Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т.2. / В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. – М.: Вост. лит., 2003. – 502 с.
156. Розенталь, Д. Э., Теленкова, М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
157. Словарь иностранных слов. – 16-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1988. – 624 с.

158. Словарь употребительных английских пословиц / A Dictionary of English Proverbs in Modern Use, 326 статей / Сост. М. В. Буковская, С.И. Вяльцева, З. И. Дубянская. – М., 1990. – 240 с.
159. Таубе, А. М., Литвинова, А. В. Русско-английский словарь. Изд-во русс. яз., 1975. – 624 с.
160. Фарҳанги забони тоҷикӣ (словарь таджикского языка) в 2 т. / под ред. М. Ш. Шукурова, В. А. Капранова и др. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 969 с.
161. Фарҳанги ибораҳои халқӣ. – Душанбе: Адиб, 1988. – 400 с.
162. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ (таджикско-русский словарь) в 2 т. /. Под ред. З. Т. Холматовой и др. Т. 1. – Душанбе, 2004. – 388 с.; Т.2. – Душанбе, 2005. – 461 с.
163. Фозилов М. Зарбулмасалу мақолҳо дар тамсилу ҳикояҳо / М. Фозилов. – Душанбе: Дониш, 1973. – 158 с.
164. Фозилов М. Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикию форсӣ. Ҷ. I-III. / М. Фозилов. – Ҷилди 1. Душанбе: Ирфон, 1975; Ҷилди 2. Душанбе: Ирфон, 1977; Ҷилди 3: Душанбе, «Нашри Камол», 2014. – 640 с.
165. Фозилов М. Фарҳанги ибораҳои рехта (фарҳанги фразеологӣ) в 2 т. / М. Фозилов. – Ҷ. 1. – Душанбе, 1963; Ҷ. 2. – Душанбе, 1964.
166. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Т.2. М.: Флинта: Наука, 2008. – 816 с.
167. Buck, C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages / Carl Darling Buck. – Chicago, USA: The University of Chicago Press, Ltd., London, 1988. -1532 p.
168. Longman Dictionary of Contemporary English. – UK: Pearson Edition limited, 2003. – 1950 p.
169. Macmillan English Dictionary. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2004. – 465 p.
170. Oxford dictionary of current English. Fourth edition. Oxford University press, 2006

171. Webster's New World Dictionary of Synonyms: A Dictionary of Discriminated Synonyms with Antonyms and analogous and contrasted words / Editor in Chief David B. Guralnik. – Springfield, Mass.: Meeriam Webster, 1973. – 910 p.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

172. Айни, С. Бухара: (Воспоминания) / С. Айни. В 2-х кн. (Пер. с тадж. С. Бородина). – Кн. 1 (Отв. ред. и авт. послесл. К. С. Айни). – Душанбе: Ирфон. 1985. – 256 с.

173. Айни, С. Дохунда / С. Айни. Душанбе: Ирфон, 1984. – 428 с.

174. Айни, С. Ёддоштхо. Қисми 1,2 / С. Айни. – Душанбе: Адиб, 1990. – 352 с. Айни, С. Ёддоштхо. Қисми 3 / С. Айни. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1950. – 330 с.

175. Каххори, А. Суруди бахт / А. Каххори. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1948. – 54 с.

176. Қаноат, М. Сарҷӯи сабз (Достонҳо ва шеърҳо) / М. Қаноат. – Душанбе: Ирфон, 1975. – 174 с.

177. Муҳаммадиев, Ф. Асарҳои мунтахаб / Ф. Муҳаммадиев. Ҷилди 2. – Душанбе: Ирфон, 1980. – 198с.

178. Муҳаммадиев, Ф. Муҳоҷирон. Очеркҳо / Ф. Муҳаммадиев. – Ҷ.1. Душанбе: Ирфон, 1981. – 555 с.

179. Насрулло, К. Махмали оҳ / К. Насрулло. Душанбе: Маориф, 2019. – 240с.

180. Панду хикмат. Гирдоваранда М. Фозилов. Муҳ. М. Фарҳат. Нашриёти давлатии Тоҷикистон: Душанбе, 1963. – 480 с.

181. Песни Таджикистана. Вокальные произведения композиторов Таджикистана. Киев, 1972. – 76 с.

182. Саади. Гулистан (Розовый сад) / Под ред. А. Бертельса; пер. С персидского Р. Алиева; пер. стихов А. Старостина. Гос. изд-во Худ. лит. – М., 1957. – 323с.

183. Саъдии Шерозӣ. Гулистон / мурат. С. Сиддиқов. – Душанбе, 2015. – 176с.

184. Тазкираи мухтасари назми муосири тоҷик. Мураттиб Низом Қосим. Душанбе: Маориф, 2019. – 240 с.
185. Турсунзода, М. Ман аз Шарқи озод (маҷмуаи шеърҳои достонҳо) / М. Турсунзода. – Нашриёти давлатии Тоҷикистон: Сталинобод, 1951. – 263 с.
186. Турсунзаде, М. Дорогая моя (Стихи и поэмы) / Составитель П. Турсунзаде. – Душанбе: Адиб, 1991. – 240 с.
187. Шукӯҳи, А. Садои дил / А. Шукӯҳӣ. Нашриёти давлатии Тоҷикистон: Сталинобод, 1957. – 226 с.
188. Aini, S. the Sands of Oxus. Boyhood Reminiscences of S. Aini / Translated from Tajik-Persian with introduction and notes by John R. Perry and Rachel Lehr. – Mazda Publishers, 1998. – 290 p.
189. Bronte, Ch. Jane Eyre (Джейн Эйр (на англ. яз.)) / Ch. Bronte. – М.: Urait, 2018. – 338 p.
190. London J. Martin Eaden. (Мартин Иден (на англ. яз.)) / J. London – М.: Foreign Literature, 1953. – 132 p.
191. Wisdom Pearls (short stories) / Compiled by Shakhid Riaz. – 2015. – 313 p.

IV. ИНТЕРНЕТ РЕСУРСЫ

192. English Synonyms and Antonyms [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.thesaurus.com/> (дата обращения 11.05.2019)
193. Etymonline [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.etymonline.com> (дата обращения 11.05.2019)
193. 7 happy idioms [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ecenglish.com/learnenglish/lessons/7-happy-idioms> happy (дата обращения 1.06.2020)
193. Macmillian Thesaurus [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.macmillian.thesaurus.com/> (дата обращения 11.02.2019)

